

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирского государственного
института культуры

Научный журнал по искусствоведению, культурологии,
историческим наукам

№3(7)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2018

Учредитель: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68583 от 03 февраля 2017 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Журнал включен в систему РИНЦ

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор);
Е.Ю. Перова, кан. эконом. наук, доцент (зам. гл. редактора);
И.С. Цыремпилова, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
И.Б. Батуева, д-р ист. наук, проф.; Т.Н. Бояк, д-р социол. наук,
проф.; Н.Б. Дашиева, д-р ист. наук, проф.; С.А. Езова, канд. пед.
наук, проф.; В.Л. Кургузов, д-р культурологии, проф.;
В.Ц. Найдакова, д-р искусствоведения, проф.; З.А. Серебрякова, д-р
филол. наук, доцент; С.Г. Степанова, канд. пед. наук, доцент;
С.П. Татарова, д-р социол. наук, проф.; С.А. Харитоновна, канд. пед.
наук, доцент (отв. секретарь); Э.В. Хилханова, д-р филол. наук,
проф.; Д.Л. Хилханов, д-р социол. наук, проф.; Л.М. Хобракова,
канд. филол. наук, доцент; Н.Д. Хосомоев, канд. филол. наук, проф.;
А.В. Чебунин, д-р филос. наук, доцент.

**В Е С Т Н И К Восточно-Сибирского государственного
института культуры. – Улан-Удэ, 2018. – №3(7)**

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»
670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.
Телефон: (3012) 23-29-83; e-mail: vestnikvsgik@mail.ru

Выход в свет 08.11.2018. 70x108 1/16. Усл. печ. л. 14,35. Уч.-изд. л. 9,31.
Тираж 500 экз. Заказ № 2287. Цена свободная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Гомбожапов А.Г. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ АБГАЛДАЕ – ДУХЕ-ПОМОЩНИКЕ БУРЯТСКИХ ШАМАНОВ.....	5
Д. Одуурэн ВЗГЛЯДЫ ПО ГЕНЕЗИСУ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МОНГОЛОВ (ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИОГРАФИИ).....	19
Антонова Ю.Е., Батурин С.А. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ БНЦ СО РАН.....	27
Дикий Я.В., Бураев А.И. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БУРЯТИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.)	36
Цыремпилова И.С. ИСТОРИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В 1917-1930-е гг. В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ.....	47
Плеханова А.М. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ БУРЯТИИ В 1920-1930-е гг.: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	56
Банзаракцаева Е.В. К ВОПРОСУ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1941-1945 гг.....	63
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	68
Харитонов М.А. ДАЦАНЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ФОТОИЗДАНИЯХ НАЧАЛА XX в.	68
Сартакова А. В. «ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ»: ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ	82
Езова С.А. ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ	89
Перова Е.Ю. ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	96
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	104
Гао Цзясинь НАЦИОНАЛЬНАЯ ХОРЕОГРАФИЯ В КИТАЕ: ИСТОРИЯ И СЕМАНТИКА.....	104

Амгаланова М.В., Гу Имин МЕСТО КАНТАТЫ «ХУАНХЭ» СЯНЬ СИНХАЯ В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ.....	112
Семенов Е.В. ТВОРЧЕСТВО ПОЛЬСКИХ ХУДОЖНИКОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В 60-е гг. XIX в.: СТАНИСЛАВ ВРОНСКИЙ.....	120
Санжиева Е.Г. ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХУДОЖНИКОВ И МАСТЕРОВ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА БУРЯТИИ 1960-1970-х гг.....	128
Тришин В.А. СТАНОВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СТУДЕНТА-РЕЖИССЕРА В СТУДИЙНОЙ СРЕДЕ.....	133
РЕЦЕНЗИИ	145
Курас Л.В. ХРОНИКА ЖИЗНИ КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФА	145
Кепин Д.В. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БЕЛОУСОВА Н. А., БОГОЛЕПОВА Л. З. МУЗЕИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ : МОНОГРАФИЯ. КЕМЕРОВО, 2016. 415 с.....	157
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	161

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.31443/2541-8874-2018-3-7-5-18

УДК 398.47(=512.31)

Гомбожапов А.Г.

Gombozharov A.G.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ АБГАЛДАЕ – ДУХЕ-ПОМОЩНИКЕ БУРЯТСКИХ ШАМАНОВ

BELIEFS ABOUT ABGALDAY – THE SPIRIT-HELPER OF THE BURYAT SHAMANS

Статья посвящена комплексному исследованию духа-помощника бурятских шаманов Абгалдай. Исследуется традиция изготовления у бурят масок этого духа. Впервые публикуются фрагменты призываний, посвященных Абгалдаю, собранные автором во время полевых исследований у бурят Забайкалья. Дается научный перевод представленных поэтических текстов. Путем анализа опубликованных материалов по фольклору и этнографии, а также полевых и архивных материалов рассматривается происхождение духа-помощника шаманов. Дается описание его внешнего вида, характер и функции, характерные для этого шаманского духа-помощника.

The article is devoted to the complex study of the spirit-helper of the Buryat shamans named Abgaldai. The tradition of making masks of this spirit by the Buryats is studied. The fragments of invocations devoted to Abgaldai collected by the author during his field studies of the Buryats of Transbaikalia have been published for the first time. The scientific translation of the poetic texts given is done. On the basis of the published materials on folklore and ethnography as well as on the field and archival materials the origin of the spirit-helper of the shamans is considered. The description of his appearance, character and functions characteristic of this shamanistic spirit – helper is given.

Ключевые слова: Абгалдай, обрядовый фольклор, буряты, хамниганы, маски, обряды, духи-помощники.

Keywords: Abgaldai, ritual folklore, the Buryats, the Khamnigans, masks, rituals, spirits-helpers.

Традиционно каждая семья имела свою группу *онгонов*, которых условно можно разделить на три категории. Первая – это *онгоны*, переданные родителями своей дочери при ее замужестве. Вторая – *онгоны*, переданные родителями своему сыну. Третья – *онгоны*, которые были заведены в ходе существования новой семьи. Все они изготавливались из жести, дерева, глины, войлока, кожи, ткани, шерсти и волос и представ-

ляли собой духов как небесного, так и земного происхождения. Они выполняли роль защитников, покровителей конкретной семьи.

В каждой бурятской семье, роду имелись свои почитаемые божества, духи-помощники, покровители. Наряду с ними у них были свои племенные и родовые, семейные, известные только им покровители. Некоторые из них выходили за рамки племени, рода, семьи.

Кроме таких семейных онгонов были те, которые почитались только шаманами. Бурятский шаман имел множество духов-помощников – онгонов. Их количество зависело от количества посвящения в шаманы и было показателем силы шамана. Проходя очередное посвящение, шаман увеличивал число своих духов-помощников, получал больше полномочий и прав, а так же дополнительные шаманские атрибуты. Во время проведения различных обрядов он приглашал своих духов-помощников и просил помочь в проведении обряда.

Слово *онгон* входит в состав словосочетания *онго оруулха* ‘войти в измененное состояние сознания’ (досл. ‘ввести в себя онгона’). Когда шаман находится в измененном состоянии – *онго*, он вселяет в себя определенного духа, и этот дух зачастую представляет собой некоего духа-онгона [4, с. 45].

Одним из таких известных духов-помощников у бурят является Абгалдай. В наши дни сами верующие считают, что он встречается у хори-бурят [11, Ринчинов]. Тем не менее Ц. Ж. Жамцарано писал о наличии представлений об онгоне Абгалдае у балаганских бурят, у южных монголов в начале XX в., а датский ученый Х.Х. Кристенсен – у чахарских монголов. Одним он представлялся как страшный и некрасивый, злой дух [1, с. 71], другим – как дух, который разбалтывает все, что знает или же как белый онгон-тэнгри (*онго сагаан тэнгэри*) [2, с. 121], в представлении третьих он был великим и могущественным, знающим все [3, с. 35]. У современных хори-бурят Абгалдай считается очень могущественным *онгоном*, помогающим шаманам.

Следует отметить, что согласно легенде, записанной Ц.Ж. Жамцарано, Абгалдай считался хамниганом, который любил курить табак, был женат на шаманке по имени *Һэтэрхээн* - дочери *Гуулин хана* (корейского хана - прим. Г.А.), имел единственного сына по имени *Баахан*. Когда жена ушла по своим шаманским делам, Абгалдай остался со своим сыном дома. У него закончился табак, и он пошел к соседям оставив спящего сына одного. Во время его отсутствия сын проснулся и вышел из дома, а в это время поднялся сильный вихрь, который подхватил его, бросил в реку и он утонул [7, с. 229].

Согласно легенде, по возвращении домой *Һэтэрхээн*, рассердившись, мечом отрубила ему голову. По одним сведениям, бросила голову на развилке четырех дорог [11, Ринчинов], по другим отрубила золотым скребком (*хэдэргэ*) для очистки шкуры от мездры и бросила голову в реку Ангару [8, с. 136]. Второй вариант имеет продолжение: хозяин реки разгневался и напустил болезнь. Тогда верующие, договорившись, почтили голову Абгал-

дая обрядом *дэгдээхү* (вознесения) и отправили духа умершего в Верхний мир. Во время наших полевых исследований знатоки традиционных обрядов сообщали, что перед тем, как бросить отрубленную голову Абгалдая на развилку дорог, его жена сказала: «Твое наказание – будешь помогать людям за водку и крепкий табак» [11, Гармажапова].

По данным Ц.Ж. Жамцарано в прошлом буряты маску Абгалдая изображали в натуральную величину в виде кожаной, медной и деревянной маски с бородой и красными глазами, в шапке с пером филина на макушке, с желтыми металлическими подвесками с шаманской железной короной [2, с. 121]. Традиция изготовления медной маски с бородой и подвесками не утрачена до настоящего времени. Иногда его миниатюрную личину из меди привешивают на ритуальную одежду шамана в качестве духа-помощника шамана. Другие изготавливают медную маску в натуральную величину с густой бородой и бровями, привязывают к нему разные ленты примерно шириной 20 см., длиной до 1 м. и ритуальные *хадэки* – полосы ткани шириной около 30 см., длиной до 1,5 м. Третьи не используют маски, но все же призывают этого духа-помощника. При этом некоторые верующие не могут точно описать его, но отмечают, что по какой-то причине его наказала жена, и он любит табак.

В начале XX в. Ц.Ж. Жамцарано зафиксировал шаманское призывание, посвященное Абгалдаю, которое состоит из 79 стихотворных строк [7, с. 226-228]. Из содержания этого поэтического текста можно сделать вывод о том, что Абгалдай пребывает в юго-восточной стороне, является, Хозяином Черного моря – *Зүүн урда зүгтэ Хара далайн эзэн*. Далее, в тексте описываются его внешние данные:

*...Гутаар тэнгэрийн хүбүүн
Гуулин хаанай хүрьгэн
Ел хара Ергэлдэй,
Енгүү хара Абгалдай,
Умадагтаа хүрэмэ һахалтай,
Үбдэгтөө хүрэмэ һүүрэлтэй
Һахалта баабай,
Дурдахадам дуульш,
Ооголходом ерыш!*

...Сын Гутар тэнгрия
Зять Гулин хана
Чёрный-пречёрный Ергэлдэй,
Язвительный чёрный Абгалдай,
До промежности с бородой,
До колен с волосами на мошонке
Бородатый дедушка,
Когда призываю – услышь!
Когда зову – приди!

[7, с. 226]

[здесь и далее перевод - А. Г.]

В этом фрагменте призывания имеется описание портрета Абгалдая, из которого следует, что он имеет длинную бороду, является волосатым. Это вполне согласуется с современной традицией изготовления его медной маски с бородой и усами и почтительного обращения к нему «дедушка». Из другого призывания, посвященного Абгалдаю, можно узнать его возраст:

*...Һэтэрхэн хаан һамгатай
Ерэн юһэн һаһатай
Енгуу хара Абгалдай...*

...Женатый на Һэтэрхэн
Девяностодевятiletний
Язвительный чёрный Абгалдай...

[11, Ринчинов]

Далее следует в этом тексте описание, чем обладает Абгалдай:

*...Долоон боро моритой,
Дохолон ганса моритой,
Ерэн юһэн наһатай
Енгүү хара Абгалдай...*

[11, Ринчинов] Язвительный черный Абгалдай...

Приведем другой фрагмент шаманского призывания, записанный Ц.Ж. Жамцарано у Санжи Зодбоева кубдутского рода, Угданского улуса:

*...Абгалдай баабай,
Агууха буумал –
Ашта буурал аба,
Хөөтэй тогоо хунхинүүлээд,
Хөөрүү баабай,
Танаа урибабди.*

[9, с.14]

...Семью серыми лошадьми обладающий,
Одну хрошую лошадь имеющий,
Девяностодевятiletний

Язвительный черный Абгалдай...

...Абгалдай дедушка
Великий спускающийся [с небес]
Благодетельный седовласый отец,
По покрытому сажеей котлу громахающий,
Разговорчивый дедушка,
Вас мы пригласили!

Верующие в своих призываниях обращались к Абгалдаю, используя слова: «дедушка», «седовласый отец», «разговорчивый дедушка», «язвительный».

Тексты призываний органично вплетают в себя благопожелания. Так, в образцах, записанных Ц.Ж. Жамцарано, содержатся пожелания вечного здоровья, долголетия и благоденствия:

*Убшэн танай эбдэржэ,
Тахал танай тараг!
Үхэрэй шэнээн шулуунай
Үйрэжэ үгы болотор
Үхэлэй заха бу үзэгты,
Мориной шэнээн шулуунай
Мухариха үгы болотор
Муу юумэ бү үзэгты! [7, с. 228]*

[Пусть] болезни ваши разрушатся,
Ваши недуги развеются!
Пока размером с быка камень
Не превратится в крошки
[Пусть] не коснется вас смерть,
Пока размером с лошадь камень,
Покатившись, не изотрется,
[Пусть] не коснутся вас невзгоды!

Выше приведённые образцы были записаны Ц.Ж. Жамцарано в пору активного бытования обрядового фольклора (1900-1909 гг.). Эти тексты отличаются полнотой в содержательном и поэтическом планах. В текстах, записанных нами в конце XX в., в 1990-х гг. благопожелания уже отсутствуют.

*...Алтан шара хүбүүтэй
Сэтэр хаан басагатай
Һэтэрхэн хаан һамгатай
Ерэн юһэн наһатай
Енгүү хара Абгалдай
Ноен, ноен, ноен даа
Ноен, ноен, ноен даа
Ноен, ноен, ноен даа*

...Единственного сына имеющий,
[На] дочери Сэтэр хана
Һэтэрхэн женатый
Девяностодевятiletний
Язвительный черный Абгалдай
Ноен, ноен, ноен даа
Ноен, ноен, ноен даа
Ноен, ноен, ноен даа

Долоон боро моритой

Дохолон ганса моритой

Эрэн юэн наһатай

Энгүү хара Абгалдай

Ноен, ноен, ноен даа

Ноен, ноен, ноен даа

Ноен, ноен, ноен даа...

Семью серыми лошадьми обладающий,

Одну хромую лошадь имеющий,

Девяностодевятiletний

Язвительный черный Абгалдай

Ноен, ноен, ноен даа

Ноен, ноен, ноен даа

Ноен, ноен, ноен даа...

[11, Ринчинов]

Встречающееся в тексте современного призывания речевой штамп: «*Ноен, ноен, ноен даа*» не переводится, хотя дословно означает: «Господин, господин!» Но выражение используется для подчеркивания особой важности призывания. Вместо этого призывания заканчивается просьбой к Абгалдаю прибыть:

...Наанаа найхан дуулагты

Эрэн байжа буугты даа

Эндүүгүйхэн эрьегты!

...Внемлите, услышьте

Навестить нас спуститесь

Не ошибаясь, навестите!

[11, Ринчинов]

Как и в прошлом, в наши дни верующие во время проведения обрядов стараются быть учтивыми, т.к. считают, что проявление неуважения может помешать контакту с Абгалдаем. У современных бурят *онгон* вселяют обычно во время посвящения в шаманы. Верующие представляют его как онгона-сплетника (*хобууша онгон*) [11, Ринчинов]. К нему обращаются в тех случаях, когда не знают тонкостей, деталей проведения обрядов. Во время наших полевых исследований, проведенных с 1999 г. по 2016 г. у бурят Забайкалья, других случаев призывания его не было зафиксировано.

В прошлом у хоринских бурят Абгалдай изображался не только в виде грозной маски из кожи, дерева и металла, с большой бородой, но и в виде головы человека на рукоятке бубна [1, с. 71] Буряты обращались к Абгалдаю во время обряда для избавления от болезней [10].

По словам самих верующих, несмотря на то, что он считается весьма могущественным духом, очень боится своей жены из-за того, что не досмотрел за сыном. Во время проведения обряда шаман, в которого вселился дух Абгалдая, все время оглядывается, прислушивается. Когда верующие намекают, что идет его жена, он спешит уйти в свой мир. Считается, что Абгалдай помогает людям за щепотку табака, который обязательно выкуривает трубкой, а также за водку. Согласно опубликованным материалам, относящимся к началу XX в., наряду с табаком и водкой в качестве жертвоприношений ему подносили кусок бараньего жира [7, с. 230].

В ходе наших полевых исследований была получена информация от шаманки Г.Д. Дабаевой о том, что существуют разные ипостаси Абгалдая: 1) язвительный старец; 2) девяносто девять мертвецов подавляющий, при спасении человека, находящегося на волоске от смерти; 3) про-

низывающий тьму, невежество; 4) спасающий человека от смерти, вытаскивая его из мира мертвых; 5) черный небожитель; 6) один из сорока четырех небожителей.

По словам Г.Д. Дабаевой, Абгалдай является черным небожителем: «Он очень великий и грозный дух. Когда шаманы проводят какие-то большие обряды, обязательно задают вопросы всем перечисленным выше Абгалдаям. Когда мы начинали свою шаманскую деятельность и не могли напрямую спрашивать у небожителей (*тэнгриев*), то мы приглашали Абгалдаев. Мы, люди, находимся на самом нижнем уровне. На один уровень выше находятся наши предки рода, а над ними находятся множество Абгалдаев. Еще выше, на самом верху находятся небожители. Мы, шаманы, являемся посредниками. Мы с помощью бубна спускаем [их], просим. Они, спустившись, рассказывают все. Я родилась со способностями видеть невидимое и слышать то, что не слышат люди. Потому я и мои ученики, спустив их (вселив духов – Г.А.) разговариваем с ними. Каждый Абгалдай имеет жену. Один из них, язвительный черный старец, имеет жену *Һэтэхээн*, дочь *Һэмжээхэна*. Единственного сына звали Зоригто. Когда жена уехала по своим делам, попросила Абгалдая присмотреть за сыном, но он не смог. Сын утонул. За это его жена отрубила ему голову и повесила на ветку вяза» [11, Дабаева].

Исходя из вышеописанного, можно сделать заключение, что в наши дни при хорошей сохранности основного сюжета наблюдаются некоторые новации. Так, Абгалдай рассматривается как группа духов-помощников (Г.Д. Дабаева), хотя согласно архивным и некоторым нашим полевым материалам, собранным у забайкальских хори-бурят, он традиционно представлен в единственном лице. Мы видим некоторую переработку сюжета, проявившуюся в том, что вместо золотого скребка для очистки шкуры от мездры его голова была отрублена мечом и была повешена на дерево, а не брошена на развилке дорог. В основном, эти версии были зафиксированы в Агинском районе Забайкальского края, где конкретно встречаются такие версии.

Можно предположить, что в связи с широкой известностью Абгалдая у хори-бурят он является непременным участником обряда посвящения в шаманы, и является одним из ключевых духов-помощников шамана.

Зафиксированные образцы обрядового фольклора стилистически и композиционно выдержаны. Так, призывания, посвященные Абгалдаю, всегда начинаются с обращения к нему. Затем после вселения в тело шамана дух Абгалдая спрашивает у верующих, с какой целью, для чего они его позвали. На что они, поднося ему трубку с табаком, рассказывают о проводимом обряде, просят помощи, задают свои вопросы. Он, в свою очередь, отвечает на вопросы верующих, выкуривая эту трубку. При этом он всегда опасается своей жены и потому время от времени спрашивает: «Не идет ли *Һэтэрхэн?*» Для того чтобы шаман вышел из измененного сознания, присутствующие на обряде начинают

шептаться, что идет его жена, начинают шуршать, бренчать железками. В результате шаман начинает быстро собираться (встает в полусогнутую позу, начинает прыгать, бить в бубен, вздрагивать и кружиться). Перед тем, как уйти он успеваеt сказать благопожелания участникам обряда. Произнесение благопожелания является своеобразным кодом, показателем того, что Абгалдай собирается вернуться в свой мир.

В атласе «Маски народов Сибири» есть фотографии металлических масок конца XIX – начала XX вв. В работе представлены различные маски народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе бурят. Там имеются зафиксированные у забайкальских эвенков натуралистичные овальные медные и железные маски высотой 14-16 см, с открытыми ртами, с прорезями для глаз, с прикрепленными в местах предполагаемых бровей и бороды кусочками медвежьего меха. По бокам были привязаны пучки тканей и ленты длиной более метра. Автор отмечает, что они олицетворяли духа-помощника шамана, чьими изображениями были, не выяснено [5, с. 26].

Среди упоминаемых масок, медные маски, по нашему мнению, олицетворяют собой Абгалдая. Наше предположение подтверждает тот факт, что они изготовлены из меди. В бурятском языке слово медь передается словом *гуулин*, а Абгалдай был сыном Гуулин хана. Как уже говорилось выше, в свое время известный бурятский ученый Ц.Ж. Жамцарано в своих материалах отмечал, что Абгалдай был хамниганом.

Утверждение С.В. Иванова о том, что изображения медных масок имеют происхождение эвенкийское [5, с. 26], спорно. Прав Ц.Ж. Жамцарано, который писал о том, что Абгалдай был хамниганского происхождения. По нашим наблюдениям, во время вселения в сознание шамана дух Абгалдая, камлающий шаман начинал говорить по-бурятски или по-хамнигански. В силу взаимопроникновения культур хамниган и бурят в Забайкалье, ассимиляции некоторой части хамниган бурятами представление о духе-помощнике Абгалдай широко распространилось в среде шаманистов хори-бурят. Со временем он стал рассматриваться как исконно бурятский шаманский дух-помощник.

В наши дни в Забайкальском крае живут хамниганы, которых иногда называют забайкальскими эвенками или конными тунгусами. Сами современные представители хамниган не считают себя ни эвенками, ни бурятами. «Лингвистические и этнографические сведения XX в. вполне позволяют говорить об «ононских хамниганах» как об определенном слое монгольского населения, являющегося коренными насельниками этого региона и носителями древнего дописьменного диалекта монгольского языка, на который значительное влияние оказал дагурский язык. Кроме того, вполне вероятно, что основная масса так называемых нерчинских хамниган является потомками дагурского населения, а возможно, и смешавшихся с ним маньчжуров, в значительной мере перемешавшихся как с ононскими хамниганами, так и с эвенками, под их влиянием также ставшими «конными тунгусами» [6, с. 108].

Итак, можно сказать, что Абгалдай в представлениях хори-бурят стал постоянным помощником шаманов. Описание его внешнего вида, характера и функций со временем меняется, но не кардинально.

Информаторы:

Ринчинов Баир Цырендоржиевич, 1954 г.р., с. Челутай Агинского района Агинского бурятского округа Забайкальского края, шаман.

Дабаева Галина Доржиевна, 1946 г.р., с. Сутай Мухоршибирского района Республики Бурятия, шаманка.

Гармажапова Б., 1967 г.р., с. Зуткулей Дульдургинского района Забайкальского края, шаманка.

Примечания

1. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. 116 с.

2. Гомбожапов А. Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX-XX вв.: истоки и инновации. Новосибирск : Наука, 2006. 184 с.

3. Гомбожапов А. Г. Устойчивость и изменчивость традиционного шаманских призываний бурят // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири : сб. науч. ст. и материалов / отв. ред. Г. Е. Солдатова. Новосибирск : Арта, 2008. С. 31-40 .

4. Дампилова Л. С. Функции духов-помощников шамана в тюрко-монгольских обрядах // Вестник Бурятского научного центра СО РАН.. 2013. №4 (12). С. 45-50.

5. Иванов С. В. Маски народов Сибири. Ленинград : Аврора, 1975. С. 81 : ил.

6. Нанзатов Б. З. Урульгинский котел: взаимодействие дауров, солонов, монголов, маньчжуров, бурят и эвенков на востоке Бурятии // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2012. №3(7). С. 99-108.

7. Хүхэ мүнхэ тэнгэри = Сборник шаманских призываний. Кн. 1. Улан-Удэ, 1996. 272 с.

8. Цыбен Жамцарано. Путевые дневники: 1903-1907 гг. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова ; сост. В. Ц. Лыксыкова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

9. Цыбен Жамцарано. Путевой дневник: 1908-1909 гг. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова, сост. В. Ц. Лыксыкова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 119 с.

10. Жамцарано Ц. Ж. Хэрэг абгалдай. Хори-бурятское шаманство : материалы 1908-1909 гг. // Архив Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Ф. 62. Оп.1. Д.15. Л.130.

11. Полевые материалы автора.

References

1. Galdanova G.R. Dolamaistskie verovaniya buryat [Pre-lamaist beliefs of the Buryats]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 116 p. [In Russ.].
2. Gombozhapov A.G. Tradicionnye semejno-rodovye obryady aginskikh buryat v konce XIX-XX v.: istoki i innovacii [Traditional family rites of the Aginsky Buryats at the end of the XIX-XX centuries: origins and innovations]. Novosibirsk: Nauka, 2006. 184 p. [In Russ.].
3. Gombozhapov A.G. Ustojchivost' i izmenchivost' tradicionnih shamanskikh prizyvaniy buryat [Stability and variability of the traditional shamanistic Buryat invocations] // Tradicii i innovacii v sovremennom folklore narodov Sibiri: Col. of scient. art. and materials / chief ed. G. E. Soldatova. Novosibirsk: Arta Publ., 2008. 135 p. (+DVD) – Pp. 31-40. [In Russ.].
4. Dampilova L.S. Funkcii duhov-pomoshchnikov shamana v tyurko-mongol'skih obryadakh [Functions of spirits-helpers of a shaman in the rituals of the Turk-Mongols] // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. №4 (12). 2013. Pp.45-50. [In Russ.].
5. Ivanov S. V. Maski narodov Sibiri [Masks of the Peoples of Siberia]. Leningrad: Avrora Publ., 1975. P.81. (ill.) [In Russ.].
6. Nanzatov B.Z. Urul'ginskij kotel: vzaimodejstvie daurov, solonov, mongolov, man'chzhurov, buryat i evenkov na vostoке Buryatii [The Urulga cauldron: the interaction of the Daurs, Solons, Mongols, Manchus, Buryats and Evenks in the east of Buryatia] // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. 2012. №3(7). Pp.99-108. [In Russ.].
7. ХҮХЭ МҮНХЭ ТЭНГЭРИ [Collection of shamanistic invocations]. Book 1. Ulan-Ude, 1996. 272 p.[In Buryat].
8. Zhamtsarano Ts. Puteviye dnevniki: 1903-1907 gg. [Itinerary diaries: 1903-1907 / chief ed. Ts.P. Vanchikova, comp. by V.Ts. Liksikova. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center SB RAS Publ., 2001. 382 p.[In Russ.]
9. Zhamtsarano Ts. Putevoj dnevnik: 1908-1909 gg. [Itinerary diary: 1908-1909] / chief ed. Ts.P. Vanchikova, comp. by V.Ts. Liksikova. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center SB RAS Publ., 2006. 119 p. [In Russ.].
10. Zhamtsarano Ts. Zh. Хэрэг абгалдай. Khoriburyatskoe shamanstvo: materialy 1908-1909 gg. // Archiv Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta vostokovedeniya RAN. F. 62. Op.1. D.15. L.130. [In Russ.].
11. Polevye materialy avtora [The author's field materials] [In Russ.].

Приложение

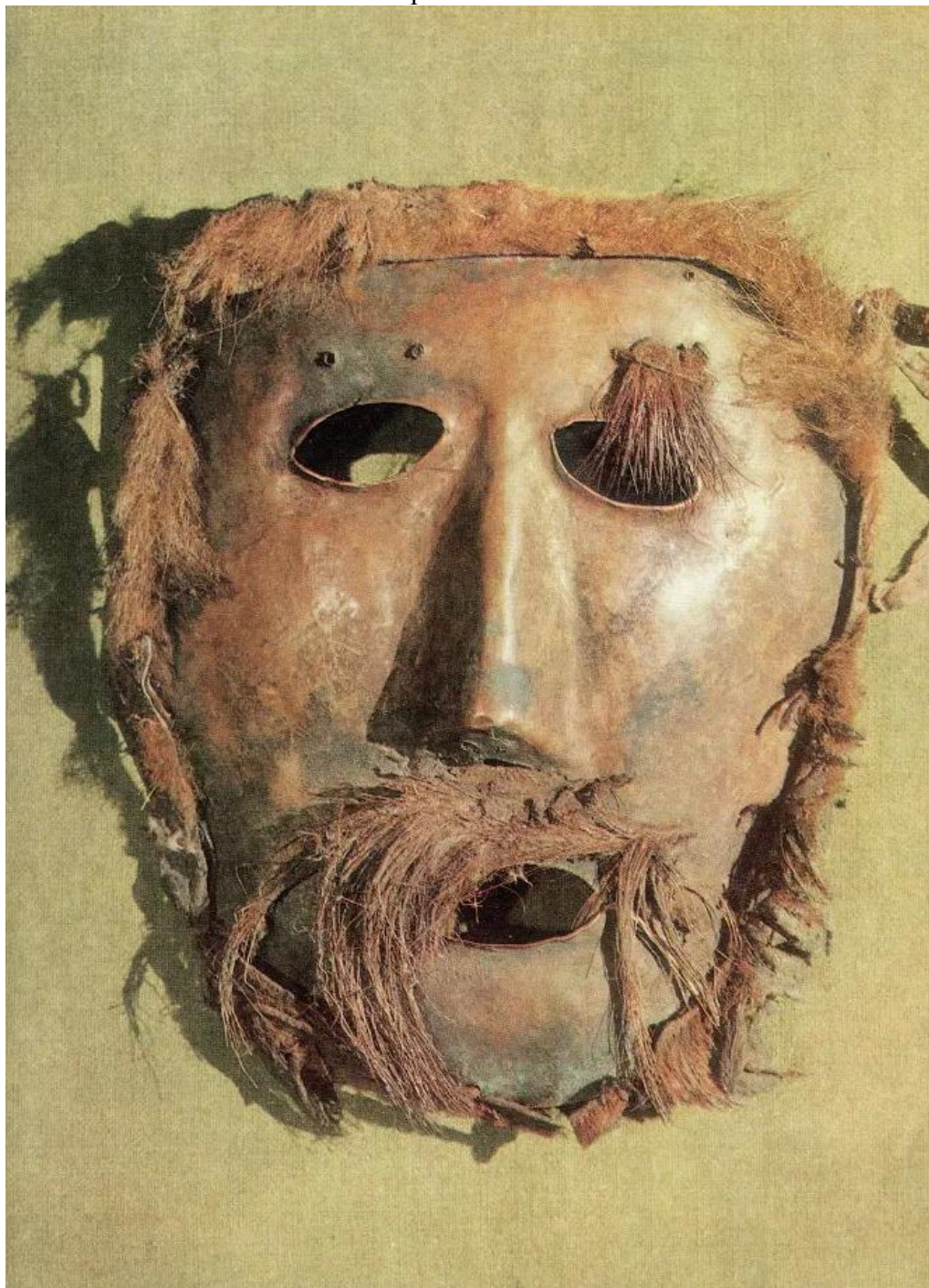

Фото 1. Шаманская маска. Забайкальские эвенки. Начало XX в // Иванов С. В. Маски народов Сибири. Ленинград, 1975. С. 81 : ил. № 18.

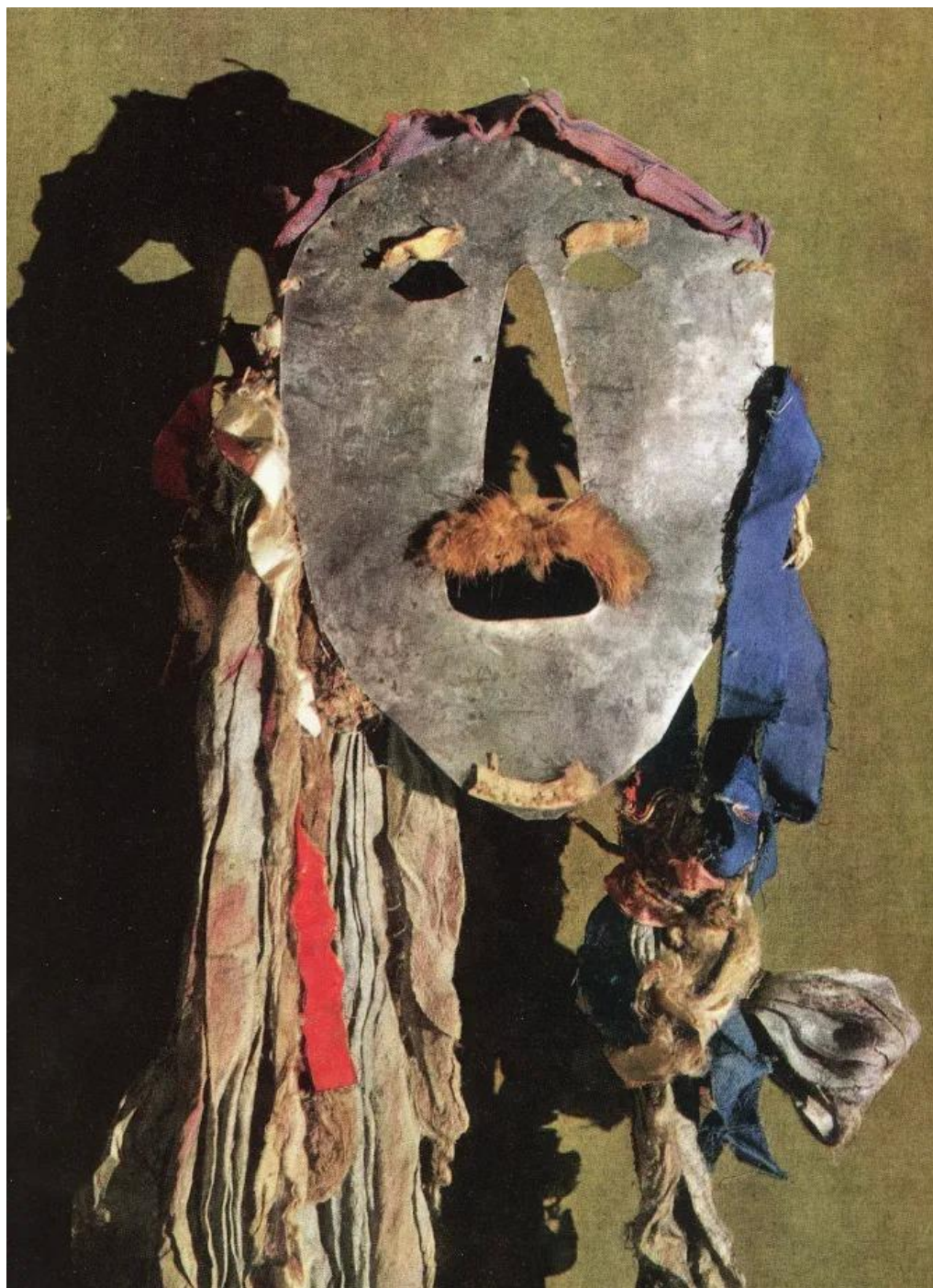

Фото 2. Шаманская маска. Забайкальские эвенки. Начало XX в. // Иванов С. В. Маски народов Сибири. Ленинград , 1975. С. 81: ил. № 19.

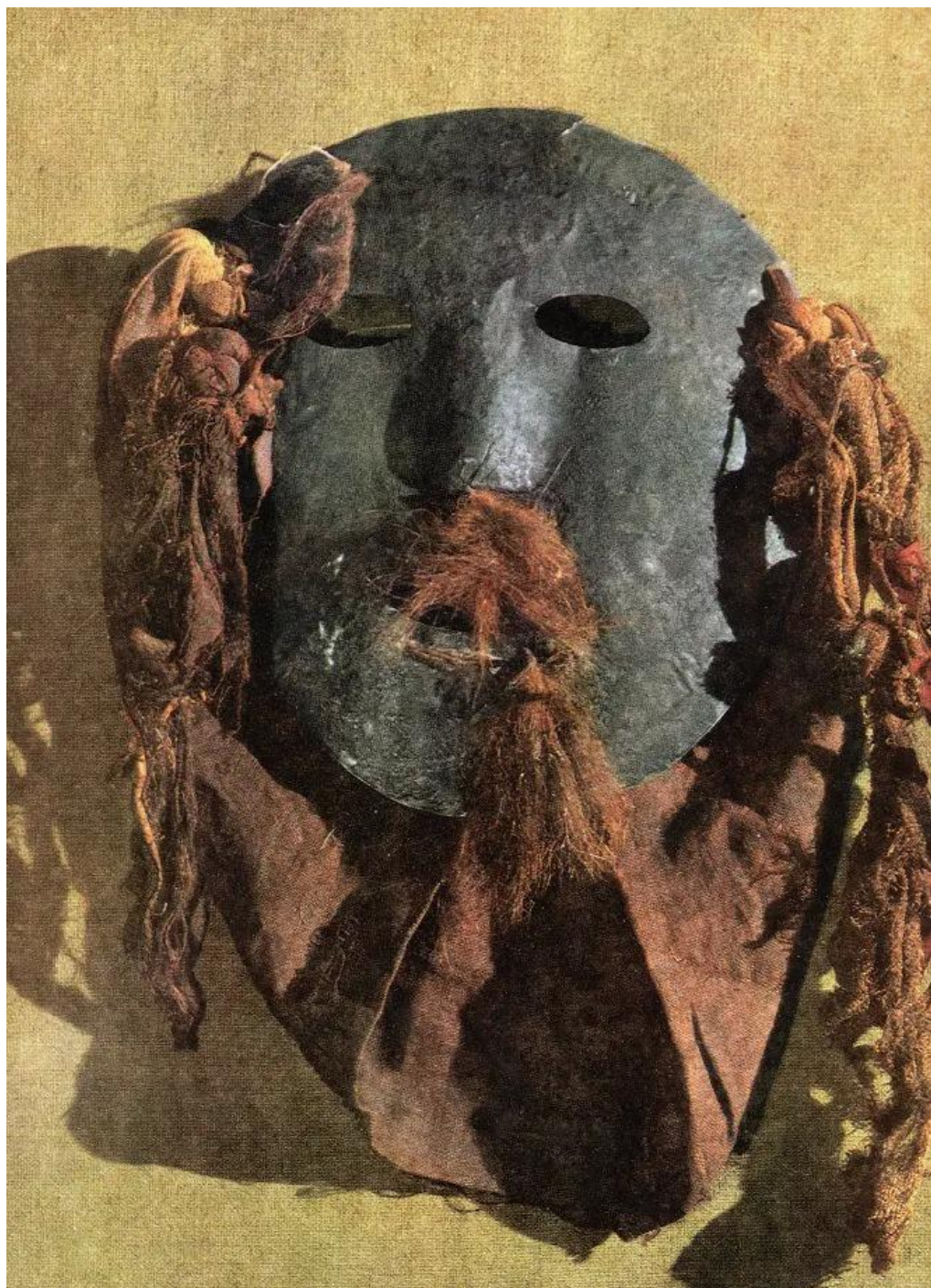

Фото 3. Шаманская маска. Забайкальские эвенки. Начало XX в. // Иванов С. В. Маски народов Сибири. Ленинград, 1975. С. 81: ил. № 20.

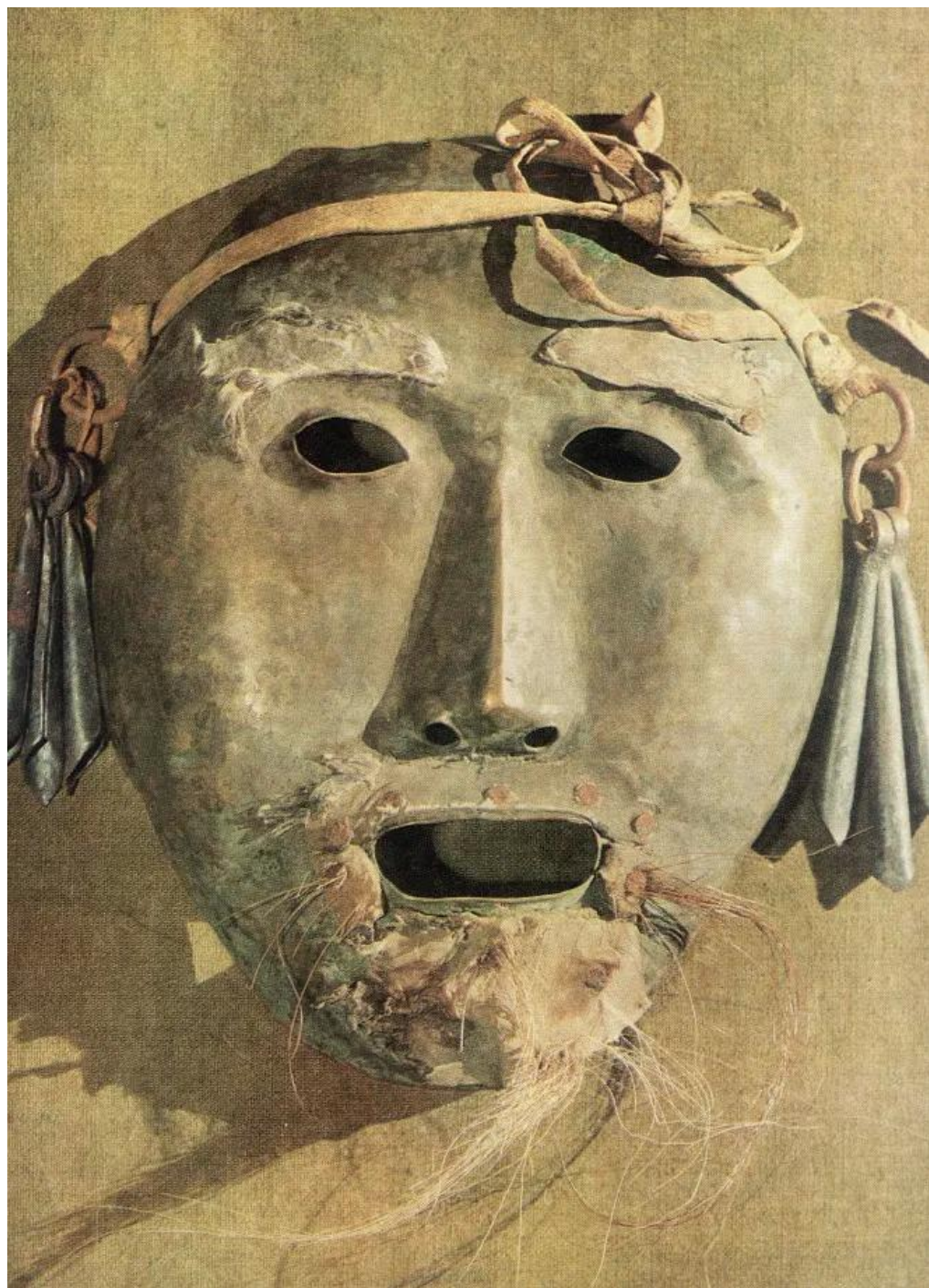

Фото 4. Шаманская маска. Буряты. Начало XX в. // Иванов С. В. Маски народов Сибири. Ленинград, 1975. С. 81: ил. № 36.

Фото 5. Современная медная маска Абгалдая : атрибут шамана З. С. Дашидондокова, 1954 г.р., Агинское, Забайкальский края / фото А .Г. Гомбожапова. 2010.

Д. Одсүрэн

D. Odsuren

**ВЗГЛЯДЫ ПО ГЕНЕЗИСУ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МОНГОЛОВ
(ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИОГРАФИИ)**

**VIEWS ON THE GENESIS AND IDENTITY OF THE MONGOLS
(A HISTORIOGRAPHICAL STUDY)**

Как отмечают ученые, система взглядов по генезису и принадлежности монголов делится на три направления: генезис монголов происходит, во-первых, от Хуннов и Дунхуцев, во-вторых, от Дунхуцев и, в-третьих, от Шивэйцев. Те, которые придерживаются первого взгляда, вводят хуннов и сяньбийцев в один исторический период и считают, что хунны и дунхуцы имеют этнические связи между собой. Те, которые считают дунхуцев предками монголов, не считают хуннов предками монголов. Они считают хуннов тюркоязычными. Третий взгляд был распространен с начала XX в. и много зарубежных и отечественных ученых считают, что генезис монголов начинается от шивэйцев.

According to the researchers, the system on genesis and identity of the Mongols is divided into three directions: firstly, the genesis of Mongols originates from the Huns and Donghu, secondly, only from the Donghu, and thirdly, from the Shiva. Those who are of the first opinion consider the Huns and Xianbi as belonging to one historical period and believe that the Huns and Donghu have ethnic ties between each other. Those who believe the Donghu to be ancestors of the Mongols do not think of the Huns as their ancestors. They consider the Huns to be Turkic-speaking. The third opinion has been widely spread at the beginning of the XX century and many foreign and domestic scholars believe that the genesis of the Mongols starts from the Shiva.

Ключевые слова: Дунхуцы, Хунны, Шивэйцы, Сяньбийцы, генезис и принадлежность монголов.

Keywords: Donghu, Huns, Shiva, Xianbei, genesis and identity of the Mongols.

В статье на основе взглядов и тенденций исследователей рассматривается вопрос о генезисе монголов в период хуннов и сяньбийцев, который играет важную роль в истории монголов.

Г. Сухбаатар, который сделал переворот в советской этнологии и западной антропологии отмечал: «Ученые изучали генезис, принадлежность, историю и язык хуннов и сяньбийцев отдельно... не изучали специально их родственную связь». Несмотря на рассмотрение хуннов и сяньбийцев в их родственной связи, на самом деле сяньбийцы являются

потомками дунхуцев, которые потерпели поражение от Модуна в период от весны 208 г. и по осень 207 г. до н.э. Следовательно, изучение генезисной связи хуннов и сяньбийцев выглядит, с одной стороны, рассмотрением генезисной связи между ними. И кроме того, как он отметил, фактически отсутствовало обоснованное исследование по генезисной связи между хуннов и сяньбийцев (дунхуцев) до его статьи.

Исследование П. Дэлгэржаргала по этнической истории и генезису монголов имеет большое значение, так как в нем был сделан обзор исследований ученых по этому вопросу и были систематизированы теория и исследовательские направления по генезису монголов. В своей работе он писал «о трех теоретических и методологических взглядах, по которым объясняется генезисная система монголов...». То есть, «во-первых, генезис монголов восходит к хуннам и дунхуцам, во-вторых, только дунхуцы являются предками монголов (в систему дунхуцев входят племена сяньбийцы, ухуаны, муюны, тобацы, жоужаны тогоны, киданы, шивейцы и др.) и, в-третьих, монголы происходят от шивэйцев, однако при этом рассматриваются монголы отдельно от прежних других племен и улусов» [1, с. 23-24].

Генезисная связь между Хуннами/Дунхуцами и монголами. Исследования крупных представителей этого направления выглядят следующим образом.

Как считает Иакинф Бичурин, до III в. до н.э. нынешняя Монголия и жители Средней Азии уже были разделены на Хунну и Дунху. Хунну есть монгольский хан, а Дунху – татарский хан [2].

О родственной связи хуннов и дунхуцев и их этнической связи с монголами сделал вывод К. Ширатори, который изучал языки дунхуцев и других племен в своей книге «Исследование по дунхуцам». Он говорил о том, что дунхуцы относятся к монгольскому этносу, хунны и дунхуцы имеют между собой генезисную связь. Кроме того, Ширатори написал в своей статье «Исследование по ханам и хатанам»: «Хунны входили в одно племя, которое восходит к дунхуцам. Они были в основном монголами...» [3].

Г. Сухбаатар в статье, написанной в 1969 г., выразил взгляд о генезисе и принадлежности монголов и детально рассмотрел эту тему в книге «Монголия – Нирун». Как он считает, хунны и сумбэцы (сяньбийцы) относятся к одному историческому периоду и назвал этот промежуток времени «периодом древних монголов (с IV в. по II в. до н.э.)» и считал исторически правильным вывод о том, что «Нирун является началом периода коренных монголов (монголы в периоде Чингис хана) (с III в. по IV в.)». Кроме того, он сделал вывод: «Хунны совсем не связаны с древними тюрками по этнической особенности. Хунны клали покойников в гроб и засыпали в землю и делали или не делали гробницу как сяньбийцы, нируны и коренные монголы... тюрки сжигали покойников, проводили погребальные церемонии весной и осенью и поставляли балбалы над погребением героев... хунны, сяньбийцы, табгачи и коренные монголы

имеют между собой прямые связи через легенды о кочевках и легендой Эргунэ-кун монголов... тюрки начали их генезис только с начала VI в., то есть с ханов Бумын и Истеми и следовательно они не имеют никакой потомственной связи с хунну... когда империя хунну распалась, более 100000 семей (500000 людей) соединились с сяньбийцами и назвали сами себя сяньбийцами. Следовательно, государство Сяньби (с II в. по IV в.), которое расцвело после хунну на самом деле было хунну... сяньбийцы имели книги, написанные на их языке и имели древнее монгольское слово битэгчин (бичээчин (писарь)...» [4].

Выводы, сделанные Бичуриным, Широтори и Сухбаатаром, являются яркими примерами взглядов ученых, которые считают, что монголы происходят от хуннов-дунхуцев.

Генезисная связь между Дунхуцами и монголами. Одним из представителей этого направления является ученый из КНР Лин Ган. В книге «История Дунху (1988 г.)» он написал: «...на основе источников и археологических материалов по истории древних северных народов, а также на основе их языка, места жительства, обычая и менталитета можно разделить их на три системы: система хуннов, система тюрков и система дунхуцев».

Точка зрения о принадлежности монголов к дунхуцам набирала силу в XX в. и некоторые советские ученые считали ее верной. В.С. Таскин в работе «Исторические принадлежности древних кочевников из группы Дунху» считал дунхуцев монголоязычными и включил девять племен: ухуань, сяньби, цифу, туфа, Шивэй, кумоси, кидань, туюхунь, жуаньжуань в эту группу. Кроме того, В.С. Таскин утверждал, что «китайские историки со времен Сыма Цяня делили северные народы на три большие этнические группы как хунну, дунхуцы и сушэны и это деление совпадает с делением этих народов в современности на тюркоязычные, монголоязычные и тунгусоязычные».

В произведении «Монголы» Л.Л. Викторова отметила: «Прямыми предками поздних монголов являются дунхуцы». Она указывала, что названия этносов Отуз татар и Токуз татар на обелисках тюрков являются турецким вариантом названий Шивэйских племен, описанных в источниках на китайском языке. Она считает, что северное звено сяньбийцев играло большое значение в генезисе монголов [5]. Кроме того, как Л.Л. Викторова писала: «В 1955 г. на основе языковых фактов Л. Лигети впервые разработал взгляд, по которому дунхуцы являются прямыми предками монголов».

В 1953 г. в произведении Г.Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» находим высказывание Л. Лигети: «... Одна группа из сяньбийцев кочевала на нынешнем севере в Забайкалье, то есть на северо-востоке МНР и на смежных местах на северо-восточном краю Китая. Союз этих аймаков назвали в источниках периода династии Тан (с VII в. по X в.) Шивэйцами... а где тогда кочевали настоящие монголы? Мы сможем без труда ответить на этот вопрос, что настоящие монголы

были в составе шивэйцев. В китайских источниках периода династии Тан перечислили племена, которые входят в состав шивэйцев. Среди них было племя мэн-у или мэн-ва. Это, конечно, есть название «монгол» [6]. То есть, мнение Л. Лигети в 1955 г. о том, что дунхуцы являются прямыми предками монголов, поддерживали ученые Л.Л. Викторова, В.С. Таскин, Лин Ган в 1980, 1984 и 1988 гг.

Монгольский ученый Х. Пэрлээ поддерживает этот взгляд, и он считает, что дунхуцы потерпели поражение от хуннов и сяньбийцев и стали отдельным племенем. Далее в II в. сяньбийцы делились на Ляоси и Ляодун. В IV в. ляосийцы отделились от сяньбицев, а хятаны – от шивэйцев (от монголов). С VII в. по IX в. среди многих аймаков шивэйцев были племена Мэнгу Шивэй (Монгол) и Дай Шивэй (Тайиуды) [7].

Следовательно, требуется специальное изучение взглядов ученых, которые проводили исследование о прямой связи: Дунхуцы – Шивэйцы – Монголы.

Генезисная связь между Шивэйцами и монголами. С XIX в. ученые считали одно племя из шивэйцев, название которого было написано в 945 г. как Мэн-у Шивэй в «Старинном источнике Тана» и Мэн-ва Шивэй «В новом источнике Тана» (с 1045 г. по 1060 г.) предком монголов. Впервые Ю. Клапрот предлагал считать их Шивэйцами, которые имели другой язык среди других шивэйцев монголоязычных [8].

С этого момента предположение о том, что Шивэйцы (мэнгу Шивэй) и монголы имеют генезисную связь, распространяли ученые Ту Жи (1903), К. Ширатори (1910), П. Пеллио (1920/1921), Ван Говэй (1926), А. Амар (1934), Л. Лигети (1955), Л.Л. Викторова (1958), Х. Пэрлээ (1959), Комаи Есиаки (1961), П. Рачневский (1966), Луй Амби (1970), Тамура Жицузо (1973), Л.Р. Кызласов (1975), Е.И. Кычанов (1980), В.С. Таскин (1984), Е.В. Ковычев (1984), Лин Ган (1988), М. Вайерс (1997), Д. Эрдэнэбаатар (1999), Н. Ширайши (2001), П. Дэлгэржаргал (2001, 2002, 2005), Д. Баяр (2003), А. Очир (2008), У. Эрдэнэбат, Ч. Амартүвшин (2010) и Б.Р. Зориктуев (2011).

Ученый из Цинской династии Ту Жи (1856-1921) в своем произведении «Запись по истории Монголии» писал: «Монголы и шивэйцы имеют один генезис». Это предположение было развито ученым из Китая Ван Говэем в его работе «Выяснение по Монголии при династиях Ляо и Алтан» [9].

К. Ширатори писал: «Племя Шивэй, которое проживало в дельтах рек Амур и Зея, как было написано в сутаре государства Вэй состояло не из одних монголов или тунгусов, а из разных этносов. Мэн-у Шивэйцы являются предками монголов, которые живут в бассейнах рек Шилка и Онон. Шивэйцы, которые кочевали на западе Хингана, были разными по генезису от Шивэйцев, живущих у реки Ногоон (Нонни) и они являются настоящими монголами» [10].

П. Пеллио впервые отметил в 1920 г., что в составе Шивэйцев было племя Мэнгу или Мэнва, которое было отмечено в источниках перио-

да Тан и которое может считаться монголоязычным. Кроме того он считал: «сяньби монголоязычным племенем. Вместе с тем, как мы знаем, в составе Шивэйцев при династии Тан были Мэнгуцы, которых нельзя отделить от монголов Чингис хана и кроме того, слово Мэнгу имеет одно значение с Мэнгу, Мэнгус и Монгул в начале XII века». А в своей статье 1929 г. он написал: «...Одно звено Шивэя кочевало в нынешней Монголии, Маньчжурии, Холунбуйре и в источнике реки Эргүнэ. Произношение слова Мэнгу в старых сутарах при Тане было *Mung-nguæt^{и есть транскрипция*} Моңуол» [10, с. 2].

Л.Л. Викторова предложила связывать название «Шивэй» с «сяньби» и считала Гучина татара (Отуза татара) Шивэем [11].

Что касается информации, связанной с племенем Шивэй, П.Рачневский считал: «Признак хозяйства южной и левой Шивэйских групп дает возможность идентифицировать их как тунгусоязычные народы и этот признак полностью отличается от традиционного хозяйства монголов». Самое главное он выдвинул гипотезу о том, что некоторые племена охотников были монголоязычными.

Впервые среди монгольских историков А. Амар выдвинул гипотезу о том, что монголы и шивэйцы имеют один генезис. После него Х. Пэрлээ поддерживал это мнение: «...Название Шивэй стало повторяться в восточных источниках с VI в. н.э. вместе с разными прозвищами и отличительными знаками. Племя с названием Монгол было в составе многих Шивэйских племеней. ...Следует шивэйцев тесно связывать с монгольским генезисом. Много ученых считают Мэнгу шивэйцев предками коренных монголов» [12]. Самое главное, видный китаевед П. Пеллио считал нужным информацию в виде устной истории монголов, написанной в «Судрын чуулган», связывать с историей шивэйцев и название Шивэй есть искаженное слово Сяньби. Это предложение поддерживали некоторые советские ученые. Это является не совсем обоснованной «теорией». Б. Алтанбагана выдвинул гипотезу, что значение слова Шивэй есть «тот, который имеет жиле из шкуры». Как мы считаем, это объяснение ближе к истине [13, с. 121].

Как показывают опубликованные работы Х. Пэрлээ по связям шивэйцев с монголами, на формирование его точки зрения оказали немалое влияние взгляды П. Пеллио, Э. Паркера, Ван Говэя, Б. Алтанбагана и Л.Л. Викторовой. Например, он говорил о его поддержке предположений Вана Говэя, Л.Л. Викторовой, Э. Паркера и Б. Алтанбагана, которые идентифицировали Гучина и Есэна с татарами, имена которых были упомянуты на тюркском письменном памятнике с племенем Шивэй и племенем Тайжиут с Да Шивэем [13, с. 122].

Гипотезу о возможности генезисной связи некоторых монголов с шивэйским племенем выдвинул П. Дэлгэржаргал: «Хотя в китайских источниках есть некоторые факты, которые могут показывать одно генезисное начало хятанов и шивэйцев, большинство источников утверждают, что быт, традиция и культура шивэйцев не являются монгольскими. «В

сутаре династии Вэй» утверждалось, что быт, обычай и традиция шивэйцев в корне отличались от монгольских. Относительно Мэн-у Шивэя было выдвинуто другое мнение. Как он считал, племя, упомянутое в «Старой истории династии Тан» и «Новой истории династии Тан» как Мэнгу Шивэй и Мэнва Шивэй может быть монгольским племенем, которое упомянуто в легенде «Эргунэ кун». То есть, они были жужжанским господствующим племенем, которое переехало в «Эргунэ-кун», когда Жужжанское ханство распалось под натиском тюрков» [14]. Дэлгэржаргал предпринял попытку подтвердить это пятью фактами. Он поддерживал исследование Чжэна Индэ по местам и краям, где кочевали шивэйские племена: «На уровне сегодняшнего исследования с уверенностью можно считать, что племена Мэн-у Шивэй и Увань имеют монгольское происхождение. А информация в источниках, которая может подтвердить, что шивэйские аймаки являются монгольскими, отсутствует». Таким образом, он сделал выводы: «*во-первых*, шивэйские племена были племенами охотников, неполных скотоводов, говорящих на маньчжурском и тунгусском языках. *Во-вторых*, на территорию Шивэйцев приезжали соседние Ухуанцы (уваны), говорящие на монгольском языке. *В-третьих*, Племя Мэн-у Шивэй было монгольским, которое переезжало на территорию шивэйцев. Это племя есть монгольское племя, которое было упомянуто в легенде «Эргунэ-кун» в «Судрын чуулгане». *В-четвертых*, отсутствие информации в источниках, которая может утверждать Шивэйских племен, кроме Мэн-у Шивэй монгольскими, не означает полное отсутствие монгольских племен на территории Шивэя» [1, с. 120-131].

Среди ученых, которые связывали шивэйцев и монголов по генезису, есть группа исследователей, считающих что «монголы XIII века кочевали из Эргунэ и реки Амур и вытеснили тюркские племена на запад» [1, с. 24]. Из них Х.Пэрлээ, Комаи Есиаки, Луй Амби, Тамура Жицузо, Л.Р. Кызласов и Е.И. Кычанов, которые выразили это мнение очень четко. Они утверждают, что быт монголов изменился в XII в., они превращались из охотников-скотоводов с грубой прикладной пахотой в скотоводов-кочевников. Однако, это перемена связана с перекочевкой монголов на запад и юго-запад в процессе освоения новых земель [15].

Как показывает краткий обзор исследований трех основных теоретико-методических направлений монгольской этнической истории, большинство отечественных и зарубежных исследователей придерживаются третьего направления. Однако, монгольские ученые в основном придерживаются первого направления, Г. Сухбаатар и позднее некоторые молодые ученые разрабатывают этот вопрос детальнее. Хотя количество ученых, придерживающихся второго направления, меньше, они разрабатывают вопрос детальнее, делая попытки подтвердить свое мнение источниками и доминируя над другими двумя направлениями. Здесь оказали влияние лингвистические исследования, сделанные Фан Чжуанью, А. Будбергом, Л. Лигети и А. Вовиным. Другим преимуществом этой теории и методики является определение понятий.

То есть, как отметил П. Дэлгэржаргал, сведения о Дунхуцах и их потомках в источниках имеют однозначное понимание. В своем предположении он более точнее и яснее отметил генезис племен, которые входили в «группу дунхуцев» и использовал однозначные выражения «потомки дунхуцев», «звено дунхуцев» и «восходит к дунхуцам». Это значит, что племена в составе Дунхуцев были объединенными, целыми, имели определенное происхождение, связи и звенья [1, с. 59].

Примечания

1. Дэлгэржаргал П. Монголчуудын угсаа гарвал [Монгольский народ] УБ., 2005. Т. 23-24.
2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М. ; Л., 1950. С. 32.
3. Сүхбаатар Г. Сяньби. УБ., 1971. Т. 23.
4. Сүхбаатар Г. Монголын эртний түүхийн үечлэлийг өөрчлөх тухай [Древнейшая история Монголии] // Г. Сүхбаатар. Монголын эртний түүх судлал. IV боть. УБ., 2005. Т. 303; Сүхбаатар Г. Монгол улсын түүхэн хөгжлийн вектор // Сүхбаатар Г. Монголын эртний түүх судлал. IV боть. УБ., 2005. т. 251.
5. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. С. 180, 156.
6. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1953. 240 с. (Ин-т Востоковедения АН СССР) ; SLL. Tom. VII, fasc. 11. УБ., 1970. Т. 332- 334.
7. Пэрлээ Х. Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь. УБ., 1959. Т. 8-17.
8. Klaproth J. Tableuxhistoriques de l'Asie. Paris, Londres, Stuttgart, 1826.
9. Ту Жи. Монголын түүхэн тэмдэглэл. Тэргүүн дэвтэр. ӨМАХХ., 2007, тал 1.
10. Батсүрэн Б. Мэнгү Шивэй, Да Шивэй, Улохоу аймгийн тухай // SE. Tom. XX, fasc. 1. УБ., 2011. Т. 1
11. Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э. – XII в. н.э. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук. № 256, вып. 7. Л., 1958. С. 54-62.
12. БНМАУ-ын түүх. Тэргүүн боть. УБ., 1966. Т. 7, 168-170.
13. Пэрлээ Х. Гурван мөрний монголчуудын аман түүхийн мөрийг мөшгөсөн нь // SH. Tom. VIII, fasc. 6. УБ., 1969. Т. 91, 105, 114, 121, 122.
14. Дэлгэржаргал П. Мэнгу шивэй аймгийн угсаа гарлыг нэхэн сурвалжлах нь // МУИС-ийн ЭШБ. Түүх, №188(14). 2002. Т. 8-10.
15. Кычанов Е. И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 136-144.

References

1. Delgerzhargal P. Mongolchuudyn ugsaa garval [Mongolian people]. UB, 2005. Pp. 23-24. [in Mong.].
2. Bichurin N.Ya. Sobraniye svedenij o narodakh, obitavshikh v Srednej Azii v drevniye vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. T. 1. M. ; L., 1950. P. 32. [in Russ.].
3. Sukhbaatar G. Syan'bi [Xianbei]. UB., 1971. Vol. 23. [in Mong.]
4. Sukhbaatar G. Monlodyn ertnij tuukhijn uechlelijg oorchlokh tukhaj [Ancient history of Mongols] // G. Sukhbaatar. Monlodyn ertnij tuukh sudlal. IV bot'. UB., 2005. Vol. 303; Sukhbaatar G. Mongol ulsyn tuukhen khogzhlijg vector // G. Sukhbaatar. Monlodyn ertnij tuukh sudlal. IV bot'. UB., 2005. Vol. 251. [in Mong.].
5. Viktorova L.L. Mongoly. Proiskhozhdeniye naroda i istoki kul'tury [The Mongols. The origin of the people and the origins of culture]. M., 1980. Pp. 180, 156. [in Russ.].
6. Sanzheev G.D. Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov [Comparative grammar of Mongolian languages]. Vol. 1. M. : Izd-vo AN SSSR, 1953. 240 p. (In-t Vostokovedeniya AN SSSR). // SLL. Vol. VII, fasc. 11. UB., 1970. Pp. 332- 334. [in Russ.].
7. Perlee Kh. Khyatan nar, tednij mongolchuudtaj kholbogdson n'. UB., 1959. Pp. 8-17. [in Mong.].
8. Klaproth J. Tableuxhistoriques de l'Asie. Paris, Londres, Stuttgart, 1826. [in French].
9. Tu Zhi. Mongolyn tuukhen temdeglel. Terguun devter. ӨМАХХ., 2007, тал 1. [in Mong.].
10. Batsuren B. Mengu Shivej, Da Shivej, Ulokhoy aimgijn tukhaj // SE. Vol. XX, fasc. 1. UB., 2011. P. 1. [in Mong.].
11. Viktorova L.L. K voprosy o rasselenii mongol'skikh plemen na Dal'nem Vostoke v IV v. do n.e. – XII v. n.e. [On the settlement of Mongolian tribes in the Far East in the IV century B.C. – XII century A.D.] // Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya vostokovedcheskikh nauk. № 256, Issue. 7. L., 1958. Pp. 54-62. [in Russ.].
12. БНМАУ-ын түүх. Тэргүүн боть. UB., 1966. Vol. 7, 168-170. [in Mong.].
13. Perlee Kh. Gurvan mornij mongolchuudyn aman tuukhijn morijg moshgосon n' // SH. Vol. VIII, fasc. 6. UB., 1969. pp. 91, 105, 114, 121, 122. [in Mong.].
14. Delgezhargal P. Mengu shivej aimgijn ugsaa garlyg nekhen survalzhlakh n' // МУИС-ийн ЭШБ. Түүх, №188(14). 2002. Pp. 8-10. [in Mong.].
15. Kychanov E.I. Mongoly v VI – pervoj polovine XII v. [Mongols in VI - the first half of the XII century] // Dal'nij Vostok i sosedniye territorii v sredniye veka [Far East and neighboring territories in the middle ages]. Novosibirsk, 1980. Pp. 136-144. [in Russ.].

Антонова Ю.Е., Батурин С.А.

Antonova Yu., Baturin S.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ БНЦ СО РАН

ARCHEOLOGICAL COLLECTIONS OF THE MUSEUM OF BURYAT SCIENTIFIC CENTER OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES SIBERIAN BRANCH

В статье проводится анализ коллекций археологического фонда Музея БНЦ СО РАН. Рассматриваются авторские археологические коллекции по хронологическому и территориальному принципам. Особое внимание в статье уделено уникальным и редким предметам археологии, которые демонстрируются в экспозиции музея.

The article analyzes the archeological fund of the RAS SB Buryat scientific center Museum. The author's chronological and geographical archaeological collections are considered. Special attention is paid to the unique and rare archaeological objects displayed in the museum.

Ключевые слова: коллекция, музейный фонд, артефакт, археологический памятник, археологическая экспозиция, автор коллекции.

Keywords: collection, museum collection, artifact, archaeological site, archaeological exhibition, the collection author.

Музей Бурятского научного центра СО РАН был создан в конце 60-х гг. XX в. Первоначально созданный как геологический музей с 1989 г. музейный фонд пополняется археологическими материалами. В то же время создается первая археологическая экспозиция, отражающая сложность и многоплановость процессов развития древних культур Байкальского региона [11, с. 111-119.] Осуществление деятельности Музея БНЦ в русле основных научно-исследовательских направлений Бурятского научного центра предопределяет особенности и основной принцип комплектования археологического фонда, заложенный изначально и заключающийся в отражении основных результатов научного поиска ученых различных подразделений научного центра.

Фонды археологического отдела насчитывают более 3000 ед. хранения, и в основу их комплектования положен хронологический и региональный принципы. Небольшой по своему объему археологический фонд музея, тем не менее, охватывает все исторические периоды развития человека с древнейших времен до Нового времени. Коллекции, представленные в экспозиции, охватывают широкий временной диапазон и представляют богатый материал по различным культурным традициям эпохи камня бронзы и железа, развивавшимся на территории Бурятии.

Основой археологического фонда являются коллекции артефактов, собранные в ходе многолетних исследований и переданные сотрудниками лаборатории археологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: Е.А. Хамзиной, П.Б. Коноваловым, С.В. Даниловым, Н.В. Именохоевым, Л.В. Лбовой, Б.Б. Дашибаловым, Л.Г. Ивашиной, а также И.А. Батуевым и В.П. Коневым. Авторская принадлежность явилась важнейшим критерием при обработке и атрибуции археологических коллекций. Нередко при исследовании материалов археологических раскопок научные сотрудники и аспиранты ИМБТ СО РАН используют не отдельные артефакты, а целые коллекции интересующих их авторов. Это дает им возможность более полно изучить ту или иную научную проблему. Авторские коллекции различных археологических местонахождений входят в состав археологической экспозиции, характеризую развитие древних культур на территории современной Бурятии в разные исторические периоды.

Археологический фонд разделен на фонд уникальных предметов и фонд типовых предметов. Первый включает в себя наиболее интересные с научной точки зрения экземпляры, обладающие вместе с тем и хорошим выставочным форматом в музейном отношении, также сюда вошло по нескольку наиболее репрезентативных артефактов, отображающих ключевые типы изделий, включенных в основной фонд типовых предметов. В данной статье предлагается рассмотрение авторских коллекций основного фонда уникальных предметов как наиболее полно отражающих специфичные, характерные черты культур, представленных на территории Бурятии, и формирующих представление о процессах их становления и дальнейшего развития.

Самой многочисленной коллекцией фонда уникальных предметов являются изделия, относящиеся к каменному веку и насчитывающие 412 предметов. Самый древний и длительный период каменного века – палеолит – представлен 158 изделиями.

Практически полностью вся коллекция палеолита сформирована Л.В. Лбовой по результатам собственных исследований, проводившихся на различных местонахождениях Республики Бурятия с 1989 г. Здесь представлены материалы среднего и верхнего палеолита с таких геоархеологических объектов как Хотык, Варварина Гора, Каменка (комплексы А и Б), Баин. Артефактный набор этих местонахождений достаточно разнообразен и включает в себя различного рода нуклеусы (леваллуазские, призматические, торцовые и др.), разные типы орудий (скребла, скребки, остроконечники, проколки, ножи, долотовидные орудия и др.), сколы с ретушью и без нее (отщепы, пластины, технические сколы), а также предметы неутилитарного назначения. Кроме этого, в коллекции палеолита хранятся 12 предметов с местонахождения Варварина Гора, полученные в ходе раскопок под руководством А.П. Окладникова 1976-1977 гг. Это острия, скребки, ножи, пластины с ретушью и другие орудия, привезенные из Новосибирска (где и хранится основная масса мате-

риалов Варвариной Горы с раскопок А.П. Окладникова) и переданные в Музей БНЦ СО РАН Л.В. Лбовой.

Мезолит представлен материалами местонахождений Мухор-Тала 2, 3 (слой 1), 5 и 7 и Каштак, полученными в ходе раскопок Л.В. Лбовой. Возраст этих геоархеологических объектов оценивается ею как финально-палеолитический, мезолитический характер остается под вопросом. Мухор-Талинские комплексы, по мнению ученого, обнаруживают связи и аналогии с памятниками Дальнего Востока, где фиксируются сходные технико-типологические, морфологические и петрографические характеристики. Однако наибольшее внимание привлекает изделие мелкой пластики: небольшое скульптурное изображение бизона, выполненное на плитке кремневого туфа, по одной поверхности фиксируются длинные пересекающиеся линии, интерпретируемые как шерсть. Подобные изделия прослеживаются в материалах Сухотино-4 и Верхоленской-Горы-1 [12]. Надо отметить, что проблема выделения мезолита давно стоит в археологии и до сих пор не является решенной. Спорными являются временные рамки, критерии и многое другое. Тем не менее, данный период отражен в экспозиции как время изменения хозяйственно-культурного уклада населения.

Коллекция неолита насчитывает 215 предметов и составлена из артефактных наборов, собранных в ходе полевых исследований и переданных в разное время такими исследователями, как Л.Г. Ивашина, Е.А. Хамзина, П.Б. Коновалов, Н.В. Именохоев, Л.В. Лбова, В.П. Конев, И.А. Батуев, А.В. Тиваненко. Наибольшее количество предметов (88) представляют результаты исследований Л.Г. Ивашиной на местонахождениях: Кибалино, Тунка, Нур-Тухум, Сирикта, Нижняя Джилинда, Кулькисон, Харга, Старая Кичера. Значительную в количественном отношении долю составляют также материалы Е.А. Хамзиной с Баргузинской долины, стоянки Посольск и могильника Онкули, В.П. Конева с Фофановского могильника, Л.В. Лбовой с могильника Верхний Маргинтуй, И.А. Батуева и Н.В. Именохоева – подъемные сборы с долины Муханских озер. Единичными артефактами представлены следующие памятники: Хайласан (подъемные сборы И.А. Батуева), Будун (раскопки Б.Б. Дашибалова), Шаман (сборы Тиваненко), Дунда-Киреть (раскопки П.Б. Коновалова).

Имеющиеся в коллекции каменные и костяные материалы отражают динамику культуры неолита, вопросы которого наиболее детально разрабатывались Л.Г. Ивашиной [5; 6, с. 81-88.] В целом, представлены характерные для этого периода продукты призматического расщепления, двусторонне обработанные орудия, вкладыши, стерженьки сложно-составных крючков и целые сосуды, фрагменты керамики. Типичной для неолита этого региона является группа наконечников стрел, включающая в себя две основные подгруппы. Первая демонстрирует технологию изготовления наконечника на правильной двухгранной или трехгранной ножевидной пластине с ограниченным применением ретуши, обычно ост-

рия с вентральной поверхности и вдоль одной из сторон со спинки. Данный тип наконечников – даурский – характерен, согласно Л.Г. Ивашиной, раннему этапу неолита. Вторая подгруппа характеризует следующий этап и представлена двусторонне ретушированными изделиями треугольной формы с прямым или вогнутым основанием. Однако наиболее яркой чертой забайкальского неолита является использование нефрита для изготовления топоров и тесел, игольников, а также украшений типа колец.

Богатый и интересный набор артефактов, создающий представление о материальной и духовной культуре неолита, дают могильники Фофаново (раскопки В.П. Конева) и Верхний Маргинтуй (раскопки Л.В. Лбовой). Выразителен вкладышевый кинжал из погребения Фофановского могильника, изготовленный с использованием «высоких» технологий, с пазами по обеим сторонам костяной обоймы и сохранившимися в них вкладышами. Не менее интересна и высокотехнологична мастерски вырезанная из кости головка лоса с отраженными характерными элементами, такими как нависающая верхняя губа и горбинка носа. Украшения из двух могильников идентичны: это подвески из сверленных резцов марала, шейные украшения из расщепленных клыков кабана, кальцитовые кольца. В могильнике Верхний Маргинтуй в большом количестве также были найдены перламутровые пронизки и бисер.

Бронзовый век представлен материалами Е.А. Хамзиной с местонахождения в местности Баргузин, Посольска, могильника Шулун-Шэнэгольджин; материалами П.Б. Коновалова, полученными в ходе раскопок могильников Пестеро (совместно с С.В. Даниловым) и Ацай (совместно с В.В. Свининым), а также подъемными сборами у д. Усть-Орот и Эрдэни-Арал; материалами могильника Нижний Бургултай, раскопки которого производились С.В. Даниловым; предметами из верхних слоев местонахождения Каменка, исследуемого Л.В. Лбовой; артефактами, переданными Н.В. Именохоевым с местонахождений Шарагол, Баргай, Усть-тарбагатай, подъемными материалами с местонахождения в районе Муханских озер и могильника Енхор; а также фрагментами трипода, найденными Б.Б. Дашибаловым в погребении Хадин Бор. Всего в уникальном фонде насчитывается 83 предмета бронзового века.

Не менее интересными являются кинжал скифского типа с бабочковидным перекрестием и коленчатый нож карасукского типа (с лезвием, расположенным под углом к рукоятке) с могильника Шулун-Шэнэгольджин, найденные Е.А. Хамзиной. Представлены ножи с кольчатым навершием, фрагменты ножей и рукояток. Имеются в коллекции и бронзовые топоры – кельты, получающие распространение в эту эпоху, различные украшения, к которым относятся лапчатые и ложечковидные подвески, пастовые бусы, бляшки с орнаментом и без. Появляются в этот период бронзовые наконечники: трехгранные с черешком и плоские с втулкой. Этот период характеризуется распространением новой формы керамических изделий – это сосуды триподы. К специфическим забай-

кальским чертам триподов, отличающим их от китайских и монгольских, относят обычай украшения венчиковой зоны гребенчатыми оттисками, а также прямой венчик. [1, с. 44-45.]

Уникальной является коллекция материальной культуры хунну, создавших могущественное объединение племен, ставшее первым государственным образованием в Центральной Азии. Авторами данной коллекции являются П.Б. Коновалов, С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Б.Б. Дашибалов, в разное время проводившие исследования на ключевых памятниках эпохи хунну: это могильники Ильмовая Падь, Черемуховая Падь, Дырестуйский Култук, Енхор и городище Баян-Ундэр. Материалы этой коллекции включают как бытовые предметы, отражающие образ жизни хунну, так и изделия из бронзы, кости, золота, серебра, представляющие собой шедевры древнего художественного творчества. Среди предметов быта выделяются великолепная исполненная лаковая чашечка (правда, не очень хорошей сохранности), тщательно отполированные китайские палочки из кости, маленькие костяные ложечки для лекарств, а также сосуды самой разнообразной формы и размеров, причем представлена бытовая посуда и сосуды, использовавшиеся в ритуальных целях. Достаточно многочисленны разного рода пряжки и бляшки из бронзы, а также колокольцы, являющиеся частью конской сбруи. К предметам военного вооружения относятся костяные накладки на лук, а также характерные наконечники стрел – трехлопастные с так называемым свистунком, который представлял собой полые биконические или трубочки с боковым отверстием. Стрела с таким свистунком, надевавшимся у основания наконечника, издавала характерный свистящий звук. Детальное описание данных предметов изложена в монографиях П.Б. Коновалова и публикациях С.В. Данилова, посвященных культуре хунну [8].

Одной из редких находок из хуннских памятников является великолепно сохранившийся железный меч, обнаруженный П.Б. Коноваловым при раскопках 39 кургана Черемуховой пади [8]. Прямой однолезвийный клинок несет на поверхности полусохранившуюся надпись на китайском языке, говорящую о наименовании и дате изготовления изделия. По мнению исследователей, оружие китайского производства к хунну попало в качестве трофея или путем обмена подарками [10, с. 56-58].

Неповторимыми шедеврами древнего художественного творчества являются бронзовые литые поясные пластины, в нескольких случаях с позолотой. На пластинах-пряжках изображены разнообразные сюжетные сцены, такие как терзание хищником жертвы (пантерой оленя или грифонами барана), схватки лошадей, изображения мифических животных (драконов, грифонов). Широкий круг аналогий подобным изделиям выявляет, как пишет П.Б. Коновалов, «удивительную повторяемость, иногда вплоть до полного совпадения сюжетов и композиций в значительно отдаленных областях Центральной Азии и Сибири», но, тем не менее, позволяет выделить исследователю основные излюбленные сюжеты и стиль изобразительного искусства хунну [8].

В погребениях хунну встречаются китайские бронзовые зеркала, изготовленные из высококачественного сплава, называемого «белой бронзой». В коллекции бронзового века представлено 6 фрагментов таких зеркал с могильников Черемуховая Падь, Ильмовая Падь и Енхор, а также одно практически целое зеркало с городища Баян-Ундэр [9; 3, с. 111-114]. Акцентируется внимание на том, что подобные изделия могут говорить не только о хунно-китайских отношениях, но и служить «хронологическими ориентирами» в вопросе выделения временных этапов в развитии общества [2, с. 115-121].

К эпохе средневековья относятся коллекции предметов материальной культуры монгольских и тюркских народов: предметы вооружения – наконечники стрел, латные пластины, колчаные крюки, роговые накладки на лук, фрагменты колчана и древков стрел; конское снаряжение; предметы быта; принадлежности поясного набора, фрагменты керамических сосудов, украшения, бусы, серьги. Материалы (количество предметов 251) были получены и переданы в музей Е.А. Хамзиной (с местонахождений Баргузин, Онкули, Енхор, Телятниково, Тапхар), П.Б. Коноваловым (Падь Черная, Усть-Жирым, Болеевка, Усть-Орот), Н.В. Именохоевым (с памятников Подчерная, Муханские Озера, Баин-Хара, Чесан, Аргада, Шарагол, Енхор, Базино), С.В. Даниловым (с местонахождений Нарсатуй, Баргузин) и Б.Б. Дашибаловым (памятники Баянгол, Черенхын, Бодон, Хасхал), Л.В. Лбовой (с местности Базино).

Раннее средневековье представлено материалами курумчинской археологической культуры, изучением которой занимается Б.Б. Дашибалов. Им прослежена связь курумчинской культуры с племенным объединением курыкан, которые на определенном этапе ассимилируются монголоязычными племенами «хори». Именно из этой, указывает Б.Б. Дашибалов, этнообразующей среды выделяются хори-буряты. Таким образом, прослежен процесс образования раннебурятских племен. Если говорить о генезисе самой курумчинской культуры, то на основании сходства некоторых элементов (грунтовые могильники на песчаных почвах, типы наконечников стрел, концевые накладки на лук, бытование аналогичных форм колокольцев с пробитым боковым отверстием, распространение спирального орнамента на украшениях и арочного узора на керамике) Б.Б. Дашибалов связывает курумчинскую культуру с материальной культурой хунну [4, с. 12-16]. Данные идеи находят свое отражение в экспозиции, где предпринята попытка отразить этногенетические концепции исследователей.

Ярким примером защитного вооружения средневекового кочевника является реконструированный из кованых железных пластин базинский доспех.

Новое время представлено материалами Аргадинского мумифицированного погребения XVI-XVII вв. с сопровождающим инвентарем, характеризующим культуру и погребальный обряд ранних бурят. Н.В. Именохоев и Е.А. Хамзина отмечают большую сложность внутримогильной

конструкции, отличающую данное захоронение от традиционных и скальных погребений. К этому же периоду относятся и материалы из шаманских погребений: различного рода подвески – холбого, а также железный каркас шаманской шапки [7, с. 96-97].

В настоящее время археологический фонд Музея БНЦ демонстрирует материалы культур, существовавших на территории Бурятии в широкий промежуток времени от эпохи палеолита вплоть до Нового времени. При этом представлены как типичные предметы, четко характеризующие тот или иной период, так и достаточно уникальные вещи, находки которых исчисляются единицами. Коллекция сформирована на материалах исследователей – сотрудников лаборатории археологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии РАН.

В археологической экспозиции музея использован хронологический и территориальный принцип размещения экспонатов. Группировка экспонатов по памятникам, а значит и по принадлежности одному автору дает возможность подчеркнуть концептуальные положения ученых-археологов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Анализируя авторские коллекции, мы можем проследить и отразить в будущих музейных экспозициях и выставках историю археологических исследований на территории Бурятии.

Примечания

1. Бутковская Д. А. Особенности триподов Забайкалья // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. 38-ой регион. археолого-этногр. конф. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 1998.

2. Данилов С. В., Филлипова И. В., Амоголонов А. А. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология и этнология дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998.

3. Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия Археология и этнология дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998.

4. Дашибалов Б. Б. Культура Хори (Курыкан) и Хунну: к вопросу о дунхусских корнях // Социогенез в Северной Азии : материалы 3-й Всерос. конф. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009.

5. Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск : Наука, 1979.

6. Ивашина Л. Г. О раннем неолите Западного Забайкалья // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск : Наука, Сибир. изд. фирма, 1993.

7. Именохоев Н. В., Хамзина Е. А. Погребение из Аргады (Курумканский район, Бурятия) // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. 38-ой регион. археолого-этногр. конф. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 1998.

8. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976.

9. Коновалов П. Б. Усыпальница хунского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.

10. Коновалов П. Б., Зайцев А. Хуннский меч из коллекции музея археологии Бурятского научного центра СО РАН // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. 38-ой регион. археолого-этногр. конф. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 1998.

11. Лбова Л. В. Музей Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук // Альманах–1999. Музеи Российской академии наук. М. : Научный мир, 2000.

12. Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2000.

References

1. Butkovskaya D.A. Osobennosti tripodov Zabajkal'ja [Transbaikalia tripods features]// Arheologija i etnografija Sibiri i Dal'nego Vostoka [Archaeology and Ethnography of Siberia and Far East]: tezisy dokl. 38-oi region. arheologo-etnogr. konf. [theses of reports of 38th regional archaeological-ethnograph. conf.]. Ulan-Ude: Buryat State University publishing dept, 1998. [In Russ.].

2. Danilov S.V., Fillipova I.V., Amogolonov A.A. Kitajskie zerkala iz pamjatnikov hunnu [Chinese mirrors from the Huns monuments]// Arheologija i etnologija Dal'nego Vostoka i Central'noj Azii [Archaeology and Ethnology of Far East and Central Asia]. Vladivostok, 1998. [In Russ.].

3. Danilov S.V. Raskopki zdanija na hunnskom gorodishche Bajan-Under v Dzhidinskom rajone Respubliki Burjatija [Excavations of the building in the Huns settlement Bayan-Under in Dzhidinsky Region of Republic of Buryatia] // Arheologija i etnologija Dal'nego Vostoka i Central'noj Azii [Archaeology and Ethnology of Far East and Central Asia]. Vladivostok, 1998. [In Russ.].

4. Dashibalov B.B. Kul'tura Hori (Kurykan) i Hunnu: k voprosu o dunhusskih kornjah [The Khori (Kurykans) and Huns Culture: the dunkhuss roots issue]//Sociogenez v Severnoj Azii: materialy 3 Vseros. konf. [Sociogenesis in Northern Asia: proceedings of 3 All-Rus. conf.]. Irkutsk: Irkutsk State University publishing dept., 2009. [In Russ.].

5. Ivashina L.G. Neolit i eneolit lesostepnoj zony Burjatii [Neolithic and eneolithic forest-steppe zone of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka, 1979. [In Russ.].

6. Ivashina L.G. O rannem neolite Zapadnogo Zabajkal'ja [On Early Neolithic period of Western Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka, 1993. [In Russ.].

7. Imenokhiov N.V., Khamzina E.A. Pogrebenie iz Argady (Kurumkanskij rajon, Burjatija) [Burial from Argada (Kurumkansky region, Buryatia)]// Arheologija i etnografija Sibiri i Dal'nego Vostoka [Archaeology and Ethnography of Siberia and Far East]: tezisy dokl. 38-oi region. arheologo-etnogr. konf. [theses of reports of 38th regional archaeological-

ethnograph. conf.]. Ulan-Ude: Buryat State University publishing dept, 1998. [In Russ.].

8. Konovalov P.B. Hunnu v Zabajkal'e [The Huns in Transbaikalia]. Ulan-Ude, 1976. [In Russ.].

9. Konovalov P.B. Usypal'nitsa hunnskogo knjazja v Sudzhi (Il'movaja pad', Zabajkal'e) [The Huns Prince Tomb in Sudzhi (Elm valley, Transbaikalia)]. Ulan-Ude: BSC SB RAS publishing dept., 2008. [In Russ.].

10. Konovalov P.B., Zaitsev A. Hunnskij mech iz kolekcii muzeja arheologii Burjatskogo nauchnogo centra SO RAN [The Huns sword from the collection of the Archaeology Museum of the Buryat Scientific Centre SB RAS]// Arheologija i etnografija Sibiri i Dal'nego Vostoka [Archaeology and Ethnography of Siberia and Far East]: tezisy dokl. 38-oi region. arheologo-etnogr. konf. [theses of reports of 38th regional archaeological-ethnograph. conf.]. Ulan-Ude: Buryat State University publishing dept, 1998. [In Russ.].

11. Lbova L.V. Muzej Burjatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk [The Museum of the Buryat Scientific Centre of Russian Academy of Sciences Siberian Branch]// Al'manah-1999. Muzei Rossijskoj akademii nauk [Almanac-1999. The Russian Academy of Sciences museums]. M.: Nauchnyj mir, 2000.

12. Lbova L.V. Paleolit severnoj zony Zapadnogo Zabajkal'ja [Palaeolith of the northern zone of Western Transbaikalia]. Ulan-Ude: BSC SB RAS publishing dept., 2000. [In Russ.].

*Дикий Я.В., Бураев А.И.,
Dikiy Ya.V., Buraev A.I.,*

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БУРЯТИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX в.)***

**ARCHIVAL MATERIALS AS A SOURCE
OF THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF BURYATIA
(2nd half of the XX century)**

В статье рассмотрены документальные материалы об археологических раскопках на территории Бурятии, аккумулированные в научных учреждениях и академических архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Аннотировано содержание и дан обзор справочных сведений об экспедициях Ю.Д. Талько-Грынцевича, Г.П. Сосновского, А.П. Окладникова, Э.Р. Рыгдылона, А.В. Давыдовой и др. Приведены краткие сведения о местонахождении коллекций, сформированных по результатам раскопок.

Ключевые слова: архив, археологический отчет, экспедиция, документирование раскопок, коллекция, Бурятия.

The article deals with the documentary materials about archaeological excavations in Buryatia accumulated in the scientific institutions and academic archives of Moscow and St. Petersburg. Their contents are annotated and the overview of the reference information about the expeditions of Yu. D. Talko-Gryntsevich, G. P. Sosnovsky, A. P. Okladnikov, E. R. Rygdylon, A. V. Davydova and others is provided. Some brief information on the location of collections formed as the results of the excavations is given.

Keywords: archive, archaeological report, expedition, documentation of excavations, collection, Buryatia.

В последние годы активизировались археологические исследования на памятниках, широко известных в научных кругах. Так, под руководством Н.Н. Крадина вновь проводятся работы на Нижнеиволгинском хуннском городище [3]; П.Б. Коноваловым, Б.А. Базаровым и Д.А. Миягашевым возобновлены раскопки на могильнике Ильмовая падь [2], В.И. Ташак на Усть-Кяхтинском археологическом комплексе продолжил изучение памятников эпохи палеолита. В этой связи актуализируются работы выдающихся предшественников, открывших и изучавших эти памятники ранее. Не все материалы введены ими в научный оборот. Часть из них находится в архивных фондах научных учреждений и государственных хранилищах субъектов Российской Федерации. Цель данной статьи – выявление архивных материалов о раскопках на территории Бурятии во второй половине XX в. и ознакомление коллег с результатами поиска.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 "Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии".

В г. Улан-Удэ аккумулирован большой массив археологических отчетов. Документы археологических экспедиций на территории Бурятии за 1923-2003 гг., собранные в архивном фонде ЦВРК, рассмотрены С.В. Бураевой; в обзоре аннотированы содержание и специфика текстов и иллюстраций [1]. Архивный фонд первого археолога-буряты Э. Рыгдылона хранится в фондах Национального музея Бурятии; в научный оборот материалы практически не введены.

Архивные материалы по истории археологии Бурятии находятся и в учреждениях Москвы и Санкт-Петербурга. Среди них – архив Института археологии РАН (г.Москва), содержащий материалы А.П. Окладникова, Э.Р. Рыгдылон, А.В. Давыдовой; а также филиал Архива РАН – ф.148 «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях» (1903–1921); документы по научно-организационной деятельности (1900–1923), фонд № 1099 (Окладников А.П.).

В архиве Института истории материальной культуры заслуживают внимания фонды Ю.Д. Талько-Грынцевича, Г.П. Сосновского, А.П. Окладникова, Г.Ф. Дебеца.

Рассмотрим последовательно перечисленные выше комплексы документов.

В архиве Института археологии РАН (Москва) привлекают внимание архивные материалы, связанные с именем Алексея Павловича Окладникова. Первым отметим отчет о раскопках в долине р. Селенги летом 1947 г. [4]. Работы проводились Бурят-Монгольской археологической экспедицией ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР, НИИКЭ Бурят-Монгольской АССР в г. Кяхта, пос. Наушки, на возвышенности Херексурин-Ури, у д. Харанхой, Колобки, Ирдынеева гора. Раскопки проведены по открытому листу № 54. Период работы 3 августа – 28 августа 1947 г. Полевые исследования начаты были в районе г. Кяхта, в ходе экспедиции 1947 г. на Селенге раскопкам было подвергнуто местонахождение древних фаун и изделий в кяхтинском обрыве и несколько погребений. Из числа последних наиболее древними являются захоронения типа плиточных могил эпохи бронзы и раннего железа, как оказалось все разграбленные. Вторая группа исследованных могил представлена находками в Наушках, где они являются типичными кочевническими, судя по керамике – ранними до XII-XIII вв. Выявлены грунтовые в каменных ящиках курганные могильники: Кяхта, Наушки, Херексурин-Ури, Харанхой, Ирдынеева гора – всего семь. Широкий хронологический диапазон находок: каменный век – ранний железный век (плиточные могилы) – средневековье. XIII в. (погребения). Сведений о коллекции нет.

Здесь же находится отчет об археологических исследованиях А. П. Окладникова в долине р. Селенги летом 1948 г. Работы проводились Бурят-Монгольской АЭ ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР [5]. Маршрут разведки пролегал от г. Улан-Удэ до с. Кабанска. Были обнаружены стоянки на р. Селенге: Острожская, Итанцинская пещера; писаница у д. Юговая;

одиночное погребение и грунтовый могильник у д. Фофаново и др., всего 29 памятников эпохи палеолита и неолита. Полевые исследования начаты были в районе г. Улан-Удэ и продолжены вниз по Селенге вплоть до с. Кабанска и до дер. Фофаново. В этом районе обнаружен ряд новых палеолитических стоянок, давший характерный материал: нуклеусы, нуклеевидные орудия, большие овальные скребла, ножевидные пластины, отщепы из черного кремнистого сланца.

Самый северный пункт распространения этих стоянок – район дер. Фофаново. В отличие от подавляющего большинства палеолитических стоянок Забайкалья они находятся в непо потревоженном состоянии, в осложнениях, как поселениями, так и погребениями.

Не менее интересны следы неолитических культур в низовьях Селенги, представлены как поселениями, так и погребениями. Среди первых выделяются ряд местонахождений многослойного характера, давшие каменные и костяные изделия, остатки фауны и достаточно обильную керамику.

Исследователями 1948 г. в долине Селенги от г. Улан-Удэ до Кабанска были, таким образом, завершены предварительные обследования этого района, начатые в 1947 г. Установлены основные виды этих памятников и констатировано их своеобразие, отражающее особый конкретно-исторический процесс, протекавший здесь в течение ряда тысячелетий. Так же в ходе экспедиции было проведено раскопы 23-х погребений, в том числе и детских.

Сведений о коллекции нет. Графическая документация и фото находятся в ЛОИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР.

Работа А. П. Окладникова в Бурят-Монгольской экспедиции летом 1949 г. вновь проходила в рамках совместных исследований Бурят-Монгольской АЭ АН СССР и НИИ культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР. Отчет содержит сведения о раскопках Нижне-Иволгинского городища в окрестностях г. Улан-Удэ и пос. Нур [6].

Период работы Бурят-Монгольской экспедиции – июль-август 1949 г. В работе экспедиции приняли участие: м.н.с. В.П. Шилов, н.с. Б.Д. Запорожская, зам. директора краеведческого музея Улан-Удэ С.П. Костарев, сотрудник ЛГУ А.В. Давыдова, аспирант ЛГУ М.Н. Диков.

Основной задачей экспедиции стала проблема изучения гуннской культуры, исследование Нижне-Иволгинского городища «самого крупного из известных ныне гуннских городищ Забайкалья». Со слов Окладникова «местные того времени называли памятник «китайское место». Приведены размеры городища «348 м западная сторона, 194 м северная сторона, 216 м южная сторона» и его подробное описание; а также – краткое описание результатов исследований предшественников.

В 1949 г. раскопки были сосредоточены в юго-восточной части городища, т.к. северо-западная его половина была распахана. Было разбито 9 раскопов, из них 7 раскопов жилищ, а один раскоп – оборонительные сооружения. А.П. Окладников приходит к следующим выводам: «Горо-

дище является самым северным пунктом распространения гуннских памятников в Забайкалье. Наличие мощных оборонительных сооружений, выявленных экспедицией позволяет рассматривать данное городище как форпост гуннов. Основное занятие жителей – скотоводство. Подсобное значение имели земледелие, рыболовство, охота. Городище являлось крупным оседлым ремесленным центром. Находки находят аналогии на других гуннских памятниках. На основании изучения находок их стратиграфии мы можем говорить об однослойности городища. Ряд находок указывает на тесную связь с Китаем. Прекращение жизни связано с каким-то вторжением неприятеля, о чем свидетельствуют сохранившиеся жилые комплексы, сгоревшие в результате пожара, а также целые глиняные и бронзовые сосуды».

Сведений о коллекции нет.

Летом 1950 г. археологические исследования А. П. Окладникова проходили в Бурят-Монголии и в Читинской области [7]. Сведений о ведомственной принадлежности экспедиции в отчете нет. Раскопки и разведки прошли в Бурятии и Агинском Бурятском АО Читинской обл., Кабанском р-не, д. Фофаново, Судунтуя, г. Чита, с. Агинское, Лан-хутор. Выявлены грунтовые могильники: Шахан, Хутогойский, Бурхотуйский, Мулутай; Кондуйское городище, писаница на скале Токтуй. Эпоха бронзы – средневековье. IV тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Сведений о коллекции нет.

Два архивных дела связаны с именем первого археолога-бурята Э. Р. Рыгдылона. В архиве хранятся краткий отчет об археологической разведке летом 1947 г.; предварительный отчет о работе Минусинского музея летом 1947 г.; отчет о работе Ангарского отряда Бурят-Монгольской археологической экспедиции [8]. Работы проводились совместно Саяно-Алтайской АЭ Минусинского музея, Бурят-Монгольской АЭ ИИМК АН СССР, НИИКЭ Бурят-Монгольской АССР. Территория исследований – Красноярский край, Хакасская АО, Бурят-Монгольская АССР, Иркутская обл., Абаканский, Балаганский, Осинский, Нукутский р-ны, ж.-д. станция Ши́ра, горы Изых, Удактай, Улан, Хашхай, г. Красноярск, с. Балаганск, Молькинское, Малышовка, Нукуты. В область разведки вошли Бирюсинская стоянка; Ширинские грунтовые в каменных ящиках могильники и каменные бабы; а также городища (всего 16): Атушевское, Халютское, Барун-Зурхенское, Уланское, Удактаевское, Хайги-Хошунское, Зун-Туренское, Хашхайские, Хористкое, Бутукейское, Ута-Хошунское; Балаганская пещера; грунтовые в каменных ящиках могильники и писаницы в бас. р. Унги. Таким образом, были исследованы памятники каменного века, раннего железного века, нового времени, относящиеся к карасукской, курумчинской, чаатас, бурятской культурам от I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. до XIX в. Сведений о коллекции нет.

Второй отчет Э. Р. Рыгдылона – об археологических разведках летом 1955 г. [9]. Работы проходили в рамках лингвистической экспедиции Иркутского госуниверситета в Иркутской области (Аларский, Нукут-

ский, Балаганский, Бурят-Монгольский р-ны, побережье оз. Алят, улус Нельхай, пос. Нукуты, Бохай). Обследованы стоянка Алят; городище Нукуты; грунтовый могильник Бохай эпохи палеолита. Коллекция передана в краеведческий музей Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа.

Наиболее многочисленный сегмент архивных материалов связан с работами в Бурятии А.В. Давыдовой в 1955-1960-х гг.

Первый по хронологии отчет о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции датирован 1955 г. [10]. Бурят-Монгольская АЭ ЛОИИМК АН СССР вела разведки и раскопки по открытому листу № 115 на Иволгинском городище I в. до н.э. – I в. н.э. Коллекция передана в ЛОИИМК АН СССР.

Отчет за следующий 1956 г. посвящен раскопкам Бурят-Монгольской археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР в окрестностях г. Улан-Удэ [11]. Работы проводились по открытому листу № 100. Бурят-Монгольская экспедиция продолжила работы на Иволгинском городище и Иволгинском могильнике, начатые в 1949 г. Были вскрыты 17 могил по материалам, которых сделали следующие выводы: «Могильник отличается единой, строго выдержанной ориентацией погребений, единым обрядом погребений, единством инвентаря. Позволил датировать его временем II-I вв. до н.э. Сведений о коллекции нет».

Работы А. В. Давыдовой на Иволгинском городище были продолжены в 1958 г. [12]. Сведений о ведомственной принадлежности экспедиции нет. Работы проводились по открытому листу № 195. Приведено подробное описание раскопа в юго-западном углу Иволгинское городища – девять жилищ. Датировка или принадлежность не определены. Коллекция временно хранилась на кафедре археологии ЛГУ им. А.А. Жданова, затем передана в г. Улан-Удэ.

Следующий отчет А.В. Давыдовой о раскопках Иволгинского городища датируется 1961 г. Работы на Иволгинском городище производились Бурятским комплексным научно-исследовательским институтом СО РАН СССР в течение июля-августа 1961 г. и продолжили начатые в 1958-1959 гг. раскопки в южной части поселения [13].

Было вскрыто 1912 кв. м площади. Было расчищено 7 жилищ (№№ 44-49), а также проведена траншея через валы. Наиболее интересными объектами, открытыми в 1961 г., А.В. Давыдова считала Южный участок раскопа, где исследовались оборонительные сооружения. Было выявлено, что они состоят из деревянной стены, четырех валов, трех рвов между ними и деревянными заборами на вершине валов. Результаты исправляют и дополняют материалы, полученные в 1949 г. и со всей очевидностью, показывают, что иволгинцы возводили такую систему оборонительных сооружений против конницы. Впервые удалось выявить, что кроме полуземлянок были и наземные сооружения. В яме 217 обнаружено погребение женской головы в специально сделанном небольшом керамическом сосуде. Ритуал связан с гончарным ремеслом. Интересен клад

бронзовых и железных вещей, обнаруженных в яме № 212. Были обнаружены новые вещественные данные: керамика, костяные, железные изделия и китайские зеркала. Подтвердилась датировка городища II в до н.э. – I в н.э.

В 1963 г. археологическое исследование иволгинского могильника продолжилось под руководством начальника отряда А.В. Давыдовой по открытому листу № 185 [14].

Работы производились на иволгинском могильнике, расположенном в 440 метрах к северо-востоку от Иволгинского городища, на песчаных выдувах р. Иволга (в 16 км к юго-западу от Улан-Удэ). Первые раскопки могильника проведены в 1956 г., когда было исследовано 17 могил. Работы 1963 г. явились продолжением работ 1956 г. В течение июля-августа 1963 г. были вскрыты 103 могилы (№№ 18-120). Могилы грунтовые, не имеют внешних признаков, могильное пятно выявлялось после зачистки погребенной почвы, расположенной на глубине 25-30 см от современной поверхности. Заполнение всех ям – темный песок.

Материал, обнаруженный в могильнике, соответствует тому, который известен из раскопок Иволгинского городища, что говорит о культурной и хронологической связи этих памятников.

Поскольку Иволгинское городище является поселением оседлых хунну, то, видимо, можно сделать вывод о том, что оседлые хунну хоронили умерших в грунтовых могильниках типа иволгинского, не имевших никаких признаков на дневной поверхности. Общим для всех исследованных могил является положение погребенного на спине с вытянутыми ногами и руками вдоль туловища, в деревянном гробу, поставленном на дно грунтовой ямы прямоугольной в плане формы (глубиной от 20 см до 2,5 м).

Большой интерес представляют намечающиеся в могильнике две группы одновременных могил, отличающиеся друг от друга различной ориентировкой – одна на север, северо-восток, северо-северо-восток; вторая на восток, юго-восток, восток-юго-восток, а также отличным устройством гроба. Погребальный инвентарь одинаков для обеих групп. Мужские погребения с вооружениями (луком, стрелами, кинжалами, ножом, в одежде, на которой был пояс с пряжками – железными и бронзовыми). Женские с набором украшений, состоящим из бус, бронзовых пряжек, колец и подвесок из камня и орудия труда – шило, ножи, или костяные скребки для выделки кожи, у головы ставили пищу в глиняных сосудах, а также клали бок барана. Детей хоронили иначе – младенцев в глиняных сосудах, детей старшего возраста в деревянных гробиках; инвентарь скромный.

Археологический материал, найденный в могильнике, дополняет коллекции городища целой серией замечательных вещей, представленных бронзовыми пряжками с изображением зверей. Две бронзовые пряжки с изображением борьбы двух тигров с драконом были обнаружены в женском погребении № 100, что дало возможность установить назначе-

ние этих блях как поясных пряжек и тем самым положить конец спору об их назначении, прояснить вопрос о их датировке и этнической принадлежности.

Предварительное обследование антропологического материала, проведенное И.И. Гохманом, показало, что население Иволгинского городища относилось к сибирской ветви большой монголоидной расы.

Для вопроса о происхождении антропологического типа хунну Забайкалья несомненный интерес представляет почти полная идентичность черепов хунну с краниологическими материалами предшествующих периодов из могильников неолита и бронзы.

Работа Иволгинского археологического отряда факультета ЛГУ летом 1968 г. проходила под руководством начальника отряда А.В. Давыдовой по открытому листу № 167 [15]. Период работы Иволгинского археологического отряда с 11 июля по 24 августа 1968 г. Была исследована 31 могила (№№ 157-188). Материал не только подтвердил выводы, которые были сделаны на основании предыдущих работ, но и дал ряд новых данных, касающихся характеристики могильных ям и внутри-могильных сооружений. Были прослежены ямы с «запличиками», когда ямы у дна уменьшали свой размер (могилы №№ 158, 160, 161, 179, 182, 183, 186); выявлены различные варианты в конструкции гробовища.

Исключительно интересной с точки зрения А.В. Давыдовой является могила № 175, в которой обнаружены останки трех человек: мужчины, женщины и ребенка 9-11 лет. В этой могиле впервые получено несомненное доказательство совместного погребения мужчины, ребенка и «видимо женщины».

Интересным являются погребения, где погребенные лежат не в гробу, а на дне неглубокой могильной ямы. Интересными находками стала керамика, орнаментированная приемом лощения. Вещественные материалы подтверждают датировку могильника концом III в до н.э. – начало н.э.

Итак, московские материалы отражают деятельность А.П. Окладникова, Э.Р. Рыгдылона и А.В. Давыдовой за два десятилетия – со второй половины 1940-х по конец 1960-х гг.

Результаты работы в Санкт-Петербурге были менее информативны. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН удалось ознакомиться с описями двух заинтересовавших нас фондов – фонд № 148 «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903–1921)» и фонд № 1099 «Окладников Алексей Павлович (1908–1977)».

В Ф.148 Оп.1 – 110 дел, в которых содержатся материалы по учреждению Комитета и развертыванию его работы, записка гр. В. Н. Ламсдорфа императору Николаю II об учреждении Комитета, переписка об его ведомственной принадлежности к Министерству иностранных дел, устав Комитета и уставы аналогичных иностранных исследовательских организаций, списки назначаемых правительством членов Комитета, сме-

ты и материалы о финансировании экспедиций, раскопок, издания трудов; программы и протоколы заседаний Комитета; переписка с Наркоминделом, Наркомпросом и другими советскими органами по вопросу о дальнейшем существовании Комитета, в том числе историческая записка, составленная В. В. Радловым. Там же аккумулирована «ученая переписка» с исследовательскими учреждениями и отдельными корреспондентами, а также материалы по экспедициям и научным командировкам. Из последних необходимо отметить отчет Д. И. Щербатского о поездке в Ургу, А. Г. Якобсона о поездке на Памир в 1909 г., Ц. Жамцарано о командировке в Южную Монголию (1909-1910 гг.), Ю. Мессароша – в Чувашию и к приволжским татарам, С.М. и Е.Н. Широкогоровых – к тунгусам и ороченам Забайкальской области, С.Д. Майнагапхеев – к тюркским племенам долины р. Абакана, И. И. Зарубина – об экспедиции в горную Бухару, немецкого проф. Грюнведеля о Памирской лингвистической и этнографической экспедиции 1914 г., об экспедиции в Китайский Туркестан, донесение посланника в Пекине И. Я. Коростовца о собирании китайских древностей, отчет А. Д. Руднева о командировке на Север Монголии в 1903 г., отчетный материал об археологической экспедиции в Кугу и Турфан (в том числе письма С. Ф. Ольденбурга), отчет Б. О. Пилсудского о командировке на Сахалин к айнам и орокам (1903-1905 гг.), Г.С. Ремстеда – в калмыцкие степи, записка С. Ю. Витте об археологической экспедиции в Китайский Туркестан в 1900 г.

Материалы о раскопках, этнографических, лингвистических и др. исследованиях, например: записки А. Анохина об этнографических материалах по народам Сибири, Н. Бравина об изучении ногайского наречия, многочисленные донесения, записки и письма А. В. Адрианова о писаницах Минусинского края, обследования им пещер, часто с рисунками и фотоснимками; переписка о работах по реставрации и поддержке памятников в Самарканде (мечеть Шахи-Зинда и др.), отчеты о раскопках в крепости г. Отрара (с планом), о раскопках обсерватории Улугбека, о раскопках курганов в Кокчетавском уезде, Акмолинской обл. Имеются также рукописи С.Е. Малова «Хами-Турфани Лоб-Нор», А. Анохина «Русский Алтай», записка худ. С. М. Дудина о реставрации фресок, фототипическая копия монгольского текста ургинского соглашения 1912 г., отчеты и донесения местных исследовательских организаций, как Приамурского отдела Русского географического общества, сибирских краеведческих организаций и т.д., русских консулов в среднеазиатских странах.

К сожалению, фонд А.П. Окладникова (№ 1099) находится в научно-технической обработке и уже несколько лет недоступен для исследователей.

В архиве Института истории материальной культуры (ИИМК) удалось установить, что в фонде №1 содержатся материалы о раскопках Ю.Д. Талько-Грынцевича [16]. В них содержится информация о работах на различных памятниках на территории Бурятии (Сахюрта, могилы в

Бичуре, Гуджир, Дырестуйский култук, Ильмовая падь, Зарубино, Оргойтун и др.).

В этом же архиве выявлены материалы, связанные с раскопками А.П. Окладникова [17]. В делах содержится информация о разведочных работах 1928 г. [18], отчет о деятельности Бурятской-Ангарской экспедиции 1940 г. [19], а также отчет о полевых работах по обследованию памятников долины р. Уда от Еравнинских озер до г. Улан-Удэ [20].

В фонде №2 также хранятся сведения о работах, проводимых Г.Ф. Дебецем в Троицкосавском аймаке Бурят-Монголии в 1925-1930 гг. [21]; отчеты о других раскопках [22].

Материалы археологического изучения Забайкалья, Якутии и др. районов Сибири Г.П. Сосновским аккумулированы в его личном фонде [23]. В частности, в Ф. 42 собраны описания, чертежи, фотографии раскопок в Ильмовой пади; Д. № 56 посвящено палеолиту Восточной Сибири и т.д. [24].

Итак, археографическое обследование архивных фондов Москвы и Санкт-Петербурга выявило значительное количество материалов, в большинстве своем неиспользованных современными исследователями древней истории Бурятии. Между тем, полученные данные, несомненно, имеют существенное значение для археологии региона. Обращаясь к архивным материалам о раскопках предшественников, мы не только получаем необходимые уточняющие сведения, но и отдаем дань памяти и уважения основоположникам археологии Бурятии.

Примечания

1. Буряева С. В. Обзор археологических отчетов и материалов в общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 2017. С. 274-278.

2. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований / Коновалов П. Б., Базаров Б. А., Миягашев Д.А., Клементьев А.М., Именохоев Н.В. // Вестник БНЦ. 2016. №1. С. 9- 27.

3. Симухин А. И., Клементьев А. М., Булова В. В. Раннесредневековый череп собаки с Иволгинского городища в Забайкалье // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию проф. П. Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4-6 дек. 2017 г.) / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ, 2017. С. 148-151.

4. НА ИА РАН (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН). Ф-1. Р-1. № 130; № 160. 30 л. 29 ил.

5. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 243. 70 л. 26 ил.

6. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 363. 62 л. 11 ил.

7. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 543. 95 л. 46 ил.

8. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 112. 135 л. 29 ил.

9. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1095. 10 л. 8 ил.

10. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1123. 18 л. 10 ил.
11. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1353. 22 л. 30 ил.
12. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1851. 124 л. 94 ил.
13. НА ИА РАН. Ф.1, Р. 1. Оп. 1. Д. 2544.
14. НА ИА РАН. Ф.1. Р. 1. Оп.1. Д. 3120.
15. НА ИА РАН. Ф.1. Р. 1. Оп.1. Д. 3866.
16. Научный архив ИИМК РАН (Научный архив Института истории материальной культуры). Ф.1. Д. 37, 97, 34, 53, 283, 257, 61, 97, 48, 249.
17. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 167, 205; Ф. 35. Д. 53,194.
18. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 167.
19. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 194.
20. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 53.
21. Научный архив ИИМК РАН. Ф.2. Оп.1 Д. 157,139,147,140.
22. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 149, 182.
23. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 1-408.
24. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 10, 16, 17, 18.

References

1. Buraeva S.V. Obzor arkheologicheskikh otchetov i materialov v obschem arkhivnom fonde Centra vostochnyh rukopisej i ksilografov IMBT SO RAN [Review of archaeological reports and materials in the general archive of the Centre of Oriental manuscripts and xylographs of IMBT SB RAS // Aktualnye voprosy arkheologii i etnologii Centralnoj Azii [Actual issues of archaeology and ethnology of central Asia]. Ulan-Ude, 2017. P. 274-278 [In Russ.]
2. Khunnskaya arkheologija v Burytii: istorija i novy etap issledovaniy [Khunn archaeology in Buryatia: history and new stage of research] / Konovalov P.B., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Klementyev A.M., Imenokhovev N.B. // Vestnik BNC [Bulletin of the BSTS]. 2016. №1. P. 9- 27.
3. Simukhin A.I., Klementyev A.M., Burova V.V. Rannesrednevekovy cherep cobaki s Ivolginskogo gorodischya [Early middle-aged dog's sculp from Ivolginsk hillfort in Transbaikaliye // Aktualnye voprosy arkheologii i etnologii Centralnoj Azii: materialy II mezhdunar. nauch. konf., posvyasch. 80-letiju prof. P.B. Konovalov [Actual issues of archaeology and ethnology of Central Asia: materials of the II intern. scient. conf. devoted to the 80-th anniversary of prof. P.B. Konovalov (Ulan-Ude, 4-6 Dec. 2017) / chief editor B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Ulan-Ude, 2017. P. 148-151 [In Russ.].
4. НА ИА РАН (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН [Scientific- sectoral archive of the Russian Academy of Sciences]. F-1. P-1. № 130; № 160. 30 p. 29 ill.[In Russ.].
5. НА ИА РАН. F-1. P-1. № 243. 70 sh. 26 ill. [In Russ.].
6. НА ИА РАН. F-1. P-1. № 363. 62 sh. 11 ill. [In Russ.].
7. НА ИА РАН. F-1. P-1. № 543. 95 sh. 46 ill. [In Russ.].
8. НА ИА РАН. F-1. P-1. № 112. 135 sh 29 ill. [In Russ.].

9. NA IA RAN. F-1. P-1. № 1095. 10 sh. 8 ill. [In Russ.].
10. NA IA RAN. F-1. P-1. № 1123. 18 sh. 10 ill. [In Russ.].
11. NA IA RAN. F-1. P-1. № 1353. 22 sh. 30 ill. [In Russ.].
12. NA IA RAN. F-1. P-1. № 1851. 124 sh. 94 ill. [In Russ.].
13. HA IA RAN. F.1, P. 1. Op. 1. D. 2544. [In Russ.].
14. HA IA RAN. F.1. P. 1. Op.1. D. 3120. [In Russ.].
15. HA IA RAN. F.1. P. 1. Op.1. D. 3866. [In Russ.].
16. Nauchniy arkhiv IIMK RAN [Scientific archive of the Institute of material culture history (Научный архив Института истории материальной культуры)]. F.1. D. 37, 97, 34, 53, 283, 257, 61, 97, 48, 249 [In Russ.].
17. Nauchniy arkhiv IIMK RAN. F. 2. D. 167, 205; F. 35. D. 53,194 [In Russ.].
18. Nauchniy arkhiv IIMK RAN. F. 2. D. 167 [In Russ.].
19. Nauchniy arkhiv IIMK RAN. F 35. D. 194 [In Russ.].
20. Nauchniy arkhiv IIMK RAN. F. 35. D. 53. [In Russ.].
21. Nauchniy arkhiv IIMK RAN. F.2. Op.1 D. 157,139,147,140 [In Russ.].
22. Nauchniy arkhiv IIMK RAN. F. 2. D. 149, 182 [In Russ.].
23. Nauchniy arkhiv IIMK RAN. F. 42. D. 1-408 [In Russ.].
24. Nauchniy arkhiv IIMK RAN. F. 42. D. 10, 16, 17, 18 [In Russ.].

Цыремпилова И.С.

Tsyrempilova I.S.

**ИСТОРИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В 1917-1930-е гг.
В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ**

**HISTORY OF THE TRANSBAIKALIA EPARCHY IN THE
1917-1930s IN THE ARCHIVAL DOCUMENTS**

В статье дается характеристика и оценка возможностей использования документов и материалов Государственного архива Забайкальского края и Государственного архива Республики Бурятия, отражающих историю православных приходов Забайкальской епархии, их взаимоотношений с органами власти в 1917-1930-е гг.

This article gives the characteristics and possibilities assessment of using documents and materials of the State Archive of the Transbaikal region and State Archive of the Republic of Buryatia representing the history of Orthodox parishes of the eparchy Transbaikaliya, its relationships with the government in 1917-1930s.

Ключевые слова: архивный документ, исторический источник, Русская православная церковь. Забайкальская епархия,

Keywords: archival document, historical resource, Russian Orthodox church, Transbaikalia eparchy.

Исследование истории религиозных институтов, эволюции государственно-конфессиональных взаимоотношений в один из наиболее сложных периодов – 1917-1930-е гг. является приоритетным направлением современной исторической науки. В целях объективной реконструкции заявленной проблемы главной задачей для исследователей является поиск, выявление и интерпретация источникового корпуса. Благодаря произошедшей так называемой «архивной революции» и изысканиям ученых последнего двадцатилетия стал доступен обширный массив неопубликованных свидетельств по ранее закрытым темам, в том числе и по конфессиональной истории.

В истории XX в., именно 1917-1930-е гг. представляют собой драматичный период в истории Русской православной церкви и ее взаимоотношений с властью, как в стране в целом, так и в отдельно взятом регионе в частности. Сложность этих взаимоотношений была обусловлена тем, что РПЦ занимала ведущее положение в государстве как идеологический институт, а духовенство являлось активным участником общественно-политической жизни страны. Из семи сибирских епархий, функционировавших в начале XX в., Забайкальская епархия представляла собой самодостаточную церковно-административную единицу. Православное население

ние Забайкальской области в начале XX в. составляло 453821 чел., - 76 % от численности всего населения [9, с.24]. В 1914 г. Забайкальская епархия располагала 382 приходскими и приписными церквями, 330 часовнями и 73 молитвенными домами. В православных приходах несли службу 22 протоиерея, 233 священника, 44 диакона, 234 псаломщика (всего 533 чел.) [8, с. 22].

Воссоздать особенности внутренней жизни приходов Забайкальской епархии позволяет документальный массив религиозных учреждений и организаций, отложенный в фондах Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) и Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Следует отметить, что одним из первых шагов советской власти стало лишение церковных институтов права регистрации актов гражданского состояния. В связи с этим материалы церковного делопроизводства были переданы в государственные организации. Другая же, большая часть документации, не востребованная органами власти, продолжала оставаться в религиозных учреждениях. Последовавшие затем гонения, антирелигиозные кампании, а также частые административно-территориального преобразования негативным образом отразились на состоянии и сохранности документов. Тем не менее, несмотря на разрушение и закрытие монастырей и храмов, уничтожение части церковных архивов, многие документы после национализации удалось сохранить в региональных государственных архивах.

В советский период в архивном деле функция хранения преобладала над функцией использования. Документы по истории РПЦ в основном находились в спецхранах или на секретном хранении, отмечалось, что «фонды учреждений духовного ведомства, рассредоточенные в государственные хранилища, в течение атеистического XX столетия практически не изучались [10, с.376].

Сегодня сохранившаяся часть богатейшего делопроизводственного церковного фонда в архивохранилищах не только доступна для исследователей, но и снабжена научно-справочным аппаратом. Также стоит отметить, что в рассматриваемый период по понятным причинам архивы действующих религиозных учреждений не были востребованы государством. В самих церковных учреждениях почти полностью были прерваны сложившиеся в дореволюционный период традиции документирования. Однако, примечателен тот факт, что в 1932 г. предпринимались попытки по сохранению церковных документов. 31 октября 1932 г. был издан указ №1867 Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, Митрополита Горьковского Георгия и Временного при нем Патриаршего Священного Синода «О необходимости хранения архивов». Всем Преосвященным разъяснялось: «1.Необходимость хранения поступающих на их имя служебных бумаг, и в первую очередь, имеющих значение церковных документов, каковы: циркуляры и указы патриархии, священнические дела, отпускные дела клириков, переходящих их других епархий, послужные списки и подобное; 2. Пользу ведения реестра резолюций Преосвященного, с крат-

ким резюме бумаг, на которых они положены и с отметками об их исполнении» [3, л.25]. Эти меры свидетельствовали о беспокойстве высшего церковного руководства о судьбе архивов и способствовали упорядочению церковного документооборота на местах.

Состав материалов, находящихся в фондах непосредственно церковных учреждений и организаций, достаточно разнообразен. Наряду с документацией, исходящей из высших органов церковного управления, перепиской с органами государственной власти, здесь имеется солидный пласт документов, отражающих внутреннюю жизнь православных общин. Епархиальные отчеты, рапорты и доклады священнослужителей, списки и анкеты приходских общин, протоколы приходских и епархиальных собраний, переписка с благочинническими округами представляют в распоряжение исследователя ценные сведения о состоянии религиозной жизни в 1920-1930-е гг.

Фонд №р.-422 «Забайкальский епархиальный Совет» ГАЗК содержит богатейший информационный материал, раскрывающий особенности религиозной жизни православного населения Забайкальской епархии 1917-1934 гг. Документы фонда представлены докладами, отчетами и журналами Забайкальского епархиального Совета, книгами входящей и исходящей документации, резолюций Епископа Забайкальского, протоколами и постановлениями приходских собраний, заседаний епархиальных и благочиннических съездов, материалами о районировании Забайкальской епархии, рапортами священнослужителей Епископу Забайкальскому о несении церковной службы, послужными списками и др.

Одним из важных решений Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг. являлась перестройка системы епархиального управления. Было принято положение «Об епархиальном управлении»; высшим органом управления епархией становилось епархиальное собрание, постоянно действующим административно-исполнительным учреждением – епархиальный совет из выборных клириков и мирян. Эта реорганизация в Забайкальской епархии началась с мая 1918 г. Согласно протоколу епархиального собрания под председательством епископа Забайкальского и Нерчинского Мелетия были утверждены «Правила по Забайкальскому епархиальному совету». Согласно «Правилам...» епархиальный совет, который был введен «не позднее 1 июля», устанавливался из пяти выборных штатных членов, один из которых – «в пресвитерском сане, по избранию совета, с утверждением епархиального Архиерея, состоит председателем» [5, л. 3]. Были определены права и обязанности членов и председателя совета, их основные функции. В качестве специальных обязанностей председателя совета были определены «вопросы религиозного народного просвещения, вероучения и нравоучения», к которым были отнесены вопросы о богослужениях, молитвы и «вообще дела идейного характера» [11, с. 38]. При этом документы позволяют восстановить персональный состав совета, обязанности его членов и др. Несомненный исследовательский интерес вызывают материалы, которые раскрывают осо-

бенности внутреннего кризиса в Забайкальской епархии в 1917-1922 гг., обусловленного как политической нестабильностью в период перманентной смены власти и режимов, так и отсутствием единоначалия.

В истории РПЦ рассматриваемого периода особое место занимает обновленческий раскол, который внес дестабилизирующее начало в организационные, финансовые, имущественные и отчасти богословские вопросы. Однако, по сути это было конформистское движение, получившее поддержку советской власти и потому не нашедшее поддержки у населения. Фонд №р.-422 ГАЗК особенно богат документами, отражающими основные тенденции и региональные особенности развития обновленчества. Документы позволяют не только проанализировать динамику его развития, количественные и качественные характеристики, но и показать восстановительный процесс в православных приходах. В комплексе документов представлена обширная переписка Забайкальского епархиального церковного управления с высшими церковными органами, как Священным Синодом Российской Православной церкви, Сибирским областным церковным управлением, Дальневосточным областным церковным управлением. Наряду с этим имеются материалы об изменении подчиненности, границ и внутреннего церковно-административного устройства Забайкальской епархии. В делах фонда сосредоточены протоколы заседаний приходских советов и епархиальных собраний, журналы заседаний благочиннического совета, материалы о деятельности обновленческого и тихоновского духовенства, указы и распоряжения церковного руководства, рапорты, доклады, исповеди, письма верующих епископу об их отречении от обновленчества, их раскаянии, личная переписка и др.

Так, согласно документам 15 июня 1923 г. было образовано Забайкальское губернское церковное управление (ЗабГЦУ) под председательством архиепископа Михаила Орлова [6, л. 31]. Архиепископ Михаил созвал в Чите руководителей благочинных округов и раздал им свое управление с запретом поминать на богослужениях патриарха Тихона как лишенного церковного сана. Многие священнослужители со своими приходами подчинились решению церковного управления, перейдя, тем самым, в обновленчество. Восстановление патриаршей церкви на территории Забайкалья происходило уже во время правления епископа Евсевия (Рождественского). Он был назначен епископом Забайкальским и Нерчинским согласно определению №54 Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода от 11 августа 1927 г. [4, л. 82].

Таким образом, материалы фонда Забайкальского епархиального совета позволяют более полно представить общую канву событий и специфику внутренней жизни Забайкальской епархии: от создания выборного коллегиального органа – епархиального совета, раздробления церковного управления и путаницы, вызванных обновленческим расколом, постоянной сменой епархиального руководства до реорганизации благочиний и упразднения епархии в 1936 г.

Другой фонд №282 «Церкви и монастыри Забайкальской области» также насыщен информационным материалом 1920-30-х гг. Он представлен документами о деятельности религиозной православной общины при Михайло-Архангельской церкви декабристов (1923-1930 гг.), при Читинской Кладбищенской церкви (1923-1930 гг.), Петро-Заводской Петро-Павловской православной христианской общины (1924-1929 гг.), Александро-Невского религиозного общества (1923-1929 гг.), Читинского Казанского кафедрального Собора и др. Наряду с материалами, отражающими внутреннюю жизнь религиозных общин (доклады, отчеты, прошения, жалобы, документы о кадровых назначениях, финансовом положении и др.) имеется большое количество документов, раскрывающих взаимоотношения местных органов власти и религиозных организаций. К ним относятся уставы, договоры о передаче в бесплатное пользование имущества, списки членов, исполнительного органа, священнослужителей общества, протоколы собраний и др.

Из фондов ГАЗК: «Забайкальский областной епархиальный училищный совет» (ф.№7), «Забайкальская духовная консистория» (ф.№8) можно отобрать сведения о деятельности и функционировании этих организаций в рассматриваемый период. Документы представлены ежегодными журналами заседаний Забайкальского епархиального училищного совета и Совета Забайкальского епархиального женского училища, Забайкальского епархиального Совета (правопреемника Забайкальской духовной консистории), отчетами, докладами, рапортами, прошениями и др.

Документы Забайкальской духовной консистории предоставляют информацию о назначении викарного епископа Селенгинского Ефрема (1916-1918) [2, л. 17-19], о поддержке духовенством Забайкальской епархии смены политического строя и Временного правительства [1, л. 59].

Фонды ГАРБ: ф.№491 «Троицкосавский Благочинный Совет», ф.№365 «Троицкосавская Успенская кладбищенская церковь», ф.№363 «Михайло-Архангельская церковь» представлены протоколами собраний, съездов, перепиской с вышестоящими церковными органами по вопросам назначения, увольнения, перемещении священнослужителей, списками верующих, докладами, актами, повестками, отчетами и др. Эти фонды (слабо систематизированы и отличаются случайностью подбора дел), имея оригинальные документы, объективно по степени информативности 1920-1930-х гг. уступают фондам ГАЗК. Это объясняется тем, что г. Чита являлся не только региональным административно-территориальным, но и епархиальным центром.

При изучении рассматриваемой темы важное место занимает документы партийных органов и органов исполнительной власти. Обращение к этим фондам объясняется необходимостью изучения механизма разработки и реализации государственной политики по отношению к религии, церкви и верующим. В ГАЗК документы, отражающие роль партийных органов в реализации государственно-конфессиональной политики, отложены в фондах Забайкальского губернского комитета (загуб-

ком) РКП (б) (ф. п-81), Читинского (ф. п-71) и Сретенского окружных комитетов (окружком) ВКП(б) (ф. п-75), Читинского областного комитета (обком) ВКП(б) (ф.п-135) и др. Значительный массив партийных документов сосредоточен в ГАРБ: фонд Бурятского республиканского комитета КПСС (Бурят-Монгольский обком РКП(б) БМАО РСФСР - БМАССР, Бурят-Монгольский обком ВКП (б) (ф. п-1).

Особое место в партийных фондах занимают материалы различного рода комиссий и отделов, таких как региональные агитационно-пропагандистские отделы и коллегии, антирелигиозные комиссии, комиссии по вопросам культа и др. Эти органы непосредственно занимались реализацией государственной политики по отношению к церкви. Документы, отражающие деятельность этих органов, помогают воссоздать картину и событийный ряд основных антицерковных кампаний 1920-1930-х гг.: изъятие церковных ценностей, антирелигиозная пропаганда и агитация, снятие колоколов, ликвидация и закрытие культовых зданий и др.

Отдельный интерес представляют документы силовых структур, отложенные в партийных фондах. Здесь находятся такие виды документов как периодические (двухнедельные, месячные) информационные и специальные сводки, информационные и политические обзоры, бюллетени, доклады, специальные донесения и сообщения, докладные записки и др. Забайкальского губотдела, окружных отделов ГПУ-ОГПУ, Восточного отделения областного отдела ОГПУ БМАССР, дорожно-транспортного отдела ОГПУ Забайкальской железной дороги, Управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю, Читинской области. Информационные и политические обзоры строились по проблемно-тематическому признаку. На основе сводок с мест о политическом и экономическом положении готовились ежемесячные обзоры политического состояния СССР. Информационный материал по проблеме государственно-церковных взаимоотношений располагался в подразделах «Антисоветские партии и группировки», «Антисоветские проявления», «Духовенство и секты», «Бандитизм» и др. Обзор содержал строго конфиденциальные сведения, что свидетельствует об уровне и характере политической информации, раскрывавшей ситуацию в различных сферах советского общества.

Так, в сопроводительном письме к обзору указывалось: «Настоящий обзор, ввиду его совершенно секретного характера, следует хранить наравне с шифром. Снимать копии и делать выписки не допускается ни в коем случае. Начальники Губотделом ОГПУ и ПП ОГПУ могут давать обзор для прочтения секретарям обкомов, губкомов, краевых комитетов и бюро ЦК РКП, а также председателям губисполкомов и ЦИКов автономных республик» [7, л. 83]. Это свидетельствует об уровне и характере политической информации, раскрывавшей ситуацию в различных сферах советского общества.

Источниковедческий анализ документов спецслужб представляет собой достаточно трудоемкий процесс. Следует отметить, что секретные материалы являются одновременно и крайне важным, и чрезвычайно тен-

денциозным историческим источником. Однако, учитывая характер документа (политический заказ), условия и обстоятельства его создания, анализ содержания и др., из него можно извлечь фактический материал, позволяющий воссоздать картину происходивших событий.

Одной из сюжетных линий информационных сводок является фиксирование слухов как явления массовой социальной психологии. Эти сводки по форме и содержащейся в ней информации однотипны, а сама информация – вторична, так как составлена на основе сведений, поступающих с мест. Однако это не умаляет значимости этой группы источников, позволяющей оценить не только формы и методы, применявшиеся государством для борьбы с церковью и их эффективность, но и состояние религиозной жизни региона.

Незаменимыми для конструирования и объяснения региональных особенностей государственно-конфессиональной политики являются документы местных органов исполнительной власти. Они представлены в следующих фондах: в ГАЗК – Правительство ДВР (ф.р-32), Забайкальское областное управление ДВР (ф.р-25), Министерство по делам национальностей ДВР (ф.р-16), Дальневосточный ревком (ф. р-27), Забайкальский губернский исполнительный комитет (ф. р-110), Исполнительный комитет Читинского окружного Совета (окрисполком) (ф.р-474), Сретенский окружной исполком (ф.р-1784) и др.; в ГАРБ – Совет Народных Комиссаров Бурят-Монгольской АССР (ф. р-248), БурЦИК (ф.р-475), Министерство просвещения Бурятской АССР (секретная часть) (ф.р-60) и др.

Сложность изучаемого периода заключается в постоянных региональных трансформациях рассматриваемого периода. Так, геополитическая ситуация обусловила необходимость образования Дальневосточной республики (1920-1922 гг.), когда были предприняты первые шаги в выстраивании новых государственно-конфессиональных взаимоотношений. В фондах ГАЗК сосредоточены документы, позволяющие проследить практическое воплощение государственной политики по отношению к религиозным конфессиям в период ДВР.

В течение 1920-х гг. на территории страны неоднократно производилась регистрация и перерегистрация групп верующих и религиозных организаций. Непосредственное руководство этими мероприятиями возлагалось на административные отделы НКВД. Наряду с этим в функции НКВД входил сбор сведений и информации о деятельности религиозных объединений.

Одной из форм контроля за исполнением декрета об отделении церкви от государства являлось обследование религиозных обществ, которое проводилось по специальной программе. Программа включала 19 пунктов: название религиозного общества и группы; дата регистрации; какое течение; устав, договор; изменения устава, количество членов, их социальный состав, пол, учет; количество общих собраний; наличие нарушений; конфликты; описание имущества, его состояние; страхование; денежная часть; ведение документации и др. Акты обследований право-

славных религиозных обществ и групп верующих Забайкальской епархии, проводимые сотрудниками милиции по этой программе, представлены как в фондах исполнительных органов, так и в фондах церковных учреждений.

Таким образом, в фондах региональных архивохранилищ отложен солидный пласт разнообразных исторических источников и свидетельств, содержащих фактическую информацию по истории Забайкальской епархии, трансформации государственно-церковных взаимоотношений в 1917-1930-е гг. Дальнейшая объективная реконструкция исторических событий тех лет возможна при условии комплексного изучения и использования, сравнительного анализа всей совокупности опубликованных и неопубликованных источников.

Примечания:

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 8. Оп. 3. Д. 85. Л. 59.
2. ГАЗК. Ф. 8. Оп.1. Д.1268. Л.17-19.
3. ГАЗК. Ф.р.-422. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.
4. ГАЗК. Ф.р.-422. Оп.1. Д.19. Л. 82;
5. ГАЗК. Ф.р.-422. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
6. ГАЗК. Ф.р.-422. Оп.1. Д. 106. Л.31.
7. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 83.
8. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908-1923 гг. Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2007. 204 с.
9. Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы Первой российской революции. Чита : Изд-во ЗабГПУ, 1999. 196 с.
10. Труды Историко-Архивного Института. Т. 36. Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее М. : РГГУ, 2005. 381 с.
11. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство : история взаимоотношений в 1917 – 1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008. 300 с.

References

1. Gosudarstvennyj arkhiv Zabajkal'skogo kraja (GAZK) [State Archive of the Transbaikal region (SATR)] F. 8. Op. 3. D. 85. L. 59 [In Russ.]
2. GAZK [SATR] F. 8. Op. 1. D. 1268. L. 17-19 [In Russ.]
3. GAZK [SATR] F. R.-422. Op. 1. D. 16. L. 25 [In Russ.]
4. GAZK [SATR] F. R.-422. Op. 1. D. 19. L. 82 [In Russ.]
5. GAZK [SATR] F. R.-422. Op. 1. D. 70. L. 3 [In Russ.]
6. GAZK [SATR] F. R.-422. Op. 1. D. 106. L. 31 [in Russ.]

7. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti (GANIO) [The Irkutsk Region State Archive of Modern History (IRSAMH)] F.1. Op. 1. D. 2200. L. 83 [In Russ.]
8. Kosykh V. I. Zabajkal'skaja eparkhija 1908-1923 gg. [Transbaikaliya eparchy of 1908-1923] / Chita : Izd-vo ZabSPU, 2007. 204 p.[In Russ.]
9. Kosykh V. I. Zabajkal'skaja eparkhija nakanune i v gody Pervoj rossijskoj revolucii [The eparchy of Transbaikaliya before and during the First Russian revolution] / Chita: Izd-vo ZabSPU, 1999. 196 p.[In Russ.]
10. Trudy Istoriko-Arkhivnogo Instituta [Works of Historical and Archival Institute] T. 36. Arkhivy Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: puti iz proshlogo v nastojashchee [Vol. 36. Archives of the Russian Orthodox Church: roads from the past to the present]. M.: RSGU, 2005. 381 p. [In Russ.]
11. Tsyrempilova I.S. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvo : istorija vzaimootnoshenij v 1917-1930-e gg. (na materialah Bajkal'skogo regiona) [Russian Orthodox Church and the state: history of relationships in 1917-1930s (based on the materials of the Baikal region)]. Ulan-Ude : Izd.-poligr. complex of ESSACA, 2008. 300 p. [In Russ.]

Плеханова А.М.

Plekhanova A.M.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ БУРЯТИИ В 1920-1930-е гг.:
ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹**

**ECONOMIC MODERNIZATION OF BURYATIA IN 1920-1930s:
GENERAL TENDENCIES AND REGIONAL FEATURES**

В статье наряду с общегосударственными тенденциями экономической модернизации Бурят-Монгольской АССР в 1920-30-е гг., установлены и проанализированы ее региональные особенности, в числе которых – значительное влияние геополитической ситуации; низкий стартовый уровень республиканской экономики; создание крупной промышленности на базе уже сформированной в стране крупной индустрии на ассигнованные государственным бюджетом средства; выраженный экзогенный характер.

Along with the federal tendencies of economic modernization of the Buryat-Mongolian ASSR in 1920-1930s, the article examines and analyzes its regional features including substantial impact of geopolitical situation; low starting level of the republican economy; creation of large-scale industry based on the industry formed in the country with the help of state budget; significant exogenous character.

Ключевые слова: экономическая модернизация, новая экономическая политика, индустриализация, Бурят-Монгольская АССР.

Keywords: economic modernization, new economic policy, industrialization, Buryat-Mongolian ASSR.

1920-1930-е годы занимают особое место в истории России. Это один из самых динамичных и самых противоречивых периодов, который характеризуется быстрым переходом из одного экономического состояния в другое, трансформацией хозяйственных, политических и социальных сфер, ломкой устоявшихся в прежние годы традиционных представлений. Именно в этот период советская власть, вступив на путь социалистической модернизации общества, перешла от тотального государственного регулирования к новой экономической политике, а в конце десятилетия вновь вернулась к применению элементов политики «военного коммунизма» под оболочкой административно-командной системы. В связи с этим актуальной задачей современной историографии является изучение исторического опыта социально-экономической модернизации

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00630А

1920-30-х гг., характеризующейся не только реформами, инициируемыми властью, но главное, продолжившимся переходом от традиционных укладов к современному.

В новый этап исторического развития, стержнем которого стала набиравшая силу модернизация, Россия вступила после отмены крепостного права в 1861 г. Активная фаза модернизационных преобразований на рубеже XIX-XX вв. была прервана революционными событиями 1917 г. После завершения Гражданской войны Россия продолжила модернизационный переход в условиях новой экономической политики, главным результатом которой стало не только восстановление разрушенной экономики, но и складывание в ее рамках условий для модернизационного прорыва, осуществленного в 1930-е гг. И хотя сам термин «модернизация» не встречался в официальных документах советской власти, его смысл содержался во многих неологизмах советской эпохи: «социалистические преобразования», «социалистическое строительство», «социалистическое обобществление», «культурная революция» и др. Модернизационные процессы в 1920-30-е гг. облекались в политико-идеологическую формулу нового общественного строя.

Российский (советский) вариант перехода от традиционно-аграрного общества к индустриальному имел двойную специфику. Во-первых, отставание России от передовых стран Европы, совершивших постепенный модернизационный переход в течение XIX – начала XX вв., потребовало форсированного перехода, резкого рывка в развитии, который принято называть догоняющей модернизацией. Установление в России советской власти предопределило вторую особенность российской модернизации, которая заключалась в том, что она протекала под флагом строительства социалистического общества, а по существу, в условиях формирования командно-административной системы управления.

Развиваясь в контексте общегосударственной политики, модернизационные процессы в Бурятии имели свою специфику – по масштабам, глубине и темпам преобразований. Природно-географические особенности региона, особое геополитическое положение (близость к странам Центральной Азии), слабые коммуникативные связи в условиях разреженной дисперсной зоны, сочетание различных типов хозяйственной деятельности, богатство природных ресурсов при недостатке капиталов для их освоения, иные, чем в центре, инновационные и кадровые ресурсы – все это предопределило специфику модернизационных преобразований. Создание в 1923 г. национальной автономии коренного этноса Западного Забайкалья – бурят – привнесло в процесс экономической модернизации региона «национальный» оттенок. Бурят-Монгольская республика должна была продемонстрировать угнетенным в царской России инородцам преимущества нового – социалистического – строя, а народам Востока, особенно соседней Монголии, – успехи социалистического строительства для вовлечения их в орбиту советского экономического и политического влияния.

Руководство республики, учитывая неразвитость промышленной основы и отдаленность от крупных промышленных центров, стало строить планы социально-экономического развития Бурятии, основанные на «преодолении хронически дефицитного крестьянского состояния» за счет «всемерной индустриализации и урбанизации» [1, с. 58-59]. Реализация концепции выравнивания уровня социально-экономического развития отсталых в дореволюционный период территорий, усиление федеральных программ финансирования способствовали восстановлению разрушенной в ходе социальных катаклизмов экономики региона. В 1927/28 г. 20 промышленными предприятиями республики было выпущено валовой продукции на сумму 5 975 тыс. руб., что составляло 230 % от уровня 1923/24 г. [2, л. 329].

Однако существенной трансформации внутрирегионального экономического пространства в 1920-е гг. в условиях новой экономической политики не произошло. В Бурятии в этот период практически не велось нового промышленного строительства, проводилось только восстановление, переоборудование и расширение старых предприятий. В 1929 г. в отраслевой структуре промышленного производства по-прежнему преобладающее место занимали кожевенная отрасль (32,4 % от общей стоимости произведенной продукции), лесообработывающая (24 %), пищевая (19,3 %), стекольная (17,9 %), в то время как на долю металлообработывающей приходилось лишь 0,8 % [3, с. 86]. При всех достижениях Бурятия оставалась районом с крайне низким уровнем развития промышленности. К концу 1928 г. в целом по СССР валовая продукция промышленности составляла 48 %, а сельского хозяйства – 52 %, то в Бурятии соответственно 14 и 86 % [4, л. 5]. Доля валовой продукции промышленности республики в экономике РСФСР выражалась в 0,04 %, тогда как сельскохозяйственная продукция составляла 0,45 %, а население – 0,52 % [5, с. 70]. Полная загрузка имевшихся производственных мощностей, физический и моральный износ основного капитала требовали значительных инвестиций для обновления машинного парка, для создания новых промышленных отраслей. Для этого требовались огромные капиталы, которыми республика не располагала.

Дефицит финансовых средств и «классовый подход», сковывавший работу механизмов рыночной экономики, оказались серьезным препятствием на пути модернизации торгово-промышленной сферы экономики республики в рамках НЭПа. Однако ее итоги – складывание единой денежной системы, учреждение банков, восстановление, переоборудование и расширение имевшихся промышленных предприятий, увеличение объема выпускаемой продукции, широкое развитие кооперации, повышение машинообеспеченности крестьянских хозяйств, возрастающая степень плотности стационарной торговой сети позволили не только восстановить разрушенную войной экономику, но и создать условия для последующего модернизационного рывка.

Специфика и своеобразие экономической модернизации Бурятии в 1930-е гг. были обусловлены историческими, природно-географическими, экономическими, политическими, геополитическими, национальными, социокультурными особенностями. Низкий стартовый уровень, с которого началась активная фаза модернизационных преобразований в республике, недостаточные внутренние источники накопления и незначительная роль местного бюджета в инвестициях в республиканскую экономику обусловили высокую зависимость последней от государства. Его систематическое мощное содействие промышленному развитию республики в соответствии с политикой выравнивания регионов позволило обеспечить более масштабные перемены и более высокие, чем в целом по стране, темпы экономической модернизации Бурятии. При росте капитальных затрат в промышленность всего Советского Союза за период второй пятилетки в 2,2 раза, капитальные вложения в промышленность Бурят-Монгольской АССР увеличились за эти годы в 22,5 раза, т.е. они росли в 9,5 раза быстрее, чем капиталовложения в промышленность СССР в целом.

Модернизация Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг. имела догоняющий характер не только по отношению к европейской части СССР, но и даже – к Сибири, в связи с чем ее масштабы и темпы были несопоставимы с большинством советских регионов.

Региональная специфика модернизационных процессов проявилась в положительном воздействии командно-административной системы на экономику Бурятии: выступив аккумулятором и распределителем фондов накопления, система позволила обеспечить ускоренные темпы развития республики.

Для Бурятии первые пятилетки стали началом настоящей промышленной революции. В течение небольшого исторического периода республика совершила невиданный по масштабам индустриальный скачок. В 1930-е гг. в Бурятии были построены и введены в эксплуатацию более 100 новых предприятий, крупнейшими, имеющими союзное значение, из которых были Улан-Удэнский ПВРЗ с теплоэлектроцентралью, мясоконсервный комбинат, механизированный стекольный завод, мельничный комбинат, Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат и др. Появились новые отрасли промышленности, создавались национальные кадры рабочих, увеличивалось городское население. При общем увеличении народонаселения Бурятии в 1937 г. по сравнению с 1926 г. на 122 % численность городского населения возросла на 353 % [6, с. 68]. В 1937 г. в республике удельный вес промышленной продукции составлял 71,1 % всей продукции народного хозяйства. Бурятия прочно вошла в систему межхозяйственных связей СССР.

При определении отраслей создаваемой региональной промышленности исходили как из потребностей общегосударственных народнохозяйственных проблем, так и интересов развития национальных районов. Индустриализация республики началась на базе уже созданной в

стране крупной индустрии, продемонстрировав в то же время большую, чем в центральных районах страны, зависимость темпов и характера промышленного развития от возрождения и развития сельскохозяйственного производства.

В ходе индустриальной модернизации сложился республиканский отряд рабочего класса, появилась местная инженерно-техническая интеллигенция. Рабочие коллективы комплектовались не только за счет перераспределения кадров между аграрными и индустриальными отраслями экономики, но и за счет прибывающих из центральных областей страны рабочих, инженеров и техников. Рабочий класс республики формировался не как национальный, а как многонациональный.

Экономическая модернизация имела преимущественно государственный (экзогенный) характер. Она проводилась на базе государственной экономики и государственного управления с помощью политической системы советского типа. Частный сектор с самого начала был обречен на поражение в неравной борьбе с сектором государственно-кооперативным, что вполне закономерно: цели форсированной трансформации регионального экономического пространства и выравнивания экономического развития регионов могли быть поставлены и достигнуты только государством на основе концентрации всех ресурсов на ключевых «направлениях прорыва» [7, с. 51].

Основным итогом экономической модернизации республики в 1930-е гг. стало коренное изменение народнохозяйственных пропорций: центр тяжести республиканской экономики сместился в сторону промышленности. Бурятия превратилась из аграрного в индустриально-аграрный регион, что полностью соответствовало геополитическим задачам Советского государства по укреплению своих позиций на Востоке.

Полномасштабная социалистическая модернизация 1930-х гг. с ее форсированным характером, присущим экономике мобилизационного типа, была продуктом централизованного планового-распределительного механизма. В Бурят-Монгольской республике отчетливо проявились все черты, присущие советской индустриализации в целом, в том числе и эффект организующей пространство геополитической «оси», который в дальнейшем проецировался на все экономические планы и проекты [8, с. 189]. В то же время экономическая модернизация в регионе продемонстрировала свою специфику: создание крупной промышленности практически с нуля на базе уже сформированной в стране крупной индустрии на ассигнованные государственным бюджетом средства; более высокие, чем в целом по стране, темпы роста капиталовложений в крупную промышленность в годы первых пятилеток, что свидетельствовало, с одной стороны, о форсированном развитии промышленности Бурятии, а с другой – о ее низком стартовом уровне. При своей технологической незавершенности, обострившемся углублении диспропорций в развитии промышленности и аграрного сектора и уничтожении традиционного уклада в деревне именно советская индустриальная модернизация в основном и

решила давно поставленную задачу – кардинально перестроила экономику и существенно укрепила промышленную мощь Бурятии, тем самым значительно усилив геополитические позиции Советского Союза на Востоке.

Примечания

1. Козьмин Н.Н. Основы капитального строительства Бурятии. Верхнеудинск : Госплан БМ АССР, 1926. 44 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 562.
3. Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету IV съезда Советов. 1926/27 – 1927/28. Верхнеудинск : Изд-во ЦИК и СНК БМАССР, [1928?]. 238 с.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-195. Оп. 6. Д. 44.
5. Самойлович П. Бурят-Монгольская АССР. М. : «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1933. 120 с.
6. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М. : РОССПЭН, 2001. 280 с.
7. Сенявский А. С. Модернизационный процесс в XX веке: общероссийские и региональные аспекты (теоретико-методологические проблемы) // Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 32-57.
8. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. / Л. В. Кальмина, М. Н. Балдано, А. М. Плеханова, Л. И. Бородкин, Т. В. Паликова / под ред. Б. В. Базарова. Иркутск : Оттиск, 2015. 228 с.

References

1. Kozmin N.N. Osnovy kapital'nogo stroitel'stva v Burjatii [The basics of capital construction in the Republic of Buryatia] / Verkhneudinsk : Gosplan BM ASSR, 1926. 44 p. [in Russ.].
2. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian state archive of social and political history (RSASPI)] F. 17. Op. 21. D. 562. [in Russ.].
3. Burjat-Mongol'skaja ASSR. Materialy k otchetu IV sjezda Sovetov 1926/27 – 1927/28. [The Buryat-Mongolian ASSR. Materials to the report of the IV Congress of Soviets]. Verkhneudinsk : Izd-vo CIK i SNK BMASSR, [1928?]. 238 s. [in Russ.].
4. Gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Burjatija (GARB) [State archive of the Republic of Buryatia (SARB)]. F. R-195. Op. 6. D. 44. [in Russ.].
5. Samojlovich P. Burjat-Mongol'skaja ASSR [Buryat-Mongolian ASSR]. M. : «Vlast' Sovetov» pri Prezidiume VCIK, 1933. 120 p. [in Russ.].

6. Zhiromskaja V.B. Demograficheskaia istoriia Rossii v 1930-e gg. Vzgliad v neizvestnoje [Demographic history of Russia in the 1930s. A Look into the unknown]. M. : ROSSPEN, 2001. 280 p. [in Russ.].

7. Senjavskij A. S. Modernizacionnyj process v XX veke: obshcherossijskije i regional'nyje aspekty (teoretiko-metodologicheskie problemy) [Modernization process in the XX century: all-Russian and regional aspects (theoretical and methodological problems)] // Industrial'noje razvitije Sibiri v kontexte modernizacionnykh processov [Industrial development of Siberia in the context of modernization processes]. Ulan-Ude : Izd-vo Burjat. gos. un-ta, 2007. S. 32-57. [in Russ.].

8. Ekonomika v regional'nom "interjere": Zapadnoje Zabaikal'e v modernizacionnykh processakh 1880–1930 gg. [Economy in the regional "interior": Western Transbaikalia in the modernization processes of the 1880s-1930s.] / L. V. Kal'mina, M. N. Baldano, A. M. Plekhanova, L. I. Borodkin, T. V. Palikova / pod red. B. V. Bazarova. Irkutsk : Ottisk, 2015. 228 s. [in Russ.].

Банзаракцаева Е.В.

Banzaraktsayeva E.V.

**К ВОПРОСУ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА
В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1941-1945 гг.**

**ON THE PROTECTION OF MOTHERHOOD AND CHILDHOOD IN
THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN 1941-1945**

В статье автор продолжает изучать вопросы охраны материнства и детства в годы Великой Отечественной войны на материалах БМАССР. В этот период произошли значительные изменения в системе. Предпринята попытка выявления причин данных изменений и их последствий.

The author continues to study the issues of protection of motherhood and childhood in the years of the Great Patriotic war on the materials of the Buryat-Mongolian Autonomous Republic. During this period, significant changes in the system occurred. An attempt was made to identify the causes of those changes and their consequences.

Ключевые слова: здравоохранение, охрана материнства и детства, Бурят-Монгольская АССР, Наркомздрав, смертность, питание, заболевания, 1941-1945 гг.

Keywords: health care, protection of motherhood and childhood, the Buryat-Mongolian ASSR, Narkomzdrav, mortality, nutrition, diseases, 1941-1945.

Охрана материнства и детства всегда является одним из приоритетных направлений социальной политики государства. В данной статье мы затронем некоторые проблемы охраны материнства и детства в Бурят-Монгольской АССР, в один из самых сложных периодов развития государства – в годы Великой Отечественной войны.

Накануне войны в стране была в основном построена система охраны материнства и детства. Уже в декабре 1917 г. коллегия Народного комиссариата государственного призрения, возглавляемого А.А. Коллонтай, принимает решение о создании Отдела охраны материнства и младенчества [1]. В 1938 г. Отдел охраны материнства и младенчества будет слит с Отделом охраны здоровья детей и подростков Наркомздрава, который в 1939 г. войдет в состав Управления лечебно-профилактической помощи Наркомздрава. До 1953 г. Управление сосредоточивает всю работу по охране материнства и детства в нашей стране.

В целом, в 1930-х гг. в СССР сложилась следующая система охраны материнства и детства:

- 1) женская консультация;
- 2) родильные дома;

3) детские поликлиники.

Особый импульс к расширению системы охраны материнства и детства придает постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, о расширении сети родильных домов, детских яслей и детских домов, об усилении наказания за неплатеж алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортах» [2].

После этого постановления в развитии системы начинается активизация по расширению койко-мест, открытию фельдшерско-акушерских пунктов на селе, увеличению количества мест в яслях и созданию сезонных яслей.

В Бурятии к 1941 г. было 61 больничное учреждение, 197 врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, 190 фельдшерско-акушерских пунктов. При этом в ведении Наркомздрава БМАССР находилось 35 больниц и 15 родильных домов, 171 амбулаторно-поликлинических учреждения, 171 фельдшерско-акушерских и акушерских пункта. Трудилось 406 врачей, 1 423 средних медицинских работников [3].

Несомненно, эти мероприятия способствовали повышению рождаемости в стране. В Бурятии в 1940 г. естественный прирост населения составил 23,6 на 1 тысячу человек [4, с. 46]. Это был самый высокий показатель естественного прироста республики за период с 1926 по 1950 гг.

Конечно, этому способствовала стабилизация положения в стране, а также государственная поддержка многодетных семей, улучшение медицинского обслуживания матери и ребенка. В два раза увеличился размер пособия на питание детей. Многодетные матери, имеющие шестерых детей, при рождении каждого следующего ребенка получали пособие 2 тыс. руб. в год, по достижении пятилетнего возраста ребенка. Матери, имеющие десять детей, получали единовременное пособие в размере 5 тыс. руб., а со второго года – 3 тыс. руб. [5].

С началом войны начинается сокращение количества медицинских учреждений и численности врачей. Проблема медицинских кадров оставалась острой на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. Особенно сложно было в сельских районах. Только в 1941 г. на селе трудилось 97 врачей, а 40 сельских врачебных участков вообще не имели врачей [6].

Конечно, ухудшение системы охраны материнства и детства, в первую очередь, сказывалось на детях. Особенно печально, что повысилась смертность детей, и в первом полугодии 1942 г. составила 63%, что на 8% выше того периода 1941 г. [7].

К наиболее неблагополучным районам по острозаразным заболеваниям и детской смертности относились: Селенгинский район, где только за июнь 1942 г. родилось 40 чел., умерло 25 детей; в Тарбагатайском районе родилось 27, умерло – 62 ребенка; в Иволгинском – родилось 22, умер 31 ребенок. Высокий уровень смертности был зафиксирован в Зака-

менском, Прибайкальском, Тункинском, Мухоршибирском районах. Но наиболее высокая смертность наблюдалась в г. Улан-Удэ; за первое полугодие 1942 г. здесь родилось 2306 чел., а умерло 2205 чел., из них дети в возрасте от 0 до 5 лет – 1506 чел., то есть 68,3% [4, с. 50].

Одной из причин столь высокой смертности детей стала заболеваемость детей туберкулезом. Надо отметить, что в республике до 1944 г. недостаточно был налажен учет инфицированных детей. В связи с высокой заболеваемостью туберкулезом в соответствии с постановлением СНК БМАССР от 28 октября 1943 г. была возобновлена работа Селенгинского детского туберкулезного санатория, закрытого в 1941 г. [8]. В Прибайкальском районе была открыта детская трахоматозная больница на 50 коек.

Необходимо отметить и ухудшение продовольственного обеспечения матери и ребенка. В 1941 г. в республике работало 6 молочных кухонь. Ввиду недостатка молочной продукции, на одного ребенка они могли выделить всего 100 гр. молока в день! [9].

К 1944 г. сеть молочных кухонь несколько увеличилась. В городах республики было 8 молочных кухонь, с пропускной способностью 9480 порций в день, в районах республики их было всего три. Повезло Баргузинскому, Кабанскому и Тункинскому районам, в среднем за день там выдавалось от 200 до 400 порций в день [4, с. 52].

Таким образом, в 1944 г. определенное количество детей смогло получать необходимое дополнительное питание, но, к сожалению, не все сельские районы могли обеспечивать детей молочным питанием. Снабжение молочных кухонь продолжало оставаться неудовлетворительным. Несмотря на то, что в 1944 г. в Бурятии работало 11 молочных кухонь, но количество порций никак не достигало довоенного уровня [4, с. 52]. Это позволяет сделать вывод, что увеличение количества молочных кухонь не вело к увеличению числа детей, получающих дополнительное молочное питание.

В 1943 г. Совнарком республики обязал развернуть сеть детских столовых для улучшения питания нуждающихся детей. Для выполнения этого решения в Улан-Удэ было открыто 3 столовых на 500 детей, в Кяхте – 1 на 500 чел., в Джидастрое – 1 на 300, в Нижнеангарске – 1 на 200, в Бабушкине – 1 на 100 и в Усть-Баргузине – 1 на 200 мест. В целом, по Бурятии в 1943 г. услугами столовых смогли воспользоваться 1800 детей. Помимо этого, дети с ослабленным здоровьем по рекомендации врача получали сухие пайки, в Улан-Удэ их получали 225 детей [10].

Интересно, что помимо всего прочего Наркомздрав СССР издал инструкцию по заготовке богатых витаминами продуктов [4, с. 53]. В ней был приведен перечень продуктов, которые можно было заготовить: шиповник, черная смородина, хвоя и т.д. Было рекомендовано летом школьникам выходить на заготовку плодов и ягод. К сожалению, по нашему региону мы не располагаем данными об этой весьма важной инициативе.

Во время войны произошли изменения в системе охраны материнства и детства. Были отделены от женских детские консультации, которых в 1945 г. насчитывалось по республике – 7; созданы специализированные детские амбулатории; увеличилось количество молочных кухонь с 6 в 1941 г. до 9 в 1945 г.; наметился рост сократившейся с началом войны сети родовспомогательных учреждений с 22 в 1943 г. до 28 в 1945 г.; выросло количество колхозных роддомов с 9 в 1944 г. до 16 в 1945 г. [11]. Но несмотря на рост числа медицинских учреждений, по-прежнему сложной оставалась обстановка с обеспечением оборудованием, медицинским персоналом и медикаментами. Поэтому проблемы охраны материнства и детства всегда являлись важнейшими на протяжении всего советского и постсоветского периодов развития нашего государства.

Примечания

1. Авдеев А. А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография : сб. ст. / под ред. Денисенко М. Б., Троцкой И. А. М. : МАКСПресс, 2008. С. 13-72.

2. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1936 г. № 35. Ст. 309 [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info>.

3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 665 Оп. 1. Д. 546. Л. 11.

4. Банзаракаева Е. В. Охрана детства в Бурятии в годы Великой Отечественной войны. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008. 165 с.

5. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Наука, 1986. С. 40.

6. ГАРБ. Ф. 196. Оп. 4. Д. 89. Л. 15.

7. ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3790. Л. 170.

8. ГАРБ. Ф. 475. Оп. 2. Д. 292. Л. 27.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8009. Оп. 21. Д. 44. Л. 16.

10. ГАРБ. Ф. 475. Оп. 3. Д. 131. Л. 65.

11. Касаткина О. В. Здравоохранение Бурятии в период Великой Отечественной войны // Здравоохранение и информационные ресурсы : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Респ. науч.-мед. б-ки. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. С. 7-18.

References

1. Avdeyev A.A. Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR [Infant mortality and the history of protection of motherhood and childhood in Russia and the Soviet Union] // Istoricheskaya demografiya : sb. st. / pod red. Denisenko M. B., Trotskoj I. A. [Historical demography : collection of articles / ed. by M. B. Denisenko, I.A. Trotskaya] M. : MAKSPress, 2008. Pp. 13-72. [in Russ.].
2. Sobraniye zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krestyanskogo pravitel'stva SSSR za 1936 g. № 35. St. 309. [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' government of the USSR for 1936. № 35. Art. 309] URL: <http://istmat.info>. [in Russ.].
3. Gosudarstvennyj archiv Republiki Buryatiya (GARB). F. 665 Op. 1. D. 546. L. 11. [State archive of the Republic of Buryatia (GARB). 665 Op. 1. D. 546. L. 11.]. [in Russ.].
4. Banzaraksayeva E.V. Okhrana detstva v Buryatii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Protection of childhood in Buryatia during the Great Patriotic war]. Ulan-Ude : Izd.-poligr. kompleks VSGAKI, 2008. 165 p. [in Russ.].
5. Alekseyev V.V., Isupov V.A. Naseleniye Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The population of Siberia during the Great Patriotic war]. Novosibirsk : Nauka, 1986. P. 40. [in Russ.].
6. GARB. F. 196. Op. 4. D. 89. L. 15. [in Russ.].
7. GARB. F.P-1. Op. 1. D. 3790. L. 170. [in Russ.].
8. GARB. F. 475. Op. 2. D. 292. L. 27. [in Russ.].
9. Gosudarstvennyj archiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State archive of the Russian Federation (GARF)]. F. P-8009. Op. 21. Д. 44. L. 16. [in Russ.].
10. GARB. F. 475. Op. 3. D. 131. L. 65. [in Russ.].
11. Kasatkina O.V. Zdravookhraneniye Buryatii v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Health care of Buryatia during the Great Patriotic war] // Zdravookhraneniye i informatsionnyye resursy : materialy region. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 75-letiyu Resp. nauch.-med. b-ki [Health and information resources : materials of regional scientific- pract. conf. devoted to 75 anniversary of the Republican scientific-method. library]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2001. pp.7-18. [in Russ.].

DOI 10.31443/2541-8874-2018-3-7-68-81

УДК 24(091)(084.121)(571.55)

Харитонов М.А.

Kharitonov M.A.

ДАЦАНЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ФОТОИЗДАНИЯХ НАЧАЛА XX в.

THE DATSANS OF THE TRANSBAIKAL REGION IN THE PHOTO PUBLICATIONS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Статья посвящена фотографиям дацанов Забайкалья, изданным в начале XX века в виде почтовых открыток и стереопар. Рассматривается деятельность фотографов и издателей, дается описание сюжетов и их датировка.

The article is devoted to the photographs of the datsans of Transbaikal region published at the beginning of the XX century in the form of post and stereo cards. The activity of photographers and publishers as well as the descriptions of the plot and the dates are considered.

Ключевые слова: дацан, Тамчинский дацан, фотография, церемония Цам.

Keywords: datsan, Tamchinsky datsan, photograph, Tsam ceremony.

В рамках данной статьи мы рассматриваем в качестве фотоизданий – почтовые открытки и стереопары, эти издания были очень популярны в начале XX в. и широко распространялись по всему миру. В эпоху, когда фотоаппараты не были общедоступны, эти фотоиздания давали возможность оставить память об увиденном или познакомиться с еще неизведанным. Зачастую их целью было знакомство с культурным многообразием нашей страны, традициями и религиями народов, проживающих в России, хотя, конечно присутствовала и коммерческая составляющая. Наличие определённого тиража и интерес со стороны собирателей позволили сохранить эти фотографии до наших дней и в ряде случаев сделать их уникальным источником для исследователя. В то же время необходимо отметить, что, несмотря на то, что открытки являются предметом коллекционирования, они в большинстве случаев не каталогизированы и в рамках исследовательской работы удаётся выявлять новые сюжеты, связанные с буддизмом Забайкалья.

Конечно, как и сейчас наш регион в глазах путешественников и исследователей имел свою специфику, и в религиозном плане он был интересен как центр буддизма. В этой связи, главным центром такого притяжения стал Тамчинский (Гусиноозерский) дацан, который являлся центром буддистов Восточной Сибири и Забайкалья и резиденцией Пандито

Хамбо Ламы. Одним из наиболее ярких событий, происходящих в дацане, стала религиозная мистерия Цам. В первую очередь, именно этот религиозный праздник стал самым популярным сюжетом в фотоизданиях начала XX века.

Первые открытки, посвященные Тамчинскому дацану, были изданы до 1904 г., о чем можно судить по оборотной стороне, которая еще не имеет места для письма. К этому времени относится серия «Сибирь», которая не содержит информации о фотографе или издателе. В разделе под общим названием «Сибирь. Бурятские праздники» можно увидеть сцены буддийской религиозной мистерии Цам (фото 1). Всего этой теме посвящены шесть видов, все они оригинальны и насколько мы можем судить больше не переиздавались.

К этому же периоду относится фотооткрытка «Праздник «Цам» буддистов Забайкалья в Гусино-озерском дацане», изданная Алексеем Кирилловичем Кузнецовым, известным читинским фотографом, ученым и общественным деятелем. Позже он начал издавать открытки типографским способом и в серии «Типы Забайкалья» вышло два сюжета № 22 «Праздник «Заме» в Гусиноозерском дацане» (фото 2) и № 28 «Боги в масках на празднике «Цам». Эти же виды были воспроизведены на открытках московского издательства Д. П. Ефимова. Дмитрий Панфилович Ефимов издавал обширные серии открыток по всей России, среди них заметное место занимают открытки этнографического характера, в том числе посвященные Бурятии. Среди них помимо двух упомянутых ранее сюжетов представлены две открытки с одинаковым названием «Маски и одежды богов буддистов» (фото 3).

Сегодня мы можем определенно говорить об авторстве трех фотографий («Праздник «Заме» в Гусиноозерском дацане», «Боги в масках на празднике «Цам» и «Маски и одежды богов буддистов»). Они сделаны Николаем Аполлоновичем Чарушиным, политическим ссыльным, одним из инициаторов создания музея и библиотеки в Нерчинске и Кяхте. Он был автором фотографических альбомов по этнографии Забайкалья и Монголии. Им был составлен фотоальбом «Виды Забайкалья и Иркутска», в котором были представлены эти фотографии [5]. Н.А. Чарушин посетил праздник Цам в Гусиноозерском дацане в 1892 г., таким образом, это наиболее ранние из известных фотографий Тамчинского дацана. Скорее всего, они были представлены на Географической выставке 1892 г. в Москве, где экспонировались 132 чарушинских снимка «видов и типов» Монголии и Забайкалья [4, с. 103].

Неудивительно, что фотографии Н.А. Чарушина попали в серию, изданную А.К. Кузнецовым, они были хорошо знакомы и именно Кузнецов привил интерес и обучал Чарушина навыкам фотодела. В качестве помощника Кузнецова Николай Аполлонович летом 1885 г. совершил длительную поездку для фотографических работ на прииски, где ему приходилось работать и самостоятельно [4, с. 89].

Необходимо отметить, что Н.А. Чарушин производил фотосъемку, руководствуясь научными интересами. Он активно сотрудничал с Русским географическим обществом, Академией наук, многими известными исследователями Центральной Азии.

Фотодело на рубеже веков было сложным процессом. Вот как описывает фотографа того времени историк фотографии С.А. Морозов: «Представьте себе фотографа той поры, собирающегося в путешествие. Портативных аппаратов не было. Он брал с собой камеру такого же размера, что стояла в портретных павильонах, запасался портретным и ландшафтным объективами; тяжелый треножник с черным покрывалом дополнял снаряжение. Стеклянные, большого размера пластинки надо было тщательно, с осторожностью упаковывать в особый ящик, а если предстояло снимать много, то брали два тяжелых ящика с пластинками. Кроме того нужна была складная палатка для лабораторных работ. Брали еще бутылку с коллодием и склянки для растворов соли галоидов, очувствлявших пластинки. Затем разливалось по склянкам еще несколько растворов, все это тоже упаковывалось. Снаряжение фотографа весило пуды, а для больших экспедиций составляло такую тяжелую кладь, что исследователь вынужден был зачастую отказываться от помощи фотографа» [3, с. 20-21]. Тем большую ценность имеют фотографии Забайкалья, сделанные Н.А. Чарушиным.

Позднее, к теме буддизма обращались фотографы и издатели г. Верхнеудинск. В издательстве С.Б. Нодельмана в серии «Забайкалье» были изданы две открытки с названием «Гусиноозерский дацан. Праздник «Цам» и «Гусиноозерский дацан. Бурятский праздник Цам» (фото 4). При этом последний сюжет, несмотря на подпись, не относится к церемонии Цам. Необходимо отметить, что в этот период в Тамчинском дацане производится и кино съемка. Антонио Михайлович Данателло, открывший в г. Верхнеудинске кинотеатр, стал и первым его кинодокументалистом. Им было снято около 100 кинолент, среди которых «Монголо-бурятский праздник Цам в Гусино-Озерском Дацане» [1, с. 138].

Наиболее крупной подборкой открыток, где представлен Тамчинский дацан, стала серия, изданная Г. Г. Гренбергом в г. Иркутске, в которой более ста оригинальных фотографий, сделанных Р. Зонненбургом. Тематически серия охватывает различные сюжеты, в ней представлены виды реки Лены, Охотского края, Забайкалья.

Роберт Юльевич Зонненбург с 1907 г. по 1914 г. возглавлял Иркутский почтово-телеграфный округ, и в силу своих должностных обязанностей весь его объехал. Все эти годы он являлся членом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, а в 1913 исполнял обязанности его председателя. В 1913 г. Р. Зонненбург инспектировал строительство телеграфной линии «Мензинское – Троицкосавск» [2, с. 8-10]. Видимо, в это время были сделаны фотографии, посвященные

Тамчинскому дацану, которые в серии открыток они были представлены под номерами 31-44, 46-48. Представляем перечень наименований:

«Бурятский праздник «Цам» выход процес. из дацана.

Буряты богомольцы, на праздник «Цам».

Буряты богомольцы, на праздник «Цам».

Праздник «Цам». Возвращение масок (Богов) в дацан.

У молельни. Молятся.

Бурятские Ламы, на двуколке.

На паперти Дацана. Бурятские девушки (фото 5).

Бурятский праздник «Цам». Танец масок (богов).

Праздник «Цам» в Гусиноозёрском Дацане (фото 6).

Внутренний вид Дацана (молельня).

Праздник «Цам» танец масок.

Праздник «Цам». Зрители у бурят (фото 7).

Праздник «Цам» у Буддистов Забайкалья, танец масок.

Праздник «Цам». Музыканты (фото 8).

Гусиноозерский Дацан. В ожидании танца масок.

Алтарь в одном из Дацанов.

У входа в Дацан. Храм буддистов».

Необходимо дополнить, что в серии фотографий Р. Ю. Зонненбурга еще три сюжета имеют непосредственное отношение к буддистам Забайкалья. Они сделаны в г. Иркутск в 1908 г., в доме генерал-губернатора и связаны с его посещением высшими предстателями буддийского духовенства Восточной Сибири. Открытки вышли под номерами 45, 52, 56 и по сути являются портретными фотографиями, на одной из которых изображен – «Бандидо-Хамбо Лама буддистов Восточн. Сибири Чойнзин-Д. Ирылтуев», а две другие – групповые фото делегации (фото 9).

Наиболее курьезными открытками, посвященными Цаму в Тамчинском дацане, стали две открытки, изданные Акционерным обществом Гранберг в Стокгольме. Эти раскрашенные открытки, изображающие «танец масок», отличаются географической ошибкой в названии. Авторы отнесли происходящий праздник на территорию Монголии, хотя до монгольской границы более 100 километров и наша территория к тому времени входила в состав Российской империи уже более 200 лет, что было закреплено несколькими международными договорами.

Другим общедоступным и модным фотоизданием в начале XX в. являлась стереопара. Она представляет собой карточку с парным изображением одного и того же сюжета, и за счет незначительно сдвига одного, при рассматривании стереопары с помощью специального прибора стереоскопа создавался эффект объёма. Стереопары отличались большим разнообразием, выходили большие серии, посвященные отдельным событиям и регионам. Часто на оборотной стороне размещался поясняющий текст. Иногда сюжеты и текст образовывали целую серию, подробно описывая происходящее.

В 1912 г. стереографическое издательство «Свет», работающее в Москве и Санкт-Петербурге, выпустило серию «Восточная Сибирь». Серия насчитывала 150 различных сюжетов и охватывала не только Забайкалье, но и фрагментарно территории Дальнего Востока. В этой серии одна из сюжетных линий была посвящена мистерии Цам в Тамчинском дацане и включает 15 фотографий с номерами от 136 до 150. Несомненный интерес представляет, то, что стереопары воспроизводят сюжет Цам от «Ожидания выхода докшитов» до окончания, которое ознаменовано выходом Хамбо-ламы. Обратная сторона фотографий содержит подробные комментарии к церемонии, которые рассчитаны на широкого читателя, не разбирающегося в происходящем. В то же время автор текста вводит и буддийские термины, пытаясь максимально корректно к религиозной традиции, ввести в курс дела не сведущего читателя. Вот какое определение дается всей церемонии: «Цам – торжественное богослужение у бурят-буддистов, совершаемое ежегодно на открытом воздухе в буддийских монастырях. Обряд «Цама» состоит в плясках-пантомимах, исполняемых ламами, которые маскируются докшитами (гениями-хранителями). Они надевают громадные маски из папье-маше, изображающие того или иного докшита, и вместе с так называемыми ламами-созерцателями, выступающими без масок, но в соответствующем одеянии, совершают по кругу религиозный танец. Цель этой церемонии – показать явное присутствие божества на земле и отвратить всех злых духов от последователей буддизма». Конечно, описание церемонии нельзя назвать полным, это не позволяет сделать и размер стереопар, но для специалиста, очевидно, что из описания выпадает значительная часть Цама и его персонажей.

Как мы уже указывали, текст носит просветительский характер и рассчитан на неподготовленного читателя, поэтому в нем можно встретить курьезные фразы, например, «русские буряты» или, описывая «пляску» докшитов, автор указывает: «их движения иногда бывают стройны и напоминают наши балетные танцы. Но эти мерные и красивые движения часто прерываются неистовой беготней и тяжелыми прыжками, больше всего похожими на движения разъяренных животных. В общем, смотреть на их пляску утомительно».

Также отдельные стереопары серии «Восточная Сибирь» связаны с буддизмом, № 135 – «Бурятский «обон» – памятник духам места» и № 51 – «Интеллиг. бурята в Гусиноозерском «дацане» (буддийск. монастыре)». Трудно предположить, что подвигло издателей включить последний сюжет в данную серию. Видимо для фотографа стало неожиданностью встретить «группу интеллигентных бурят в Гусиноозерском монастыре, занимающихся фотографированием».

Сюжеты, связанные с Тамчинским дацаном, несомненно, доминировали, однако на почтовые открытки попали и другие дацаны Забайкалья. Так в уже упоминаемых изданиях А.К. Кузнецова и Д.П. Ефимова вышли открытки с Баргузинским («Внутренний вид дацана») и Цуголь-

ским дацанами («Цугальский дацан по р. Онону»). Издания Д.П. Ефимова были более обширны, помимо представленных сюжетов, в них был и вид Бырцуйского дацана («Бырцинский дацан в ожидании торжественной процессии на общем молебствии «Курал»), а также «типы» лам, в том числе персонифицированные, содержащие фамилии и должности изображенных священнослужителей.

Вид Анинского дацана был издан в нескольких сериях, в том числе в серии «Сибирь», которая с различными вариациями издавалась Фототипией Шерер, Наболец и Ко в Москве и издательством торгового дома Т.И. Макушина и В.М. Посохина в Иркутске. В эти же серии вошли открытки с «типами» лам и «Процессия во время праздника «Сумэ майдари бурхан» (фото 10), которые нельзя связать с конкретными дацанами. К сожалению, на всех изданиях представлен только один вид Анинского дацана, и нигде не содержится его название, все ограничивается подписью «Бурятская кумирня», что в корне не соответствует буддийской терминологии. Неудивительно, что на одной из открыток такое упрощённое толкование соседствует с рекламой: «Средство провизора Пружана прекращает выпадение волос и быстро уничтожает перхоть». Такое отношение можно оправдать только тем, что эти серии были одними из самых ранних (1902-1904 гг.) и имели общий характер.

Общий вид Агинского дацана («Агинский дацан находящийся в 16 верст. от ст. Ага Забайкальской ж. д.») также относится к раннему периоду (до 1904 г.) издан иркутским издателем М.Е. Стожем.

Заслуживают внимание немногочисленные, но с оригинальными сюжетами открытки верхнеудинских издателей. Выше мы упоминали серию «Забайкалье» издательства С.Б. Нодельмана, в которую, кроме двух описанных сюжетов, вошла открытка «Ламайское духовенство». Другой издатель Лев Гольденберг в качестве своей издательской ниши выбрал воинские части, дислоцировавшиеся в Верхнеудинске и Березовке. Как это неудивительно, здесь тоже нашлось место буддийским храмам. На этот раз темой для сюжетов стало посещение военными Ацагатского (ныне Шулутского) дацана. На открытке «На маневрах. Гг. офицеры 5-й Сиб. Дивизии посещают Бурятский Дацан» (фото 11) изображен Цогчен дуган этого дацана. Фотограф удивительно четко запечатлел декор храма, так что эту фотографию использовали при восстановлении внешнего облика дугана (официально был освящен в сентябре 2018 г.). В серию «Забайкалье» Л. Гольденберга вошли три вида: «Буддийский храм «Дацан», «Алтарь Буддийского храма», «Внутренний вид Буддийского храма. Статуя Будды», все сюжеты, к сожалению, пока не имеем привязку к конкретным дацанам.

Отдельным популярным сюжетом для почтовых открыток стал так называемый Читинский дацан. Однако он стоит особняком от всех буддийских храмовых комплексов, так как был возведен как часть проводимой в г. Чита сельскохозяйственной и промышленной выставки (1899

г.), поэтому на многих открытках можно разглядеть табличку над входом «Буддийский культ». Тем не менее, различные издатели выпускали открытки с «Читинским дацаном», отражающими его «историю» от торжественного открытия в 1899 г. до постепенного упадка, так как использовать его в качестве культового здания буддистам было запрещено. Так, в серии читинского издателя В. Ефимова, посвященной Чите, можно видеть, что окна дугана закрыты, территория заросла травой (фото 12). Неудивительно, что с таким отношением со стороны губернского начальства, дуган был ограблен и сгорел в 1914 г.

Мы не сомневаемся, что еще не все открытки и стереопары, посвященные дацанам Забайкалья, нам известны; на сегодня нами выявлено около 70 оригинальных видов, воспроизведенных различными издателями. Немаловажным является и тот факт, что фотографии сделаны в разное время. Самые ранние относятся к 1892 г., а наиболее поздние дореволюционные фото, изданные в виде почтовых открыток, сделаны в 1913 г.

Сибирь. Бурятские праздники.
Почтовая открытка до 1904 года. Издатель неизвестен.

Типы инородцевъ Забайкалья. № 22.
Праздникъ „Цамъ“ въ Гусиноозерскомъ лацанѣ.—„Zame“ la fête des Bouriates.

Почтовая открытка. Издание А.К. Кузнецова, Чита.

Маски и одежды боговъ буддѣистовъ.

Почтовая открытка. Издание Д.П. Ефимова. Фотография Н.А. Чарушина.

Почтовая открытка. Издание С.Б. Нодельмана, Верхнеудинск.

Почтовая открытка. Издание Г. Г. Гренберга, Иркутск.
Фотография Р.Ю. Зонненбурга.

Почтовая открытка. Издание Г. Г. Гренберга, Иркутск.
Фотография Р.Ю. Зонненбурга.

Почтовая открытка. Издание Г. Г. Гренберга, Иркутск.
Фотография Р.Ю. Зонненбурга.

Почтовая открытка. Издание Г. Г. Гренберга, Иркутск.
Фотография Р.Ю. Зонненбурга.

Почтовая открытка. Издание Г. Г. Гренберга, Иркутск.
Фотография Р.Ю. Зонненбурга.

Почтовая открытка. Издание Фототипии Шерер, Наболец и Ко, Москва.

Почтовая открытка. Издание Л. Гольденберга, Верхнеудинск.

Читинский дацан

Почтовая открытка. Читинский дацан.
Издание В. Ефимова, Чита.

Примечания

1. Жалсараев А. Д., Жалсараева Б. Д. Верхнеудинская старина : очерки о жизни, быте и нравах горожан в XIX – XX вв. Иркутск : Время странствий, 2016. 370 с.

2. Медведев С. И. Северо-восток Сибири на открытках почтового чиновника // Филокартия. 2006, № 2. С. 8 – 15.

3. Морозов С. А. Русские путешественники-фотографы. М. : Географгиз, 1953. 184 с.

4. Сергеев В. Д. Николай Чарушин: народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. Киров : Киров. филиал МГЭИ, 2004. 269 с.

5. Чарушин Н. А. Виды Забайкалья и Иркутска [Электронный ресурс] : фотоальбом. URL: http://dobrafotografija.blogspot.com/2014/03/blog-post_1578.html. (дата обращения: 20.10.2018). (Хранится в Научной библиотеке Иркутского государственного университета).

References

1. Zhalsaraev A.D., Zhalsaraeva B.D. Verkhneudinskaya starina: ocherki o zhizni, byte i nravakh gorozhan v XIX-XX vv. [Verkhneudinsk old times: sketches about life and morals of the townspeople: Irkutsk : Vremya stranstviy, 2016.370 p. [In Russ.].

2. Medvedev S.I. Severo-vostok Sibiri na otkrytkakh pochtovogo chinovnika [The north-east of Siberia at the postcards of the post official // Filokartiya. 2006, № 2. P. 8 – 15. [In Russ.].

3. Morozov S.A. Russkiye puteshestvenniki-fotografy [Russian travellers-photographers]. M. : Geografiz, 1953. 184 p.[In Russ.].

4. Sergeev V.D. Nikolai Charushin: narodnik, obschestennyi dejatel, izdatel', kraeved-bibliograf [Nikolai Charushin: populist, public figure, publisher, local historian-bibliographer] : Kirov : Kirov filial MGEI, 2004. 269 p.

5. Charushin N.A. Vidy Zabaikalya i Irkutska [Views of the Transbaikal region and Irkutsk [Electronic resource]: photoalbum. URL: [http://dobrafotografija.blogspot.com/2014/03/blogpost_1578.html.\(20.10.2018\)](http://dobrafotografija.blogspot.com/2014/03/blogpost_1578.html.(20.10.2018))](kept in the Scientific library of Irkutsk state university).

Сартакова А. В.

Sartakova A. V.

**«ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ»:
ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ**

**«SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES»:
PREREQUISITES AND HISTORY OF FORMING THE CONCEPT**

В статье предпринята попытка проследить эволюцию, а также этимологию понятия «особо охраняемые природные территории». Автором рассматривается процесс формирования термина под влиянием политического, социально-экономического и культурного развития в отечественной истории.

The article attempts to trace the evolution as well as the etymology of the notion "specially protected natural territories". The author considers the process of forming the term under the influence of political, socio-economic and cultural development in national history.

Ключевые слова: дефиниция, особо охраняемые природные территории.

Keywords: definition, specially protected natural areas.

К теории вопроса об этимологии и значении термина «особо охраняемые природные территории» (далее по тексту – ООПТ) стали проявлять внимание представители различных областей знаний только в XX в., но, несмотря на это, формулирование данного термина неразрывно было связано с историей заповедного дела.

Первоначально термину «особо охраняемые природные территории» предшествовало другое понятие, которое характеризовало особый режим охраны природных ресурсов отдельных территорий, которое в России получило название заповедования («заповедный» – неприкосновенный, запретный) [1, с. 6].

С незапамятных времен разные народы изымали из хозяйственного оборота отдельные природные объекты или территории, которые, по их мнению, были уникальны, например, водные источники, обладающие целебными свойствами, выходы горных пород, редкие и необычные деревья и ландшафты. Они придавали им особое значение, которое было связано либо с духовными, либо с чисто прагматическими причинами, объявляя их священными и устанавливая охранный режим, который предполагал наложение табу на их посещение. Первоначально для человека природа была храмом, в последующие годы он рассматривал ее как мастерскую. В обоих случаях природа являлась для человека главным ус-

ловием его существования, поэтому с древнейших времен стремился сохранить ее [12, с. 11].

Первостепенными среди духовных причин заповедования природных объектов и территорий стали религиозные. Это было связано с мировоззрением языческих народов, согласно которому считалось, что отдельные вершины гор и перевалы, пещеры и гроты, реки и водопады, озера и рощи населены духами и божествами, от которых зависели жизни людей. Поэтому, дабы уберечь себя от гнева и мести хозяина священного места или духовного существа, на такую территорию налагался строгий запрет на осуществление хозяйственной деятельности, таким образом, данная местность была обеспечена защитой. Следует отметить, что в данном случае охрана природы являлась лишь побочным эффектом религиозного поклонения. Например, на территории Республики Бурятия на берегах оз. Байкал существовало несколько подобных «священных рощ», которые в течение длительного времени были неприкосновенными и охранялись местным населением от любого вмешательства. В этих землях было запрещено рубить деревья, косить траву, нарушать дерн и даже входить в неположенное время. Данные правила соблюдались беспрекословно, так как буряты боялись божественного воздаяния за нарушение запретов, поэтому даже в случае очевидной необходимости, например, если туда забредал скот, они не смели их нарушить и ждали пока он выйдет сам [12, с. 12-13].

К прагматичным причинам относится создание заповедных территорий, которые представляли собой охотничьи угодья. Издревле данные охраняемые участки наиболее характерны для тех народов, чей образ жизни был связан с охотой. Целью их создания было сохранить ценные промысловые виды и среду их обитания. Так, в летописях упоминается о существовании подобных территорий в Киевской Руси, начиная с правления княгини Ольги. Следует отметить, что их первоначальное название было «запретники» или «отказники» – это участки земли, на которых было запрещено добывать животных, рубить лес, в конце концов просто заходить, поэтому их принято считать предшественниками современных охраняемых природных территорий [3]. В XI в. киевский князь Ярослав Мудрый в первом письменном законе «Русская правда» закрепил правила, регулировавшие использование промысловых животных и охрану их ареалов. В конце XI в. по велению князя Владимира Мономаха под Киевом было создано несколько охраняемых урочищ, где охотились только князья. В XIII в. князь Даниил Галицкий издает указ, согласно которому был создан «великий заповедник у межах сучасных» Беловежской и Цуманской пущ, где ограничивалась добыча зубров. Ныне это один из древнейших и известнейших в мире биосферных природных заповедников – Беловежская пуца [12, с. 13-15].

С XVI в. заповедование в России начало развиваться как способ охраны природы и решения иных государственных задач. Согласно законодательству того времени было строго запрещено вырубать деревья в

засечной черте. Для непосредственного сохранения таких лесов от посягательств, их охраняли специальные сторожа [6]. Например, на территории Сибири был установлен строжайший запрет на сбор кедра, в особенности на рубку плодоносящих деревьев в припоселковых кедровниках [3]. В конце XVII – начале XVIII вв. Петр I издал ряд указов, которые запрещали уничтожать леса вдоль рек, удобных для лесосплава, а также объявляли заповедными некоторые особо ценные деревья и леса [9, с. 58]. В XVIII в. часть природных объектов уже начали заповедовать исключительно с целью сохранения красоты природы.

В 1888 г. в новом Лесном уставе впервые было дано четкое определение понятию «защитные леса с особым режимом пользования». В соответствии с ним под данным понятием понимали, что, это леса, сохранение которых является необходимым в виду государственной или общественной пользы [7, с. 26-27].

Стоит отметить, что только во второй половине XX в. исследователями предпринимаются попытки дать определение сформировавшимся к тому времени природным территориям с особым режимом охраны. Так, например, в своей совместной научной работе отечественные ученые Н. Ф. Реймерс и Ф. Р. Штильмарк выделяют новое неизвестное ранее понятие: «Природные особо охраняемые территории – это объемные участки биосферы, включающие сушу или акваторию с их поверхностью и толщей, которые полностью или частично, постоянно или временно исключены из традиционного интенсивного хозяйственного оборота и предназначены для сохранения и улучшения свойств окружающей человека природной среды, охраны и воспроизводства природных ресурсов, защиты природных и искусственных объектов и явлений, имеющих научное, историческое, хозяйственное или эстетическое значение» [7, с. 18-19].

В резолюции XIX сессии Генеральной Ассамблеи Международного союза охраны природы и природных ресурсов (IUCN), состоявшейся в январе 1994 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина), было дано одно из первых международных определений ООПТ: «Это участок суши и/или водное пространство, предназначенные для сохранения биологического разнообразия, природных ресурсов, уникальных естественных и культурных компонентов природных комплексов и обеспеченные законодательной или иной эффективной защитой» [8].

Впервые на государственном уровне в России в Федеральном законе от 14 марта 1995 г. №33-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) «Об особо охраняемых природных территориях» было введено в научный оборот понятие «особо охраняемые природные территории», которое гласит: «Это участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны» [5].

Немного позднее, в 1999 г. несколько модифицированное, но имеющее тот же смысл, определение ООПТ было предложено В. В. Дежкиным и Ю. Г. Пузаченковым: «ООПТ есть территориальная форма охраны природы, исключая, строго ограничивающая или четко регламентирующая любые формы прямого использования природных ресурсов на конкретной, специально выделенной территории, обеспечивающая сохранение и восстановление различных форм биологического разнообразия, природной и природно-культурной среды, как при естественном ходе природных процессов, так и при специальных управляющих воздействиях, необходимых и достаточных для достижения поставленных целей. С комплексных позиций ООПТ – участки земной, водной поверхности и воздушного пространства над ними, имеющие особую ценность и специфический режим природопользования. Этико-моральный аспект существования и функционирования ООПТ заключается в осознанном стремлении общества воспринимать природу не как источник неистощимых благ, а как собственный дом, нуждающийся в постоянной заботе и внимании. ООПТ удовлетворяют насущную потребность людей в прямом и опосредованном контакте с относительно сохраненной природой, воспитывают бережное и гуманное отношение ко всему живому, содействуют восприятию образа «малой родины», ее незаменимости для жизни поколений. Взаимодействие с ними человека на всех этапах становления его личности воспитывает общий этический принцип бережного отношения ко всему сущему, не причинения ему вреда» [10, с. 10-11].

Спустя несколько лет, в 2010 г. на сайте Гринпис (Международной неправительственной экологической организации, созданной в 1971 г. в Канаде) был размещен проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на регулирование отношений в области особо охраняемых природных территорий, а также комментарии к указанному проекту. В данном проекте приводится совершенно новое, отличное от федерального закона определение ООПТ: «Это территории, в границах которых запрещается и (или) ограничивается экономическая и иная деятельность с целью сохранения естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия, типичных и уникальных природных и иных объектов, которые имеют особое экологическое, научное, историко-культурное, эстетическое и рекреационное значение» [4]. Так, например, остается непонятным, что подразумевается в данном определении под словом «территории» и охватывает ли оно акватории? Однако с учетом определения «территории Российской Федерации», содержащегося в ч. 1 ст. 67 Конституции Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что в широком смысле «территория» охватывает как земельные участки, так и водные объекты, и воздушное пространство над ними. Создание особо охраняемых водных объектов предусмотрено также Водным кодексом Российской Федерации (ст. 66) [2]. При этом согласно ч. 2 ст. 66 Водного кодекса Российской Федерации статус, границы и режим особой

охраны территорий, в пределах которых расположены уникальные и имеющие особо значение водные объекты, устанавливаются в соответствии с законодательством об ООПТ [4].

Наравне с принятыми терминами в законодательных актах Российской Федерации существуют региональные трактовки понятия ООПТ.

Например, на сайте комитета по архитектуре и градостроительству г. Москвы в разделе «Термины и определения», дается следующее определение: «Особо охраняемые природные территории – границы территорий города с расположенными на них природными объектами, имеющими особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, на которых в соответствии с законодательством установлен режим особой охраны» [11].

Несмотря на такое разнообразие терминов ООПТ, схожих между собой, нужно отметить, что на данный момент практически все организации, связанные каким-либо образом с природными территориями, ссылаются и используют термин, данный в федеральном законе №33 «Об особо охраняемых природных территориях».

На основе выше сказанного можно сделать ряд выводов об этимологии и значении неоднозначного термина «особо охраняемые природные территории».

Во-первых, изначально термину «особо охраняемые природные территории» предшествовало множество других понятий, таких как «запретник», «отказник», «заповедования», «священные рощи», «священные места», «охраняемы урочища», «защитные леса» и т.д. Следует отметить, что перечисленные понятия объединял особый охранный режим, который предусматривал строжайший запрет на вырубку деревьев, убийство животных, сбор грибов и ягод, нарушение ландшафта, а также на посещение заповедной территории.

Во-вторых, формулирование понятия ООПТ в основном осуществлялось на государственном уровне. Однако, существенный вклад в создание термина внесли ученые и международные организации, активизировавшиеся во второй половине XX в.

В-третьих, общепризнанный в Российской Федерации термин ООПТ был введен в научный оборот в Федеральном законе от 14 марта 1995 г. №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

Таким образом, понятие «особо охраняемые природные территории» прошло длительный путь формирования и введения данного термина в научный оборот.

Примечания

1. Ананин А. А. Заповедное дело : учеб. пособие. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2009. 92 с.

2. Водный кодекс Российской Федерации : от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение [Электронный ресурс].

URL: www.garant.ru. (дата обращения: 28.06.2018).

3. История заповедного дела в СССР и России [Электронный ресурс]. URL: <http://znakka4estva.ru/dokumenty/ekologiya-ohrana-prirody/istoriyazapovednogo-dela-v-sssr-i-rossii> (дата обращения: 29.06.2018).

4. Комментарий к законопроекту об ООПТ [Электронный ресурс]. URL: http://www.geotochka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1150 (дата обращения: 30.06.2018).

5. Об особо охраняемых природных территориях : Федер. закон от 14 марта 1995 № 33-ФЗ (ред. от 27.12.2009 г.) // ГАРАНТ : информ.-правовое обеспечение [Электронный ресурс]. URL: www.garant.ru (дата обращения: 29.06.2018).

6. Об утверждении Положения о национальных природных парках Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 10.08.1993 N 769 (ред. от 01.11.2012) // ГАРАНТ : информ.-правовое обеспечение [Электронный ресурс]. URL: www.garant.ru (дата обращения: 29.06.2018).

7. Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории. М. : Мысль, 1978. 295 с.

8. Роль особо охраняемых природных территорий в сохранении лесов и поддержании экологического баланса территорий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecoedu.ru/index.php?r=14&id=81> (дата обращения: 29.06.2018).

9. Российское законодательство X – XX веков. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Т. 5 / отв. ред.: Индова Е.И. ; под общ. ред.: Чистяков О. И. М. : Юрид. лит., 1987. 528 с.

10. Стенно С. П. История заповедного дела в Пермском крае. Пермь : Богатырев П. Г., 2006. 237 с.

11. Термины и определения // Официальный сайт Комитета по архитектуре и градостроительству г. Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <https://mka.mos.ru/specialists/terms>. (дата обращения 29.06.2018).

12. Черных Д. В. Особо охраняемые природные территории и основы территориальной охраны природы : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2014. 227 с.

References

1. Ananin A.A. Zapovednoe delo: ucheb. posobie [Nature reserve science: a tutorial]. Ulan-Ude: Izd.-poligr.kompleks VSGAKI, 2009. 92p. [In Russ.].

2. Vodnyj kodeks Rossijskoj Federacii: ot 3 ijunja 2006 g. № 74-FZ [The Russian Federation Water Code: of June 3, 2006. No. 74-FL]// GARANT: inform.-pravovoe obespechenie [GARANT: information and legal provision]. URL: www.garant.ru. (28.06.2018). [In Russ.].

3. Istorija zapovednogo dela v SSSR i Rossii [The history of Nature reserve science in the USSR and Russia]. URL:

<http://znakka4estva.ru/dokumenty/ekologiya-ohrana-prirody/istoriya-zapovednogo-dela-v-sssr-i-rossii/>. (29.06.2018). [In Russ.].

4. Kommentarij k zakonoproektu ob OOPT [A commentary on the Specially protected natural territories Bill]. URL: http://www.geotochka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1150&. (30.06.2018). [In Russ.].

4. Ob osobo ohranjaemyh prirodnyh territorijah : Feder. zakon ot 14 marta 1995g. №33-FZ (red. ot 27.12.2009) [On specially protected natural territories: Federal law №33-FL of March 14, 1995 (ed. 27.12.2009)]// GARANT: inform.-pravovoe obespechenie [GARANT: information and legal provision]. URL: www.garant.ru (дата обращения: 29.06.2018). [In Russ.].

5. Ob utverzhdenii Polozhenija o nacional'nyh prirodnyh parkah Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 10.08.1993 №769 (red. ot 01.11.2012) [On Adopting the Regulations of the Russian Federation national nature parks: the RF Government decree №769 of 10.08.1993 (ed. 01.11.2012)]// GARANT: inform.-pravovoe obespechenie [GARANT: information and legal provision]. URL: www.garant.ru (дата обращения: 29.06.2018). [In Russ.].

6. Reimers N.F., Shtil'mark F.R. Osobo ohranjaemye prirodnye territorii [Specially protected natural territories]. M.: Mysl', 1978. 295p. [In Russ.].

7. Rol' osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij v sohranении лесов i podderzhании ekologičeskogo balansa territorij [The role of specially protected natural territories in conserving forests and sustaining the areas ecological balance]. URL: <http://www.ecoedu.ru/index.php?r=14&id=81> (29.06.2018). [In Russ.].

8. Rossijskoe zakonodatel'stvo X – XX vekov. Zakonodatel'stvo perioda rascveta absoljutzizma [Russian Legislation of X-XX centuries. Legislation of the absolutism heyday]. Vol.5. M.: Jurid. lit., 1987. 528p. [In Russ.].

9. Stenno S.P. Istorija zapovednogo dela v Permskom krae [The nature reserve history of Perm Krai]. Perm': Bogatyrjov P.G., 2006. 237p. [In Russ.].

10. Terminy i opredelenija [Terms and definitions]//Oficial'nyj sait Komiteta po arhitekture i gradostroitel'stvu g. Moskvy [Moscow Architecture and City Planning Committee official site]. URL: <https://mka.mos.ru/specialists/terms> (29.06.2018). [In Russ.].

11. Chernykh D.V. Osobo ohranjaemye prirodnye territorii i osnovy territorial'noj ohrany prirody: ucheb. posobie [Specially protected natural territories and the basics of territorial protection of nature: a tutorial]. Barnaul, 2014. 227p. [In Russ.].

Езова С.А.

Ezova S.A.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ THROUGH THORNS TO NEW TECHNOLOGIES

В статье дается обзор ряда публикаций в библиотечной печати, посвященных «азбуке новых технологий», их применения в библиотечной сфере. Раскрывается опыт функционирования библиотеки нового типа: «Techno-Science».

The article gives the review of some publications devoted to «the abc of new technologies», their application in the library sphere. The experience of library of new type functioning «Techno-Science» is described.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, облачные вычисления, виртуальная и дополненная реальность, большие данные, проект: «Techno-Science».

Keywords: the 4th industrial revolution, cloud calculations, virtual and augmented reality», big data, project «Techno-Science».

Учитывая мировую значимость проблемы построения цифровой экономики, в журнале «Современная библиотека» открыта рубрика «Азбука новых технологий», которая была презентована и апробована в Фейсбуке в «Клубе друзей журнала «Современная библиотека». Как в виртуальном режиме, так и в режиме оффлайн на страницах «Современной библиотеки» его ведет кандидат философских наук, руководитель Центра по изучению проблем информатики ИНИОН РАН, доцент кафедры медиаобразования Института коммуникаций, журналистики и медиаобразования МПГУ Юрий Юрьевич Чёрный.

Начинается цикл публикаций со статьи «Истоки и смысл четвертой промышленной революции».

Автор отмечает, что «...возможности информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые в течение последней четверти века являлись двигателем экономического роста, особенно в банковской сфере и других видах услуг, исчерпаны» [1, с. 20].

Он акцентирует внимание на термине, который был предложен экспертами Сколковского института науки и технологий «передовые производственные технологии» (ПКТ).

Если для третьей промышленной революции, которая началась с 1970 г., характерны автоматизация и роботизация процессов на производстве, которые обеспечиваются посредством электронных и информационных систем, то для четвертой промышленной революции свойствен-

но возникновение цифровой промышленности на основе того, что индустриальные и цифровые технологии проникают друг в друга.

«Под новой индустриализацией понимается изменение основ индустрии, связанное с широкомасштабным внедрением комплекса прорывных нано-био-инфо-когнитивных (НБИК)-технологий в производственный процесс» [1, с. 21].

Для убедительности в том, что четвертая промышленная революция не за горами, автор ссылается на книгу: К. Шваба Четвертая промышленная революция: пер. с англ. – М.: Издательство «Э». 2017. – 208 с. С его точки зрения основные тренды четвертой промышленной революции распределяются по базовым блокам: физический, цифровой и биологический, главным из которых является цифровой, он включает:

- «- обычные технологии;
- Интернет вещей;
- искусственный интеллект;
- большие данные;
- виртуальная и дополненная реальность;
- цепочка блоков блокчейн и ее важнейшее приложение – криптовалюта;
- различного рода компьютерные платформы, создающие экономику совместного потребления и др.» [1, с. 25].

«Создание полноценных киберфизических систем (Интернет людей, Интернет вещей и Интернет сервисов) в перспективе приведет примерно к таким же изменениям во взаимодействии с физическим миром, к которым привела в свое время Всемирная сеть» [1, с. 25].

Благодаря этой статье Ю.Ю. Чёрный подготавливает сознание библиотекарей к приходу четвертой промышленной революции и создает у них мотивацию к ее активному принятию.

В статье «Облачные вычисления» [2, с. 20-25] «под облачными вычислениями /англ. cloud computing: синонимы – облачные технологии, облачные сервисы, облачные приложения, облака, понимается концепция, согласно которой данные и программы хранятся и запускаются на удаленных серверах, а пользователь получает к ним доступ через стандартный веб-интерфейс практически с любого подключенного к сети устройства» [2, с. 20].

Автор поясняет, что все мы в той или иной степени используем облачные технологии, например, ряд сайтов, на которых общаемся по электронной почте – это и есть облачный сервис. Если процесс осуществляется на удаленном сервере в Сети, то это облачная технология. В качестве иллюстраций облачных вычислений он называет соцсети (Facebook, Twitter и др.), чаты, поисковые системы, онлайн-игры и т.д. Такие компании, как Google, Amazon, Microsoft и некоторые другие являются китами индустрии вычислений.

Ю.Ю. Чёрный раскрывает содержание структуры облачных вычислений: инфраструктура в качестве сервиса, платформа и программное

обеспечение как сервис, виды облаков в зависимости от их типа развертывания: частное, публичное, общественное и гибридное, их достоинства и недостатки.

Интересен приводимый автором опыт использования облачных вычислений в зарубежных библиотеках, в частности, их применяют, когда создают сайты и блоги, продвигают рекламу и услуги, внедряют автоматизацию, создают репозитории и т.д.

Вслед за Ю.Ю. Чёрным приведу высказывание Я.Л. Шрайберга, в котором выражено отношение к облачным вычислениям со стороны российского сообщества: «Библиотечно-информационная отрасль пока смотрит на все это со стороны, период массового освоения облачных технологий еще не наступил, но время может быть упущено. ИТ – менеджерам библиотек следует уже сейчас рассматривать варианты, в том числе планировать соответствующие закупки оборудования и консультироваться с провайдерами облачных платформ» [2, с. 23].

По мнению Р.С. Гиляревского, на которого Ю.Ю. Чёрный ссылается, тормозом в освоении отечественными библиотеками облачных вычислений является собственническая психология библиотекарей. Однако он уверен, что библиотека обязательно будет функционировать в облаках.

Интересен обзор автора о путях применения облачных вычислений в отечественных библиотеках в г. Томске (на базе Муниципальной информационной библиотечной системы (МИБС), в Научной библиотеке Уральского государственного педагогического университета (в научно-методическом отделе Информационно-интеллектуального центра), в Новосибирской областной детской библиотеке им. А.М. Горького, в ЦНСХБ Россельхозакадемии (г. Москва), в библиотеках Краснодарского края, в Республике Татарстан (подключены к созданию сводного электронного библиотечного каталога библиотеки системы Министерства культуры).

Запущен проект компаний «Дата-Экспресс с ОАО ЦКБ «Бибком» и консорциумом «Контекстум» «Библиохостинг – автоматизация без забот». На базе ЦБС Северного административного округа г. Москвы создаются облачные библиотечные сети на основе технологии «МАРК Cloud».

Проблема облачных технологий является предметом обсуждений в специальных журналах. Исследование использования облачных вычислений в информационно-библиотечной деятельности библиотек, проведенное ГПНТБ СО РАН (2016 г.), выявило широкий спектр обращения к ним: для автоматизации библиотечных процессов, для размещения сайтов библиотек, для совершенствования внутренней работы библиотеки, организации взаимосвязи через соцсети с удаленными пользователями библиотеки и т.д.

Несмотря на определенные подвижки использования в отечественных библиотеках облачных технологий, они находятся лишь в начале пути к ним (А.А. Стукалова и А.Е. Гуськов).

В статье «Виртуальная и дополненная реальность» автор терминологически уточняет основные понятия: «Виртуальная реальность (англ. virtual reality, VR) – технически конструируемая интерактивная среда, позволяющая погрузиться в искусственный мир и действовать в нем с помощью специальных устройств [3, с. 58].

«Дополненная реальность (англ. Augmented reality, AR) – общее название технологий внесения цифрового контента в физический мир в режиме реального времени [3, с. 58].

Технологии той и другой реальности широко применяются в различных сферах современной жизни: в медицине, в инженерном деле, в промышленности, в образовании, науке, дизайне, торговле, сфере развлечений, маркетинге и т.д.

В библиотечной практике только начинают использовать технологии этих двух реальностей, но их активизация начнется в ближайшее время благодаря читателям, жаждущим внедрения современных услуг.

В статье приведены реальные примеры по их использованию: «Виртуальная библиотека компании «ЛитРес» (экспонировалась на ВДНХ в павильоне «Умный город»), наличие киосков, мини-библиотек на остановках общественного транспорта, на самом транспорте. Уже функционирует социально-образовательный проект «Мобильная библиотека» (организатор телекоммуникационная компания МТС), благодаря которой жители городов могут скачивать на смартфон или планшет книги, которые вызвали у них интерес, создана «Виртуальная справочно-информационная служба публичных библиотек» в РГБМ и т.д.

Статья Ю.Ю. Чёрного подготавливает библиотекаря к ожидаемым в ближайшее время кардинальным переменам в сфере виртуальной и дополненной реальности: например, это прежде всего коснется расширения ассортимента продукции в полиграфической промышленности (с элементами дополненной реальности).

Ю.Ю. Чёрный удачно вспомнил в статье дискуссию библиотековедов по поводу публикации в «НТБ» дискуссионной статьи В.К. Степанова о «виртуальном справочно-библиографическом аппарате» и критические отклики на термин «виртуальный» известных библиотековедов. Было это 20 лет назад, с тех пор происходит постепенное осознание специалистами данной терминологии в библиотечной среде.

Автор видит расширяющиеся горизонты виртуального компьютерного мира, несколько романтизирует его, но твердо стоит на позиции необходимости виртуализации традиционных библиотечных процессов.

Огромное количество накапливаемой в мире информации, как пишет Ю.Ю. Чёрный в статье: «Большие данные или нефть цифровой экономики» могут спасти технологии обработки больших данных (сбор и

анализ информации), т.е. инструменты, подходы и методы структурированных и неструктурированных данных.

Автор показывает, как идет сам процесс работы с этими данными, источники, из которых они поступают (Интернет, корпоративные архивные документы, показания различных приборов), определяющие характеристики этих данных (объем, скорость, многообразие).

Благодаря их анализу удается обнаружить скрытые от обычного восприятия закономерности и оптимизировать различные сферы жизнедеятельности. Только благодаря их обработке удастся выйти на их значимую составляющую – информацию.

Автор использует метафорическое выражение больших данных – «нефть цифровой экономики», «предвестник новой промышленной революции».

Ю.Ю. Чёрный считает, что знаменитая фраза Натана Ротшильда «Кто владеет информацией, тот владеет миром» может звучать как: «Миром владеет тот, кто владеет данными и технологиями их анализа».

Автором раскрыты передовые методы анализа больших данных [4].

Ссылаясь на высказывание Я.А. Шрайберга о роли больших данных в мире бизнеса, мире высоких технологий и высшего образования, он пытается вслед за ним размышлять об их влиянии на библиотеки, которые должны: 1) курировать большие данные, т.е. пропагандировать их использование и создавать руководства по их применению прежде всего в вузовских и университетских библиотеках, ибо они активно заняты в цифровой среде; 2) оптимизировать их использование в своей деятельности.

Автор выражает надежду, что технологии больших данных – «этого символа стремительно расширяющейся цифровой Вселенной» ждет более светлая участь, чем облачные вычисления, которые в свое время проигнорировали библиотеки, тем более, что они в большой степени касаются деятельности библиотек, музеев, архивов, издательств, вузов.

От теоретических статей Ю.Ю. Чёрного логично перейти к описанию опыта работы библиотеки 240 Централизованной библиотечной системы Северо-Западного административного округа Москвы, получившем широкую известность как научно-просветительский проект библиотеки (2017 г.) «Techno-Science» (технонаука в пер. с англ.) и который вошел в программу модернизации библиотек «Точки роста» (куратором является департамент культуры г. Москвы и Московская дирекция по развитию культурных центров [5]).

Авторы публикации: Е.В. Смирнова, генеральный директор ГБУК «Централизованная библиотечная система СЗАО» г. Москвы, О.В. Камкина, зав. библиотекой № 40 «Централизованной библиотечной системы СЗАО» г. Москвы и Ю.Ю. Чёрный, куратор научно-просветительского проекта «Techno-Science».

Предпосылками выбора Северо-Западного административного округа Москвы явился его большой экономический и научный потенциал. Партнерами проекта стал ряд солидных организаций, учебных заведений, редакций научно-популярных журналов, ведущие специалисты в сфере науки и техники, новых технологий, продолжу: фото-журналист-международник, режиссер, продюсер, оператор и др.

В библиотеке произошла пространственная модернизация, в частности, были созданы оригинальные по форме и содержанию баннеры, изготовлены буклеты проекта, силиконовые браслеты, сувенирные футболки и т.д.

Запланировано выделение специализированных фондов, подготовлен аннотированный библиографический указатель «100 книг «Techno-Science», проведен ряд инновационных мероприятий: «Научоемкая вечеринка», встречи «Фантастика», ставшая реальностью, «Технология на службе истории».

Авторы осознают, что предпосылкой успешности проекта, в первую очередь, может стать повышение личностной профессиональной квалификации в соответствии с требованиями современности и потребностями пользователей библиотеки.

Далее кратко охарактеризую детище проекта – указатель «100 книг «Techno-Science». Во Введении к нему сформулирована социальная роль библиотеки № 240, она «представляет научно-просветительский проект «Techno-Science», ориентированный на поддержку научной и творческой активности молодежи, создание условий для раскрытия ее способностей и эффективной самореализации. Формат проекта продиктован все возрастающим главенством цифровой реальности, интеграцией высоких технологий в науку и повседневную жизнь» [6, с. 1].

Включенные в указатель книги отражают четыре ключевых направления современного научно-технического прогресса (в зарубежной литературе они обозначаются аббревиатурой NBIC): 1. Исследование и конструирование нанообъектов, 2. Определенные разделы информатики и разработку на их основе информационных технологий, 3. Биомедицину, 4. Когнитивную науку (философию сознания, психологию, нейрофизиологию, лингвистику и теорию искусственного интеллекта).

Приведу несколько названий разделов аннотированного указателя: «Современная технологическая революция, трансгуманизм, футурология, глобальная динамика, биографии выдающихся бизнесменов. Интернет вещей. Виртуальная, дополненная реальность. Большие данные. Облачные технологии. Нанотехнологии. Биотехнологии» и другие.

Указатель послужит компасом в комплектовании специализированного фонда научной и научно-популярной литературы «Наше цифровое будущее» по основным технологическим трендам до 2045 г.

Таким образом, рассмотренные статьи Ю.Ю. Чёрного и его коллег расширяют сознание библиотечного специалиста, пополняют его терминосистему, мотивируют к профессиональному самообразованию, предлагая для этого обратиться к используемым в статьях печатным источни-

кам. За помощь в подготовке библиографии к ряду материалов Ю.Ю. Чёрный благодарит Ирину Парамонову (Санкт-Петербург) и Галину Олейникову (Ростов-на-Дону).

Статьи Ю.Ю. Чёрного подводят читателя к черте, за которой прогресс и процветание и перешагнуть ее следует незамедлительно, иначе ждет регресс и прозябание.

В заключение порекомендую Юрию Юрьевичу Чёрному написать учебное пособие на тему «Азбука новых технологий для библиотечных специалистов» и издать его в двух режимах: бумажном и электронном.

Примечания

1. Чёрный Ю. Ю. Истоки и смысл четвертой промышленной революции // Современная библиотека. 2018. № 1. С. 20-25.
2. Чёрный Ю. Ю. Облачные вычисления // Современная библиотека. 2018. № 2. С. 20-25.
3. Чёрный Ю. Ю. Виртуальная и дополненная реальность // Современная библиотека. 2018. № 3. С. 58-65.
4. Чёрный Ю. Ю. Большие данные, или нефть цифровой экономики // Современная библиотека. 2018. № 4. С. 30-35.
5. Смирнова Е., Камкина О., Чёрный Ю. Проект «Techno-Science» – библиотека на границе настоящего и будущего // Библиотечное дело. 2018. № 2. С. 2-5.
6. 100 книг «Techno-Science» : библиогр. указатель лит. / ГБУК г. Москвы «ЦБС СЗАО». М., 2018. 35 с.

References

1. Cherniy Yu.Yu. Istoki i smysl chetvertoi promyshlennoi revolucii [Sources and meaning of the fourth industrial revolution] // Sovremennaya biblioteka. 2018. № 1. P. 20-25 [In Russ.].
2. Cherniy Yu.Yu. Oblachniye vichisleniya [Cloud calculations] // Sovremennaya biblioteka. 2018. № 3. P. 20-25 [In Russ.].
3. Cherniy Yu.Yu. Virtualnaya i dopolnennaya realnost' [Virtual and augmented reality] // Sovremennaya biblioteka. 2018. № 3. P. 58-65 [In Russ.].
4. Cherniy Yu.Yu. Big dejta, ili nepht' cifrovoi ekonomiki [Big data, or oil of digital economy] // Sovremennaya biblioteka. 2018. № 4. P. 30-35 [In Russ.].
5. Smirnova Ye., Kamkina O., Cherniy Yu. Projekt «Techno-Science» – biblioteka na granice nastoyaschego i budushego [Project «Techno-Science» - library at the boundary of the present and future] // Bibliotechnoye delo. 2018. P. 2-5 [In Russ.].
6. 100 knig «Techno-Science» : bibliogr. ukazatel' literatury [100 books of «Techno-Science». Library lit. bibliography] / GBUK Moskva «CBS SZAO», M., 2018. 35 p. [In Russ.].

Перова Е.Ю.

Perova Ye. Yu.

**ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

**INFLUENCE OF ETHNOCULTURAL TRADITIONS AND FAMILY
VALUES ON A PERSON'S ECONOMICAL BEHAVIOR FORMATION**

Семейные ценности во многом определяют экономическое поведение человека. Экономика семьи особенная область изучения, так как здесь отношения экономические тесно связаны с отношениями социальными, психологическими и нравственными. В статье рассматривается проблема семейных ценностей с позиции формирования и функционирования экономики семьи, а также роли этнокультурных семейных традиций в ее развитии.

Family values define the formation of a person's economical behavior to a large extent. Family economics is a specific field of study as it closely bridges economic, social, psychological and ethical relationships. This article considers the problem of family values from the viewpoint of shaping and functioning of family economics as well as the role of ethnocultural family traditions in its development.

Ключевые слова: семейные ценности, этнокультурные традиции, экономическое поведение, экономика семьи, этническая экономика.

Keywords: family values, ethnocultural traditions, economical behavior, family economics, ethnical economy.

Семья, как базовая ячейка общества, издавна рассматривается учеными разных областей с позиции ее социальной, демографической, психологической, культурной, экономической и других функций, определяющих перспективы развития человечества. Именно в семье формируются основные семейные традиции и ценности, именно в семье обучаются социальным ролям, основам образования, навыкам поведения, отношениям к людям, быту, природе, искусству.

Хозяйственно-экономические отношения составляют материальную базу семьи, стабильное развитие которой является одним из условий подъема социально-экономического уровня государства. Хозяйственно-бытовая и экономическая функция семьи заключается в удовлетворении материальных потребностей членов семьи, способствуя приумножению благосостояния семьи, сохранению и увеличению здоровья ее членов через экономику семьи.

Экономика семьи схожа с экономикой предприятий, при анализе которых обычно принимаются во внимание: собственность (движимое и недвижимое имущество), доход (заработная плата, стипендия, пенсии, пособия и др. поступления денежных средств), расход (коммунальные услуги, питание, налоги, кредиты и др.), бюджет (баланс доходов и расходов – уровень жизни, образование, предпринимательская активность, инвестиционный потенциал), ресурсы (материальные, денежные, трудовые, технические и др.). Реализуя экономическую функцию (ведение домашнего хозяйства, семейный бизнес, формирование человеческого потенциала, обеспечение уровня потребительского спроса и др.) семья включается в рыночную экономику, меняя свой социально-экономический статус и значение в обществе. Экономика семьи – это особенная область изучения, так как здесь экономические отношения тесно связаны с отношениями социальными, психологическими и нравственными.

Семье свойственно формировать такие традиционные семейные ценности как совокупность «обычаев и традиций, которые передаются из поколения в поколение и включают в себя такие понятия как любовь, взаимопонимание, уважение, почитание старших и родителей, доброта и взаимовыручка, ответственность за близких людей» [1].

Семейные ценности служат ориентиром для формирования «семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия» [2] индивидуумов в семье и вне ее. Ценность семьи, определяющая смысл традиционного поведения, является основой традиций. Семейные традиции продолжают родовой опыт социального развития, фиксируют прошлое и настоящее семьи, обеспечивают устойчивость отношений, упорядочивают и структурируют их. Традиции и обычаи поддерживаются разными народами во всех сферах общественной жизни: трудовой, социально - политической, семейно - бытовой, социально - культурной и т.д. В качестве традиций выступают нравственные нормы, ценности и идеалы; обычаи, обряды, ритуалы, нравы, стили и т.д. [3].

Автору хотелось бы рассмотреть проблему семейных ценностей с позиции формирования экономического поведения человека и функционирования экономики семьи, а также влияния этнокультурных семейных традиций в ее развитии.

Изначально в понятие экономики вкладывались именно правила ведения домашнего хозяйства [4], поэтому хозяйственно-бытовая функция семьи является главенствующей в определении качества жизни населения. Именно семья через определенный набор благ, товаров и услуг определяет состояние развития общества. При этом дифференциация потребления определяется как достигнутым членами семьи совокупного уровня доходов, определяющего уровень жизни, так и накопленными семейными ценностями, служащими основой для стратегических действий семьи по повышению уровня жизни. Именно целевые установки повышения уровня и качества семейной жизни во многом определяют позицию членов семьи в обществе, их профессиональный и ролевой статус.

Экономика семьи в этом случае становится целевым объектом внимания социологических служб государства, маркетинговых подразделений компаний и влияет на стратегии развития секторов экономики регионов, направленных на удовлетворение потребностей семьи и обеспечение реализации семейных ценностей.

С другой стороны, экономика семьи обеспечивает выполнение двух важнейших экономических функций:

- именно семья в подавляющем большинстве случаев профессионально ориентирует подрастающее поколение, формирует его экономическое мышление, понятия честности и справедливости ведения бизнеса;

- семья во многих случаях становится субъектом экономической деятельности общества, через организацию определенных форм хозяйственной деятельности, производства товаров и услуг для внешнего потребителя.

Рассматривая первую экономическую функцию семьи, можно отметить, что именно семейные ценности определяют престиж выбора профессии для детей. Появление профессиональных династий связано не только с такими несколько негативными факторами, как финансовая ограниченность диверсификации традиционных семейных профессий, недостаток получаемого образовательного уровня и консерватизм мышления молодого поколения, но и с осознанным пониманием молодежи престижа и преимуществ профессий родителей, понимания возможностей профессионального роста с поддержкой родителей, наличием опыта общения в выбранном профессиональном круге. Именно наличие примеров деятельности других семей в данных профессиях во много также формирует консолидированные семейные ценности у групп семей соответствующих профессий.

Семейные ценности во многом определяют экономическое поведение человека. Очевидно, что на него значительное влияние оказывает менталитет нации, который формируется, в числе прочих, и семейными ценностями, образом жизни, верой человека.

Практика показывает, что существует разная степень предрасположенности к предпринимательству у людей разных национальностей и вероисповедания. Однако недобросовестные методы ведения бизнеса, желание приобрести незаработанную ренту, наплевательское отношение к экологическим и социальным ресурсам в равной степени присущи всем. Ни какая религия мира в своих догмах не поощряет нарушение человеческой морали, в том числе и в бизнесе, однако степень свободы деятельности и наличие ограничений разное.

Думается, что только через соблюдение общечеловеческих и религиозных норм, а также формирование устойчивых семейных ценностей мы можем сформировать новую идеологию предпринимательства, как свободной и честной экономической деятельности людей во благо своей семьи и общества в целом.

Яркий пример предпринимателей-старообрядцев дореволюционного времени, свидетельствует о том, что слово у них не расходилось с делом, а статус семьи был незыблем, церковные заповеди во много определяли рамки дозволенного поведения в бизнесе.

Рассматривая вторую экономическую функцию семьи как субъекта экономической деятельности общества, можно отметить, что она также формируется под влиянием семейных ценностей.

Возврат к рыночной экономике поспособствовал возрождению роли семьи в предпринимательстве. Многие формы собственности, такие как индивидуальное предпринимательство, личные подсобные хозяйства и др., основаны именно на главенствующей роли семьи в их функционировании. Преимущества семейного бизнеса в малом хозяйстве очевидны и основаны на проекции всех составляющих семейных ценностей (особенно честности в отношениях, добропорядочности, ответственности) в бизнес.

Особое внимание в составе семейных ценностей автор хотел бы уделить этнокультурным традициям и ценностям, помимо прочего, определяющими также возможности развития семейной этнической экономики. Этническая экономика основана на широком использовании возможностей и традиций экономической деятельности коренного населения региона с учетом адаптации традиционных укладов жизнедеятельности к современным экономическим процессам, а также формировании нового этноса с использованием инновационных технологий и оборудования [5].

Республика Бурятия – полиэтничный субъект Российской Федерации. На территории Республики Бурятия проживают представители 111 национальностей, принадлежащие к различным языковым группам и исповедующие христианство, буддизм, шаманизм, ислам, иудаизм. Наиболее многочисленными из них являются русские и буряты, составляющие 95,6 % всего населения. Также на территории республики проживают коренные малочисленные народы Севера Сибири – эвенки и сойоты, представители татарской, украинской, армянской, азербайджанской, немецкой, польской и других национальностей. Этнокультурное «возрождение» последних десятилетий способствовало разрешению многих проблем в Республике Бурятия, в том числе и развития этнической экономики.

Специфика экономики Республики Бурятия способствует развитию семейной экономике на селе. В Республике Бурятия функционируют 146 тыс. личных подсобных хозяйств и 1866 крестьянских (фермерских) хозяйств [6]. Программой развития Республики Бурятия предполагается развитие семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств по следующим направлениям деятельности: разведение крупного рогатого скота мясного и (или) молочного направления, коневодство, овцеводство, свиноводство, а также сохранение и развитие традиционных отраслей хозяйствования малочисленных народов: оленеводства, охоты и рыболовства. В крестьянских фермерских хозяйствах и

в домашних хозяйствах населения предполагается разведение грубошерстных мясных пород овец, хорошо адаптированных к круглогодичному пастбищному содержанию в экстремальных условиях. Традиционный быт бурятского народа основывался на кочевом скотоводстве, и лишь позже к нему присоединились земледелие и другие виды деятельности.

Традиционные народные семейные промыслы в Республике Бурятия охватывают не только сельское хозяйство (добыча и переработка рыбы, пушнины, даров леса и т.д.), но и производство сувениров, предметов домашней утвари, одежды, обуви с национальным и религиозным колоритом, а также других видов продукции и услуг.

Повышение эффективности использования сформированного этнокультурного экономического потенциала малых народностей (эвенков, сойотов и др.), религий (буддизм и др.) и групп населения (семейские, казаки и др.) является ключевой задачей развития семейной экономики Бурятии.

Очевидна также необходимость развития этноориентированной производственной деятельности, многие продукты которой являются уникальными и могут сформировать потенциально высокий спрос на них как внутри региона, так и вне его.

Следует отметить, что в республике сохранены и развиваются этнокультурные семейные традиции, проявляющиеся в числе прочего в виде национальных праздников [7]. Так, одним из главных праздников в году является Сагаалган («Белый месяц») - начало Нового года по лунному календарю, праздник Сурхарбан - день почитания духов Земли.

Свадьба и рождение детей связаны с обрядами, получением благословления духов и защитой от злых существ. Также продолжают существование такие праздники как гостевание, игры и танцы (ёхор, тетевинный танец, медвежья игра и др.), вечеринки, освящение кузницы и т.д. Обычай «брызгать» духам местности, как правило, соблюдают все жители Бурятии, вне зависимости от национальности и вероисповедания. Хотя многие традиции уже не соответствуют их изначальной сущности, продолжают в народе, формируя тем самым и семейные ценности.

Огромный пласт культуры принадлежит буддизму и буддийской традиции, принесенной в Бурятию из Тибета и Монголии. К этому пласту относится буддийское учение, включающее философию, тибетскую медицину, астрологию, буддийскую живопись [8].

Особая роль в формировании семейных ценностей принадлежит образованию, т.к. именно оно способно решить вопросы формирования семейных ценностей, культуры личности и семьи, этнической толерантности, обеспечения межэтнического согласия, поликультурности и поликонфессиональности, проблемы сохранения и использования культурного наследия, языка и национальных традиций региона, сохранения народного искусства и фольклора, праздников и обрядов, формирования менталитета и системы духовных ценностей населения региона.

Этнокультура способна благоприятствовать экономической активности населения, где этнические факторы играют значимую роль в развитии предпринимательства.

Этническое предпринимательство «выступая в качестве мелкотоварного производства, рассматривается в связке с семейно-клановыми экономическими неформальными сетями, в результате возникает особая форма экономического поведения людей» [9].

Автор считает, что этническая экономика - это часть региональной экономики, аккумулирующая в регионе внутренние собственные и внешние привлеченные этнические ресурсы в процессах социально-экономического развития, а также формирующая вклад в валовой региональный продукт за счет экспорта этнических ресурсов в другие регионы.

Использование этнокультурных традиций и ценностей в социально-экономическом развитии региона, по мнению автора, возможно в области туризма (этнического, событийного, лечебного, религиозного и др.). Особенности культур многонациональной Бурятии отражены в музыкальных и художественных фестивалях, фольклорных представлениях, изделиях художественного творчества, музейных экспозициях и могут выступать не меньшим туристическим ресурсом, чем природные объекты Байкальского региона.

Организация бизнеса с национальным колоритом (традиционная бурятская кухня, использование бренда «Байкал», юрта), развитие традиционных народных промыслов, таких как выращивание оленины, добыча и переработка рыбы, пушнины, даров леса и т.д., производство сувениров, предметов домашней утвари, одежды, обуви с национальным и религиозным колоритом, а также других видов продукции и услуг – где семья становится субъектом экономической деятельности общества, через организацию определенных форм хозяйственной деятельности, производства товаров и услуг, и способна влиять на стратегии развития экономики региона.

Таким образом, автор считает, что традиционные семейные ценности способствуют формированию экономического поведения человека, эффективному функционированию экономики семьи, что позволит обеспечить занятость и достойный уровень доходов населения, и в целом будет способствовать социально-экономическому развитию региона.

Примечания

1. Что такое семейные ценности [Электронный ресурс]. URL: <https://xn----dtbebvqepcbbtq4r.xn--p1ai/blog/chto-takoe-semejnye-cennosti> (дата обращения: 03.04.2018).

2. Семейные ценности [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 03.04.2018).

3. Происхождение и классификация традиций [Электронный ресурс]. URL: <http://mydoex.ru/6-60939.html> (дата обращения: 03.04.2018).

4. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М. : ИНФРА-М, 2007. 495 с.
5. Перова Е. Ю. Этническая экономика как направление повышения эффективности использования социальных ресурсов региона // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 5. С. 705–712. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712.
6. Взгляд на экономику республики в разрезе отраслей [Электронный ресурс]. URL: <http://project.infpol.ru/bbforum-agropk> (дата обращения: 03.05.2018).
7. Культура, обычаи и традиции бурятского народа [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/217510/kultura-obyichai-i-traditsii-buryatskogo-naroda> (дата обращения: 03.05.2018).
8. Культура Бурятии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.visitburiatia.ru/story/item-2748/> (дата обращения: 03.05.2018).
9. Тагиров Р. Ю. Этнический фактор в экономике региона [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Шуя, 2010. URL: <http://www.disscat.com/content/etnicheskii-faktor-v-ekonomike-regiona> (дата обращения: 01.05.2018).

References

1. Chto takoe semeinye cennosti [What are Family Values] [Electronic resource]. URL: <https://xn---dtbebvqepcbbtq4r.xn--p1ai/blog/chto-takoe-semejnye-cennosti> (03.04.2018) [In Russ.]
2. Semeinye cennosti [Family Values] [Electronic resource]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (03.04.2018) [In Russ.]
3. Proiskhozhdenie i klassifikacija tradicij [Origin and Classification of Traditions] [Electronic resource]. URL: <http://mydocx.ru/6-60939.html> (03.04.2018) [In Russ.]
4. Raizberg B. A., Lozovskij L. Sh., Starodubtseva E. B. Sovremenniy ekonomicheskij slovar' [Modern Dictionary of Economics]. М.: ИНФРА-М, 2007. 495 p.
5. Perova Ye. Yu. Etnicheskaja ekonomika kak napravlenije povysheniya effektivnosti ispol'zovaniya social'nyh resursov regiona [Ethnic economy as a way of increasing the efficiency of using regional social resources] / Ye. Yu. Perova // Izvestija Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Baikal State University]. 2016. Vol. 26, no. 5. PP. 705–712. — DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712 [In Russ.]
6. Vzglyad na ekonomiku respubliki v razreze otraslej [A Look at economy in terms of industries] [Electronic resource]. URL: <http://project.infpol.ru/bbforum-agropk> (03.05.2018) [In Russ.]
7. Kul'tura, obyichai i tradicii buryatskogo naroda [Culture, customs and traditions of the Buryat People] [Electronic resource]. URL: <http://fb.ru/article/217510/kultura-obyichai-i-traditsii-buryatskogo-naroda> (03.05.2018) [In Russ.]

8. Kul'tura Buryatii [The Culture of Buryatia] [Electronic resource]. URL: <http://www.visitburiatia.ru/story/item-2748/> (03.05.2018) [In Russ.]

9. Tagirov R. Yu. Etnicheskij faktor v ekonomike regiona [Ethnic factor in the regional economy] [Electronic resource]: avtoref. dis.. kand. ekon. nauk [dissertation thesis ... candidate of Economics]. Shuya, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/etnicheskii-faktor-v-ekonomike-regiona> (01.05.2018) [In Russ.]

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

DOI 10.31443/2541-8874-2018-3-7-104-111

УДК 793(510)

Гао Цзясинь

Gao Tzaosin

НАЦИОНАЛЬНАЯ ХОРЕОГРАФИЯ В КИТАЕ: ИСТОРИЯ И СЕМАНТИКА

NATIONAL CHOREOGRAPHY IN CHINA: ITS HISTORY AND SEMANTICS

Анализ развития национальной хореографии Китая выявил полисемантический и полифункциональный характер народной танцевальной культуры, отражение в ней духовно-нравственного, философского потенциала, основанного как на сохранившихся архаических мифоритуальных воззрениях, так и на новационных тенденциях, связанных с исторической динамикой и межкультурными связями.

The analysis of developing the Chinese national choreography reveals a polysemantic and multifunctional character of the folk dance culture. Its spiritual, moral and philosophic potential is based on the preserved archaic mythic and ritual views as well as innovative tendencies as a result of historic dynamics and intercultural relations.

Ключевые слова: национальная хореография, гармония, взаимосвязь, внутренний мир, внешний мир.

Keywords: national choreography, harmony, interconnection, inner world, external world.

Национальная хореография Китая представляет собой синтез, состоящий из народных и придворных танцев, фрагментов китайской оперы, элементов боевых искусств и др. Вместе с тем необходимо отметить, что вопрос об историко-генетических основах трансформации традиционного танца Китая является недостаточно изученным.

Искусство китайского народного танца имеет уникальную неповторимую историю с их семантическими и эстетическими особенностями. Китайская цивилизация, насчитывающая более пяти тысяч лет, на фоне постоянно меняющихся правящих династий оставила небывалые по красоте, самобытности и разнообразию культурные ценности, в том числе в области национальной хореографии.

Целью данной работы является семантический анализ народного танца, выявление сохранившихся архаических элементов и отражение в нем социокультурной исторической динамики.

Несомненно, наиболее древние танцы (*у-да*) были связаны с культом природы, неба, земли, матери, отца, т.е. плодородия. Этот момент можно проследить в старинном танце «Янгэ» («Песня рисового роста»). В современном исполнении здесь сочетаются музыка, танец и мифологические элементы, демонстрирующиеся при помощи разных манипуляций с шелковыми платками и разнообразными движениями ног. По нашему мнению, здесь отражен в том числе элемент трудовых танцев – обработка ногами земли и изображение роста риса. Интересно, что этот танец стал актуальным и востребованным в пятидесятые годы XX в., когда Китайская Коммунистическая партия приняла танец как средство выражения сплоченности деревни и поддержки коммунистической партии, которое так и называется «реформа Янгэ» [6, с. 109].

К ним же можно отнести «Танец кошки-огня». Китайцы всю жизнь трудятся на рисовых полях. Чтоб рисовый урожай был высоким, они, согласно религиозно-мифологическим воззрениям, через лягушку *Чжуан*, просили у бога благословения на хорошую погоду, дождь и удачный урожай посева риса и так далее. Но получив хороший урожай риса, люди должны его сберечь от крыс. Поэтому люди заводили кошек, которые охраняли урожай, защищая от набегов вредоносных крыс. И все это показано в танце, где его участники одевались в ярко-зеленые костюмы с кошачьими масками на голове и длинными хвостами сзади и танцевали под громкие звуки барабана и трубы [1, с. 278]. Таким образом, можно сказать, что здесь прослеживается защитная магия по сохранению урожая от вредоносных сил.

Народный танец отображал также и представления, связанные с основными стихиями природы. Например, на острове Тайвань в старину был популярен «Танец волос». Всякий раз, когда рыболовные суда возвращались домой в вечернее время, их встречали здоровые женщины с длинными волосами на берегу моря на фоне красного заката [2, с. 132]. Они вначале медленно двигались, постепенно ускоряясь под такт песни, которую сами исполняли, встряхивая при этом телами и головами, чтобы длинные волосы волнами разносились вокруг головы, как всплески морских волн на великолепном фоне розовых облаков. Этот уникальный танец, связанный с потряхиванием женских волос и тела, символизирует не только волны океана, приветствие женами своих мужей, но и более древние представления о плодородии и изобилии, связанные с понятием Вода /Огонь/Земля – женского хранилища родильного творческого потенциала.

Со временем, в связи с образованием государств и появлением династий, изменились мировоззрение и картина мира. В результате император стал совмещать функции правителя и жреца, т.е. стал наместником бога на земле. Появились придворные танцы как элемент, символизирующий силу и мощь древнего государства, постепенно становясь постоянной составляющей дворцовых церемоний прославляющих императора.

Кроме того, на китайский классический танец повлияли боевые искусства, у-шу и цирковые представления.

При этом придворная хореография вбирала в себя лучшие традиции китайского народного танца, сохраняя сакральные парадигмы. При этом, танец предполагал уже большее разнообразие движений. Каждая династия (Ся, Чжоу, Хан, Суй, Тан, Сун, Цин) в своем историческом периоде развивала свои собственные принципы и предпочтения.

Например, первые танцевальные школы в Китае были созданы для обучения наследников престола, которые через танец постигали историю, прославляя первого представителя династии Чжоу на дипломатических церемониях, когда через танец показывался престиж и могущество государства [4, с. 16]. Во время правления династии Чжоу существовали специальные учреждения *Да Сы Юе*, занимающиеся устройством праздников и церемоний для императора, в которых были заняты 1463 чел. О том, что танец стал прерогативой правящей элиты свидетельствует запись в Книге Песен о танцевальных фестивалях в годы правления династии Чжоу (1100-221 до н.э.). Согласно китайской мифологии, Три владычества, Три Великих – Фу-си, Шэнь-нун и Хуан-ди – научили людей трем танцам. Фу Си дал людям рыбацкую сеть и научил Танцу Гарпуна. Шэнь-нун, создавший земледелие, придумал Танец Плуга. Хуан-ди подарил людям Танец Небесных Ворот. В древних текстах также упоминаются охотничьи танцы и Танец Созвездия, в которых эти правители обращаются к небесным покровителям с просьбой о хорошем урожае.

Танец постепенно становился прерогативой господствующего класса в его управлении государством, что предполагало установление им строгих законов его развития. Достаточно сказать, что строго устанавливалось количество участников танца: в императорском танце 8 рядов по 8 человек - итого 64 исполнителя, в танце для князей 6 рядов по 6 человек – 36 исполнителей и т.д. Нельзя было менять количество участников.

Во времена правления династии Хань существовали два вида музыкально-танцевальных учебных заведений: 1) *Тай юе шу* – заведения, обучавшие церемониальным танцам, 2) *Юефу* – заведения, обучавшие национальным танцам обычных людей.

Полный расцвет танцевальной культуры приходится на две династии – Суй и Тан – в эпоху феодализма, которая считается вторым периодом расцвета Китая после династии Хань. Были популярными при дворце два вида ритуальных танцев: 1) *Вэнь-у*; и 2) *У-у*. Эти танцы должны были маркировать, с одной стороны, целостность мира (императора), а с другой, его защиту. Так, танец *Вэнь-у* – спокойный, медленный танец, исполнители были одеты в черные костюмы с кожаными поясами, с коронами на головах и белыми лентами в волосах, в левой руке держали кадило, в правой руке – перья птиц. Этот танец прославлял императора, уподобляя открытие новой династии с открытием нового неба. Танец *У-у* представлял собой энергичные движения у-шу, исполнители этого танца

были одеты в красную броню, в правой руке держали копья, а в левой – красный щит, они изображали солдат, которых император отправлял для охраны северных и южных территорий, поддерживая единство государства [3, с. 945].

Время правления династии Тан (618-907 гг. н.э.), по мнению историков-китаеведов, считается эпохой наивысшего расцвета феодальной культуры и искусства. В те времена считалось, что музыка, танец и поэзия находятся в наиболее близких отношениях. Люди могут свободно читать стихи, распространяя их повсеместно, на основе стихов создавали песни, которые, в свою очередь, становились источником создания танцевальных постановок. В этот трехсотлетний период произошли важнейшие культурные события – были основаны два учреждения: Императорская Академия и Академия «Грушевый Сад» - по названию императорского сада внутри дворца. Последняя была основана императором Ли Лунци (712-756 н.э.). Так, в Китае появилась первая профессиональная танцевальная труппа. Ее учеников называли «сынами грушевого сада».

Большое влияние на развитие китайского классического танца оказала Пекинская опера. Она объединяла в себе элементы драмы, пения, музыки, танца, акробатики и боевого искусства. Китайская опера рождалась, прежде всего, как симбиоз пения и танцев. В то же время постановки Пекинской оперы не ставятся одновременно на мастерстве пения, танца и проработки сюжета, за основу берется только один из этих элементов, поэтому спектакли условно подразделяются на три группы: игра на пении, игра на диалоге под танцы и игра на сюжете [8, с. 202-204]. Китайский классический танец многое взял из техники актеров Пекинской оперы, причем не, только в плане пластического мастерства, но и мастерства актера в целом.

С течением времени эта танцевальная культура вышла за пределы дворца и стала народной и сыграла немаловажную роль в религиозных обрядах. Как видно из источников, в период правления Сун не было специальных педагогических приемов или системы передачи искусства, люди сами придумывали условия передачи танцевального искусства ученикам. При этом артисты не получали поддержки государства, и активное развитие танцевального искусства происходило исключительно в народной среде и основывалось на религиозно-мифологических воззрениях.

Говоря о развитии национальных традиций китайского танца, следует отметить и о влиянии межкультурных связей Древнего Китая и их соседей, которые обогащали репертуар китайского танца. Многие стили, известные за границами Китая, были включены в китайский танец, так же, как и китайский танец оказал влияние на танцы Кореи, Японии, Вьетнама. Сотни молодых людей обучались при императорском дворе в музыкально-театральной труппе «Грушевый сад» («Лиюань») [5, с. 136].

По знаменитому Шелковому Пути в Китай пришли индийский и иранский танцы, которые значительно повлияли на развитие китайского танца. Кроме индусов, персов и других народов, ведущих торговлю, в

Китай стали совершать путешествия буддийские монахи. На многочисленных фресках того периода были запечатлены Летящие Апсары – полубогини, духи облаков в облике прекрасных женщин. Уникальные позы божеств, представленные на этих фресках, оказали большое влияние на китайский классический танец – на сцене появилась имитация «парящего полета», которой так восхищаются зрители всего мира [9].

В «Песне Вечной Печали» танцоры двигаются на сцене, как в волшебном мире. Хореограф скомбинировал идею танца с высокой танцевальной техникой, которая пришла из индийского танца, с одной стороны, и из классического китайского танца императорского дворца, с другой – «парящий полет» на сцене. Известно, что вдохновением для создания многих танцевальных композиций в то время являлась наложница императора Ян Гуйфэй, известная как самая красивая девушка Поднебесной. Она и сама танцевала «Песню Вечной Печали». Сегодня этот танец считается одним из важных достижений китайской танцевальной культуры.

Особо следует остановиться на вопросе о появлении философской направленности в народном танце, связанной с межкультурными связями. Речь идет о появлении и распространении таких великих учений как даосизм, конфуцианство и буддизм. Их история и содержание подробно рассмотрены и рассматриваются представителями разных научных направлений и школ: философами, религиоведами, историками, культурологами и т.д. Поэтому мы рассмотрим данные учения только в контексте народного танца.

Возрождение философии началось с Книги Перемен. Вселенная троична: небо + человек + земля. Под человеком понимается только император. Земля – квадрат, в центре которого находится Китай. Энергия Вселенной – *ци*, в которой выделяют 2 начала – *Инь* и *Янь*.

По нашему мнению, эти религиозно-философские воззрения отражены в формировании системы китайского танца, основанного на боевом искусстве – *тайцзи*. В нем прослеживаются отношения между квадратом и кругом (мужское/ женское/ Земля/ Небо/ тот / этот). Система подготовки основана на дыхательных упражнениях: выдох – распространение – квадрат, вдох – свертывание – круг. *Тайцзи* воплощает философию и эстетику круга через внешние движения тела, причем круг может находиться в любой области туловища. Так, существует круг правой руки, круг плеча, локтя, груди, круг живота, круг колена. Помимо внешних, видимых кругов, в теле человека есть внутренний круг воздушного течения. *Тайцзи* сочетает закон движения с сущностью круга. Внутри круга могут происходить тысячи изменений, но что бы, ни менялось, сам круг остается неизменным [5, с. 122].

Как видим, танец, музыка и ритм связаны между собой. Любое движение может стать основой для танцевального движения. Ритм – это дух танца. Без музыки танец может существовать, но без ритма, определяющего время – нет. В движении человеческого тела определенную

роль играет время, изменение времени влияет на изменение усилия, с помощью которого достигается изменение пространства, что в свою очередь влияет на качество движения. Этот смысл заключен в *Тайцзи* и выражен соотношением *Инь* и *Янь*.

В *Шэнь Юнь* философской и эстетической основой китайского классического танца являются ключевые идеи, которые заимствованы из категорий даосизма, основанных на круге. Так, термин состоит из двух слов: *Шэнь* («все, что относится к внешнему выражению») и *Юнь* («все, что относится к внутреннему содержанию и мастерству»). Здесь диалектика движения и покоя в танце выражена в изречении: «в покое есть движение, в движении есть покой» важна для китайского классического танца. Движение и покой – две стороны одного противоречия, обуславливающие друг друга и зависящие друг от друга. Поэтому в китайском танце движение резко сменяется застывшими позами, однако эти моменты покоя также содержат движение. Внешне исполнитель как бы не двигается, но зато внутренне он взволнован, его энергия концентрируется, чтобы выплеснуться в следующем движении. Мгновенный покой в различных позах позволяет движению идти в волнообразном ритме, каждый раз как бы поднимаясь на ступень выше. В такие моменты внешнего покоя исполнитель набирает энергию, готовясь к следующему движению, которое может быть уже на следующей ступени. В то же время в моменты замирания зритель получает возможность насладиться красотой рисунка и рельефом линий. Кроме того, подобные паузы во внешнем движении помогают зрителю увидеть внутреннее движение, а изящество позы помогает разобраться в психологии действия.

Как видим, в хореографии отражается философия единства противоположностей, выраженная в требованиях *Ши Ю*, что придает китайскому танцу особый стиль.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в традиции китайской хореографии важное место занимает уникальная система, связанная с философскими понятиями о единстве внешнего и внутреннего мира, выразившемся в танце как единство особенностей человеческого духа, души, движения, дыхания, ритма.

Эти три философские направления весьма ярко проявились в китайской культуре в целом, и, в частности, в китайской хореографии. В основе любых танцевальных постановок, в первую очередь, учитывались духовно-философские принципы, связанные с ощущением глубинной связи с природой, окружающим миром, поклонением Высшим мирам. На наш взгляд, китайская хореографическая культура этим и отличается от других культур.

В Китае современный хореограф, в первую очередь, как мы считаем, должен быть носителем традиционной духовной культуры своего народа, быть высоко духовной личностью для того, чтобы быть способным передавать эту культуру следующим поколениям. «Классическая подготовка танцевального номера или программы в стиле китайской классики

(особенно с танцорами – не китайцами) обязательным компонентом включает в себя занятия по истории Китая, философии, этике, основам медитации, истории китайской хореографии, совершенствованию личностной морали. И только тогда, по мнению ведущих китайских хореографов, такое глубокое понимание «души танца» естественно вливается в выступления танцоров, превратив их танцы не только в доступные, но и во вдохновляющие» [7, с. 156].

Таким образом, в основу китайского танца легли материалы многовекового уклада жизни самых разных слоев населения, начиная с архаических времен, богатых династий, простолюдинов и т.д., что отразилось не только в высоком танцевальном искусстве, но и в живописи, скульптуре, архитектуре и пр. Все это было ориентировано на особые отношения человека с окружающим миром. Благодаря танцевальной культуре достигалась гармония между телом, разумом, сознанием (душой), деятельностью человека и внешним миром.

Примечания

1. Ван Кэфэнь. Чжунго гудай удао шихуа (Об истории древнекитайского танцевального искусства). Пекин, 1980. 256 с.
2. Ван Ниннин. Чжунго гудай лэудао ши (История древнего китайской музыки и танца). Шаньси, 2009. С. 98.
3. Ван Чжунло. Вэйцзинь наньбэйчао ши (История эпох Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий). Шанхай, 2004. С. 938-943.
4. Ван Чжунло. Суйтан удай ши (История эпох Суй, Тан и пяти династий). Т. 2. Шанхай, 2003. С. 1258-1268.
5. Лю Цинь. Чжунго гудай удао (Китайское древнее танцевальное искусство). Пекин, 1991. 136 с.
6. Сунь Цянь. Танцевальное искусство Китая XX века: национальное своеобразие и влияние западных традиций. Пекин, 1992. С. 183-184.
7. Чэнь Цзин. Педагогические основы развития национальных традиций хореографии Китая // Инновационные технологии обучения культурно-досуговой деятельности. Вып.12. М., 2012. С. 58-73.
8. Чэнь Цзин. Танцевальное искусство Китая эпохи правления династии Тан // Актуальные вопросы образования в сфере культуры и искусства : II межвуз. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (21 апр. 2011 г.) : сб. докл. и тез. М. : МГАХ, 2011. С. 148-156.
9. Ши Чжунвэнь. Чжунго цюаньши (Полная история Китая). Т. 8. Пекин, 1994. С. 136-166.

References

1. 王克芬 Van Kefen'. 中國古代舞蹈史話 Chzhungo gudaj udao shihua (Ob istorii drevnekitajskogo tancevalnogo iskusstva) [On the history of ancient Chinese dance art]. Peking, 1980. 256p.

2. Van Ninnin. Chzhungo gudaj leudao shi (Istorija drevnej kitajskoj muzyki i tantza) [The history of ancient Chinese music and dance]. Shan'si, 2009. P.98.

3. 王仲犛Van Chzhunlo. 魏晉南北朝史Vejtzin' nan'bejchao shi (Istorija epoh Wej, Tzin', Severnyh i Juzhnyh dinastij) [The history of Wei, Qin, Northern and Southern dynasties]. Shanghai, 2004. Pp. 938-943.

4. 王仲犛Van Chzhunlo. Sujtan udaj shi (Istorija epoh Suj, Tan i pjati dinastij) [The history of Sui, Tang and five dynasties]. Vol.2. Shanghai, 2003. Pp. 1258-1268.

5. 刘芹Lju Tzin'. 中国古代舞蹈Chzhungo gudaj udao (Kitajskoe drevnee tancevalnoe iskusstvo) [Chinese ancient dance art]. Peking, 1991. 136p.

6. Sun' Tzjan'. Tancevalnoe iskusstvo Kitaja XX veka: nacional'noe svoeobrazie i vlijanie zapadnyh tradicij [XX century dance art of China: its identity and the influence of western traditions]. Peking, 1992. Pp. 183-184.

7. Chen' Tzin. Pedagogicheskie osnovy razvitija nacional'nyh tradicij horeografii Kitaja [Pedagogical fundamentals of developing Chinese national traditions of choreography]// Innovacionnye tehnologii obuchenija kul'turno-dosugovoj dejatel'nosti . Vyp.12 [Innovative technologies of teaching cultural and leisure activities. Iss.12]. M., 2012. Pp. 58-73.

8. Chen' Tzin. Tanceval'noe iskusstvo Kitaja epohi pravlenija dinastii Tan [Chinese dance art during Tang dynasty reign]//Aktual'nye voprosy obrazovanija v sfere kul'tury i iskusstva: II mezhvuz. nauch.-prakt. konf. studentov i aspirantov (21 apr. 2011g.): sb. dokl. i tez.[Current issues of education in culture and arts: Proceedings of II interuniversity scientific-practical conference of students and post-graduate students (April 21, 2011)]. M.: MGAH, 2011. Pp. 148-156.

9. Shi Chzhunven'. 史仲文中國全史Chzhungo tzjuan'shi (Polnaja istorija Kitaja) [The complete history of China]. Vol. 8. Peking, 1994. Pp. 136-166.

Амгаланова М.В., Гу Имин

Amgalanova M.V., Gu Imin

**МЕСТО КАНТАТЫ «ХУАНХЭ» СЯНЬ СИНХАЯ
В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ**

**THE ROLE OF CANTATA «HUANGHE» OF XIAN XINGHAI
IN THE MUSICAL CULTURE OF CHINA**

Сегодня актуальными являются вопросы, касающиеся особенностей музыкального искусства Китая первой половины XX в., заимствования теоретических основ западноевропейской музыки, развития форм, стилей и направлений, а также творчества китайских композиторов. Именно этим обусловлен интерес к одному из первых композиторов современности Сянь Синхаю, творчество которого оказало влияние не на одно поколение китайских музыкантов. Особенное место в его творчестве занимает кантата «Хуанхэ», перерабатываемая современными китайскими композиторами.

Nowadays, the issues concerning the features of the Chinese musical art of the first half of the XXth century, borrowings of the theoretical foundations of Western European music, the development of forms, styles and trends as well as the works of the Chinese composers are actual. These are the reasons of the interest to one of the first composers of our times Xian Xinghai whose creativity influenced many generations of the Chinese musicians. The cantata «Huanghe» processed by modern Chinese composers occupies a special place in his creative work.

Ключевые слова: китайская культура, современное музыкальное искусство Китая, творчество Сянь Синхая, кантата «Хуанхэ».

Keywords: Chinese culture, modern musical art of China, creativity of Xian Xinghai, cantata «Huanghe».

Искусство занимает важное место в истории и культуре любого народа. С помощью музыки, являющейся языком искусства, композиторы показывали жизнь во всем великолепии и многообразии. Это в полной мере относится и к китайскому музыкальному искусству, внесшему неопределимый вклад в сокровищницу мировой культуры и цивилизации. Музыкальное искусство Китая является уникальным многовековым продуктом со своим неповторимым национальным колоритом, присущими только ему специфическими чертами. Эта специфика обусловлена отношением к природе, которая с глубокой древности была объектом пристального наблюдения.

Китайская культура и искусство являются одними из древнейших в мире, специфические особенности которых начали складываться за не-

сколько тысячелетий до нашей эры. Музыкальное искусство Китая обладает уникальными национальными особенностями, сформировавшимися в далекие времена становления китайской культуры и оттачивавшиеся на протяжении более III тысячелетий развития китайской цивилизации. За это время китайское музыкальное искусство прошло огромный путь. Каждый из периодов развития музыкального искусства Китая очень важен и значим. Одним из таких узловых моментов развития музыкального искусства Китая является первая половина XX века, когда начинает формироваться современное музыкальное искусство, уникальность которого заключается в одновременном использовании традиций и достижений европейской и китайской музыки.

Сянь Синхай – известный китайский композитор – родился 13 июня 1905 г. в Макао. Его родители – уроженцы Панью провинции Гуандун. Первые шаги в мире музыки Сянь Синхай сделал в школьном военном оркестре в Сингапуре, куда они переехали с матерью. Европейские музыкальные инструменты Сянь Синхай стал осваивать в Пекинском университете, куда он поступил в 1926 г. На музыкальном факультете он также изучал теорию музыки, результатом стала публикация музыкального очерка «Основы музыки». Затем в течение нескольких лет Сянь Синхай жил в Париже, где знакомство с известным скрипачом Ма Сыцунем и французскими музыкантами оказало сильное влияние на его музыкальное развитие. Сянь Синхай стал первым китайским студентом Парижской консерватории (1934).

Сянь Синхай вернулся в Китай в 1935 г. Это было время начала японской оккупации. Как истинный патриот, Сянь Синхай включился в национальную борьбу. В этот период им был написан целый ряд музыкальных произведений.

В 1940 г. Сянь Синхай поехал в Советский Союз, чтобы написать музыку к документальному фильму «Яньань и 8-я армия». К этому периоду он стал уже настолько популярным и знаменитым музыкантом, что перед отъездом Мао Цзэдун пригласил его к себе на ужин. Начавшаяся Великая Отечественная война Советского Союза против фашистов помешала его работе, и Сянь Синхай попытался вернуться на родину через Синьцзян. Однако местный военачальник Шэн Шицай, известный своими антикоммунистическими убеждениями, блокировал его пути и композитор отправился в эвакуацию в Казахстан в Алма-Ату. Сянь Синхай скончался после продолжительной болезни в возрасте 40 лет 30 октября 1945 г. в одной из московских больниц и был похоронен на кладбище под Москвой.

Период творчества Сянь Синхая пришелся на кардинальные социально-политические перемены, которые происходили в Китае. Они были вызваны ослаблением авторитета последних правителей Цинской династии конца XIX – начала XX вв., последовавшей затем Синьхайской революцией 1911 г. Эти события вызвали рост национального самосознания, распространения идей демократии и коммунистических идей. Все

это, несомненно, сказалось на социально-экономической и политической жизни страны. Но также они повлекли за собой существенные изменения в традиционном искусстве, в том числе и в музыкальном.

Музыкальное искусство Китая с древности базировалось на концепции гоюэ – «совершенной, настоящей музыки», сложившейся еще в Древнем Китае. Начиная с периода Раннего Чжоу (XI-VII вв. до н.э.), музыка начинает занимать доминирующее положение в государственной жизни и официальной культуре. Музыка в этот период становится воплощением могущества и величия государства и правителя, становится инструментом властного аппарата. На протяжении многих столетий музыка выполняла регулирующую и воспитательную функции и являлась одним из приоритетных направлений культурной политики Китая. Расцвет гоюэ приходится на правление династий Суй (581-618 гг.) и Тан (618-907). Гоюэ для императорского Китая всегда было элитарным искусством, однако изменившиеся социально-политические условия начала XX в. потребовали сделать национальную музыку доступной широким общественным массам. Именно возрождение национальных традиций гоюэ легло в основу развития современного музыкального искусства начала XX в. Китайские музыковеды отмечают, что в целом «под влиянием демократических настроений, распространенных среди китайской творческой интеллигенции, из элитарного, рафинированного искусства гоюэ постепенно превращалась в музыку, близкую народу, отражающую его надежды и устремления» [6, с. 91-92].

Композиторский стиль Сянь Синхая характеризуется, с одной стороны, близостью национальным традициям китайской музыки гоюэ. Получение теоретических знаний в области западноевропейской музыки в период обучения в Париже и жизни в Советском Союзе, дают основание исследователям его творчества говорить об этом. Социально-политическая ситуация в Китае обусловила развитие темы патриотичности и как следствие появление жанров «синь иньюэ» - «новой музыки», в первую очередь – жанра «революционной песни». Это было достаточно новым явлением не только в творчестве самого Сянь Синхая, но и во всей китайской музыке.

Жанр синь иньюэ стал массовым искусством, характеризующимся жанровым многообразием, преобладанием вокальных жанров, в первую очередь песни. С 1920-х гг. в Китае набрало силу рабочее молодежное движение, отдававшее приоритетное значение революционной патриотической песне. Патриотическая песня стала одним из популярных видов в новом музыкальном песенном искусстве. Сянь Синхай стал одним из ведущих композиторов патриотических песен. Он полагал, что «песенное искусство обладает глубокой нравственной, воодушевляющей силой. Оно способно поднимать людей на великие дела, воспитывать чувство ответственности перед страной» [2, с. 152-153]. Следует отметить, что образцом для создания китайских патриотических песен служила советская песенная традиция, однако, несмотря на это китайские композиторы

Не Эр, Сянь Синхай, Цинь Чжу, Хуан Цзы и другие сохранили интонационные особенности и китайскую стихотворную форму цы.

Сянь Синхай в своей общественной и музыкальной деятельности опирался на опыт Не Эра, который полагал, что роль музыки значительна в отстаивании и пропаганде революционных идей, революционных тенденций, «политических лозунгов». Идеи он черпал из реальной жизни, а основными темами были глубокие социально значимые проблемы, в первую очередь, связанные с политической борьбой коммунистической партии и освободительного движения. В то непростое время японской оккупации и политической борьбы между партиями Китая необходимо было с помощью знакомых средств объяснять простому народу суть происходящего. И музыка как никакой другой вид искусства способствовала этому. В творчестве народных поэтов и композиторов нашли отражение революционные позиции, понимание реальности, выражающиеся в показе народной борьбы, мыслей и чувства людей.

Сянь Синхай придавал большое значение формированию образа рабочих, крестьян. Именно революционные массы становились центральной темой его творчества. На наш взгляд, ему удалось показать всему миру через свое собственное творчество, что революционные массы в Китае в борьбе сумели освободиться от оков, взяли за оружие и двинулись вперед в антиимпериалистической борьбе. Уделяя пристальное внимание тесному сотрудничеству с массами, он добивался того, чтобы его музыка действительно могла достичь единства всех слоев населения. Поэтому он особо акцентировал внимание на концептуальное отражение в инструментальной музыке, придавая значение использованию специфических особенностей китайской народной музыки по форме, структуре, тону и режиму. В то же время он стремился совместить национальный дух и темперамент, содержащиеся в народной музыке, используя их для показа новой эры, новой жизни и новых идей.

Кантата «Хуанхэ» является одним из самых знаменитых музыкальных произведений Китая, написанных в первой половине XX в. Сянь Синхай начал писать эту кантату в марте 1939 г. в Китае и закончил уже в Советском Союзе в 1941 г. Эта работа осуществлялась совместно с китайским поэтом Гуан Вэйчжанем, написавшим патриотические стихи. Традиции национальной музыки должны были воплощать идеи освободительного движения, борьбы за освобождение родины от японских захватчиков, воспитания смелости и отваги, поддержания боевого духа народа и т. д. Кантата «Хуанхэ» представляет собой образец «нового» гоюэ, которая была написана для чтеца, смешанного хора и оркестра музыкальных народных инструментов.

Тематика Желтой реки не случайно была выбрана композитором кантаты Сянь Синхаем. В ней был заложен «специфический семантический комплекс, как носитель нового, национального содержания, связанного с китайским менталитетом, историей народа, его идеологией и т.д.» [5]. Тем самым композитор старался привнести специфическое нацио-

нальное мировосприятие, но при этом осуществить сочетание художественных достижений европейской классики с национальными выразительными средствами.

Взятая в качестве культурно-исторического фона Жёлтая река должна была, с одной стороны, отразить длительную и славную историю китайской нации. С другой стороны, неукротимость, жестокость реки должны были поднять боевой дух китайской освободительной армии, показать неукротимый дух китайского народа в борьбе с жестокими оккупантами, страдания простого народа, вложить в китайский народ веру в победу над японскими захватчиками, несмотря на их военную мощь и силу. Тем самым Сянь Синхай предпринял попытку сформировать героический образ китайского народа, что ему удалось.

Обращение к образам природы является закономерным в китайском искусстве, соотносится с душой человека, с его эмоциональным состоянием. С глубокой древности природа была созвучна человеку. Тема природы «культивировалась в течение очень длительного периода, сформировав у китайцев особый склад музыкального восприятия» [4, с. 57].

Немаловажное значение в этой задаче принадлежало и лирике Гуан Вэйчжаня. Его страстные песни вдохновляли и служили мощным идеологическим оружием в китайской войне против японских захватчиков. История написания лирического текста также интересна. В сентябре 1938 г., после падения Уханя, поэт Гуан Вэйчжань возглавил одно из подразделений третьей команды освободительной армии, действовавшей в районе Хукоу округа Ицзю провинции Ицзюнь. Переходя через реку Хуанхэ, чтобы попасть на антияпонскую базу Лулян, он стал свидетелем того, как простые лодочники на Желтой реке, сражаясь с дикими волнами, с упоением слушали песни одного из лодочников.

В январе 1939 г. им было написано стихотворение «Жёлтая река». Впервые стихотворение было прочитано на вечеринке, посвященной встрече Нового года по лунному календарю. Одним из присутствовавших на этой вечеринке был Сянь Синхай, который с большим волнением прослушал стихотворение. Позже он сказал, что хочет на эти слова положить музыку. Такова история замысла создания шедевра музыкального искусства китайского народа – кантаты «Хуанхэ». В марте того же года при свете грубой глиняной печи в Яньане в течение шести дней Сянь Синхай писал музыку к стихам. Его вдохновляла необузданная страсть реки Хуанхэ, как символ неукротимости желания сыновей и дочерей китайской нации в защите своей страны и непоколебимой веры в победу.

Кантата «Жёлтая река» состоит из восьми частей: «Трудовая попевка лодочников Хуанхэ» (黄河船夫曲), «Ода Желтой реке» (黄河颂), «Вода Хуанхэ как с неба упала» (黄河之水天上来), «Баллада о Хуанхэ» (黄河谣), «Антифон про Хуанхэ» (河边对口曲), «Желтая река в гневе» (黄河怨), «Защитим Желтую реку» (保卫黄河), «Рев Желтой реки» (怒吼吧

! 黄河).

Следует отметить, что кантата Сянь Синхая бралась за основу китайскими композиторами. Так, известный китайский композитор и пианист Инь Ченцун на основе кантаты Сянь Синхая в 1968 г. «решил создать произведение в жанре концерта для фортепиано с оркестром и чтеца» [3]. Го Хау полагает, что этому способствовало то, что Инь Ченцун был выпускником Ленинградской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, лауреатом Международного конкурса им. П.И. Чайковского (1941).

Китайские музыковеды отмечают, что в целом инструментальный, в частности, фортепианный концерт получил достаточно позднее развитие. «И это неудивительно: данный жанр являлся для китайского искусства принципиально новым (ничего похожего прежде в нем не было). Наиболее ранний из известных образцов относится к 1930 г. – фортепианный концерт Цзян Вэнье» [4, с. 4]. В музыкальной культуре Китая концерт для фортепиано с оркестром «Хуанхэ» Инь Чэнцзуна и творческой группы (Чу Ванхуа, Шэн Лихун, Сюй Фэйсин, Лю Чжуан, Ши Шучэн) стал первым. Несмотря на то, что жанр фортепианного концерта для культуры Китая был абсолютно новым, он прошел адаптацию в художественном сознании китайского общества и завоевал любовь слушателей.

В фортепианном концерте с симфоническим оркестром Инь Ченцзуна использованы только отдельные части Кантаты Сянь Синхая. Так, было выбрано лишь четыре из восьми частей, из двух были оставлены только стихи для чтеца. При этом названия выбранных четырех частей и основная тематика были сохранены. Исследователями современного музыкального искусства Китая отмечается, что, таким образом, был введен элемент театрализации и жанровый синтез. «Благодаря звучанию человеческого голоса достигается тембровый контраст, рельефно разделяющий композицию на два мощных разнохарактерных раздела» [3].

На наш взгляд, следует отметить тот факт, что в целом европейские музыкальные инструменты, такие как фортепиано, скрипка, виолончель, флейта, саксофон, гитара и другие в музыкальную культуру Китая стали проникать лишь в конце XIX в. Но уже к концу XX в. занимают ведущее место в концертной эстраде. Конечно, на формирование и развитие профессионального музыкального искусства Китая значительное влияние оказали музыкальные традиции зарубежных школ. Ван Дэцун в своей диссертации «Творчество китайских композиторов в контексте становления национального аккордеонного искусства» отмечает, что «динамика развития китайской музыки XX в. обусловлены особенностями историко-культурного развития Китая: прямым влиянием социальных и исторических процессов, поздним формированием профессиональной музыкальной школы, спецификой диалога древнейших национальных традиций с зарубежным, в частности русским, искусством» [1, с. 14].

Кантата Сянь Синхая «Хуанхэ» остается одним из значимых му-

зыкальных произведений в современной культуре Китая. Об этом свидетельствует то, что, например, 26 августа 2015 г. Государственное управление по делам печати, публикации, радио, кино и телевидения Китая проводило социологический опрос «Десять моих любимых песен о войне». В результате интернет-голосования кантата «Хуанхэ» была выбрана респондентами и вошла в десятку любимых китайцами песен о войне.

Примечания

1. Ван Дэцун. Творчество китайских композиторов в контексте становления национального аккордеонного искусства : дис. ... канд. искусствоведения. Н. Новгород, 2016. 208 с.

2. Вэй Яньгэ. Новая музыка Китая 20-40-х годов // Китайская культура 20-40-х годов и современность / ред. В. Ф. Сорокин. М. : Наука, 1993. С. 143-171.

3. Го Хау. Концерты для фортепиано с оркестром в творчестве китайских композиторов. Основные типологические черты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-education.ru/pdf/2015/2-3/265.pdf>. (дата обращения: 25.09.2018).

4. Го Хау. Эволюция концерта для фортепиано с оркестром в китайской музыке : дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2018. 161 с.

5. Овсянкина Г. П., Го Хау. Роль музыкальной семантики в тематизме китайских оркестров для фортепиано с оркестром // Научный журнал КубГАУ [Электронный ресурс]. 2017. № 134 (17). URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/77.pdf>. (дата обращения: 17.09.2018).

6. Фэн Чанчунь. Чжунго цзиньдай иньюэ сычао яньцзю (Теоретические направления современной китайской музыки). Пекин : Жэньминь иньюэ чубаньшэ, 2007. С. 91-92.

References

1. Van Detsun. Tvorchestvo kitaiskih kompositorov v kontekste stanovleniya nacionalnogo akkordeonnogo iskusstva [Creativity of the Chinese composers in the context of forming national accordion art] : dissertation thesis... candidate of History of Arts. N. Novgorod, 2016. 208 p. [In Russ.]

2. Vey Yange. Novaya musika Kitaya 20-40-x godov [The new music of China in the 20-30s // Kitaiskaya kultura 20-40-h godov i sovremennost' [Chinese culture of the 20-40s and the present] / ed. by V.F. Sorokin. M. : Nauka, 1993. P. 143-171 [In Russ.]

3. Go Khau. Koncerty dlya fortepiano s orkestrom v tvorchestve kitaiskih kompositorov. Osnovnye tipologicheskiye cherty [Concerts for the piano with the orchestra in the creativity of the Chinese composers. Major typological features] [Electronic resource]. URL: <https://www.science-education.ru/pdf/2015/2-3/265.pdf>. (25.09.2018) [In Russ.]

4. Go Khau. Evoluciya koncerta dlya fortepiano s orkestrom v kitaiskoy muzike [Evolution of the concert for the piano with the orchestra in

the Chinese music] : dissertation thesis... candidate of History of Arts, S.P. 2018. 161 p.[In Russ.]

5. Ovsyankina G.P., Go Khau. Rol' musikalnoy semantiki v tematisme kitaiskaih orkestrrov dlya fortepiano s orketsrom [The role of musical semantics in the subject matter of the Chinese orchestras for the piano with the orchestra] // Nauchny zhurnal KubGAU [Scientific journal of KubGAI] [Electronic resource]. № 134 (17). URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/77.pdf>. (17.09.2018) [In Russ.].

6. Fan Chanchun. Chungo Tsin'dai in'yue sychao yantszyu [Theoretical directions of the modern Chinese music]. Peking, 2007. PP. 91-92. (In Chin.)

Семенов Е.В.

Seменов E.V.

**ТВОРЧЕСТВО ПОЛЬСКИХ ХУДОЖНИКОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ
В 60-е гг. XIX в.: СТАНИСЛАВ ВРОНСКИЙ**

**POLISH ARTISTS CREATIVE WORK IN TRANSBAIKALIA
IN THE SECOND HALF OF XIXth CENTURY:
STANISLAW WRONSKI**

В статье рассматриваются вопросы пребывания польских политических ссыльных художников на территории Забайкалья в 60-е гг. XIX в. Автор уделяет основное внимание жизни и творчеству польского художника Станислава Вронского. На основе архивных источников и мемуарного наследия автор реконструирует основные этапы жизни Станислава Вронского в Забайкалье в 60-е гг. XIX в.

The article considers the life and activities of the Polish political exiles-artists in Transbaikalia in the 1860s. Special attention is paid to Stanislaw Wronski. On the basis of archive materials and memoirs the author reconstructs the main stages of his life in Eastern Siberia.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Забайкалье, польские художники, Станислав Вронский,

Keywords: East Siberia, Transbaikalia, polish artists, Stanislaw Wronski.

История польской ссылки в Забайкалье представлена различными аспектами деятельности польских ссыльных. Наиболее известными, несомненно, являются польские исследователи, внесшие весомый вклад в изучение природы Сибири и Забайкалья, к числу которых следует отнести Б. Дыбовского, Я. Черского, А. Чекановского, В. Годлевского и др.

Наряду с поляками-исследователями свой след в Сибири оставили польские художники, также оказавшиеся здесь не по собственной воле. К числу известных польских художников, творивших в XIX в. на территории Прибайкалья и Забайкалья, относятся: К. Рейхель, Л. Немировский, С. Вронский, Ю. Беркман и др. Жизни и деятельности К. Рейхеля и Л. Немировского посвящен ряд работ сибирских исследователей, которые достаточно подробно описывают творческую судьбу художников. В меньшей степени до настоящего времени изучена жизнь в Сибири и творчество С. Вронского и Ю. Беркмана.

Жизни и творчеству К. Рейхеля посвящена монография В.В. Гапоненко, изданная в 2009 г. Автор наиболее полно представила основные аспекты биографии К. Рейхеля до приезда его в Сибирь, причины приез-

да в Иркутск, а также рассмотрела его творческую деятельность в Кяхте. В.В. Гапоненко проработала большой массив документальных материалов, отражающих биографические сведения, ею были выявлены основные живописные полотна художника, находящиеся на хранении в ведущих российских художественных музеях [1].

Некоторые аспекты жизни и творчества польского художника Леопольда Немировского были представлены в статьях иркутского исследователя темы польской ссылки в Сибири Б.С. Шостаковича [12]. В 2010 г. был издан альбом работ Л. Немировского, находящихся на хранении в Национальном музее Польши (Варшава), Иркутском областном художественном музее им. В.П. Сукачева (Иркутск) и Национальном музее Республики Бурятия (Улан-Удэ) [8].

В рамках настоящей статьи автор хотел бы остановиться на характеристике забайкальского периода жизни и творчества одного из польских художников – Станислава Вронского.

Станислав Евгеньевич Вронский (1840 (?) – 1898 гг.) провел в Сибири большую часть своей жизни. Открытым остается вопрос о дате рождения С. Вронского. Согласно записи в партийном списке, в который был включен художник по пути следования из Иркутска в Забайкалье, в январе 1864 г. ему было 24 года. Таким образом, нами принята дата рождения художника 1840 г., которая тем не менее требует своей дальнейшей проработки. Некоторые источники указывают на 1842 и 1843 гг. [16, с. 593].

Начальный период жизни художника также слабо изучен, в польских и российских источниках практически нет информации о его детстве и юношестве. Известно лишь то, что происходил он родом из Люблинской губернии, где окончил школу и поступил в Школу изящных искусств при Варшавском университете и обучался на отделении живописи. Школа была закрыта властями в 1864 г. в связи с тем, что большинство студентов приняло активное участие в патриотических манифестациях 1860-1862 гг., а некоторая часть примкнула к восставшим в 1863 г.

По свидетельству Б. Дыбовского, хорошо знавшего художника, обучаясь живописи, С. Вронский особо увлекался рисованием пейзажей. Этот его интерес и увлечение в полной мере проявятся в Сибири, именно здесь будут созданы его самые известные пейзажные полотна.

Согласно ведомости о поведении политических преступников, датированной мартом 1864 г., С. Вронский принадлежал к дворянам неутвержденным Герольдией Российской империи.

За участие в польском восстании 1863-1864 гг. С. Вронский «по заключению Полевого аудиториата утвержденному Его Сиятельством графом Берг за злоумышленные сношения с мятежниками и участие с ними в развитии мятежа и других преступлениях лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу» сроком на десять лет [3, л. 23 об. – 24]. Представленный документ не конкретизирует род преступления, в

котором был обвинен С. Вронский и за что был приговорен к одной из самых тяжелых форм наказания.

В январе 1864 г. С. Вронский прибыл в Иркутск и оттуда, 27 января, в составе группы других польских политических ссыльных отправлен по Амурскому тракту за Байкал. Местом отбывания каторги ему был назначен Петровский железоделательный завод, куда он прибыл 2 февраля [6, л. 66].

Долгое следование по этапу и каторжные работы привели к тому, что здоровье С. Вронского пошатнулось. 15 мая 1865 г. было проведено обследование состояния здоровья ссыльного с целью снятия с него кандалов на время болезни. По заключению лекаря Петровского лазарета Станислав Вронский страдал «скорбутным поражением нижних конечностей, язвами на нижних частях обеих голеней», в связи с чем, оковы с него были сняты [6, л. 387].

Во время нахождения С. Вронского в Петровском заводе за выполняемую работу он получал казенное содержание, состоявшее из 75 коп. и двух пудов провианта в месяц [3, л. 23 об. – 24].

Помимо каторжных работ Вронский занимался и своим увлечением, продолжал рисовать и как сообщал Б. Дыбовский, обучал рисованию своего товарища по каторге Альфонса Парвекса (Parvex) [15, с. 106].

17 июня 1865 г. из Иркутска поступило распоряжение отправить из Петровского железоделательного завода в дер. Сивяково всех польских политических ссыльных, принадлежавших к привилегированному сословию. В это число вошел и Станислав Вронский, который также был выслан далее на восток [3, л. 254].

В Сивяково в 60-е гг. XIX в. было сосредоточено наибольшее количество польских политических ссыльных. Труд каторжных использовался при строительстве барж компании амурских сплавов, осуществлявшей доставку грузов на Дальний Восток по р. Амур [10].

Находясь в каторжных работах в Сивяково С. Вронский имел достаточно свободного времени для занятия творчеством, поскольку не все ссыльные поляки привлекались к работам [10, с. 346]. Многие из его работ, написанных в этот период в Сивяково, по свидетельству Б. Дыбовского были представлены в Чите [15, с. 111].

Во время одной из ревизий, когда Сивяковское тюремное помещение (официальное название тюрьмы в д. Сивяково) посетила комиссия из Забайкальского областного управления, все находящиеся там ссыльные поляки были привлечены к работе. По свидетельству Б. Дыбовского выглядело это следующим образом: «Вышло постановление, чтобы заключенные одели каторжную робу, до этого каждый одевался в то, что имел. На работы приказали выйти всем. Художникам Вронскому Коссаку, Парвексу и другим дали кисти и ведра с дёгтем, чтобы красили баржи. Графам и князьям предназначена работа, на которую хотели обратить внимание генерал-губернатора, это должно было подтверждать, что все, не-

смотря на свое предыдущее социальное положение, расцениваются тюремными властями одинаково» [15, с. 93].

16 декабря 1865 г. С. Вронский в составе группы из 53 ссыльных был отправлен в Дарасун, где к тому времени строился курорт при источниках минеральных вод [4, л. 25; 15, с. 135].

«Среди сосланных в Сибирь, Вронских было несколько, двое из них имели имя Станислав. Дарасунского Вронского обычно называли «художник». В Школе изящных искусств в Варшаве он особенно увлекался «пейзажем». Отличался карандашными рисунками – знатоки хвалили эти его рисунки как совершенные. Масляные полотна Вронского имели высокую ценность. Любил живопись любовью глубокой и горячей. Жертвенно принял решение рисовать рыб для двух моих работ «О рыбах водных систем Байкала и Амура», находясь в Дарасуне рисовал много, несколько раз был приглашен в Читу и там оформлял занавес и кулисы для городского театра. В Иркутске рисовал главные кулисы для любительского театра, Вронский страстно любил конную езду, танцы, а более всего женскую красоту» [15, с. 237].

Во время совместных путешествий с Б. Дыбовским художник делал зарисовки не только образцов флоры и фауны, рисовал пейзажи, но также фиксировал памятники истории и археологии. Во время одной из таких поездок им были сделаны рисунки памятников археологии в деревне Доронинская [15, с. 163], которые впоследствии были высланы в Варшаву проф. О.М. Ковалевскому.

Летом 1868 г. в Чите по случаю приезда генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова было устроено театрализованное представление с участием читинской интеллигенции. Специально приспособленное помещение украшалось занавесом и кулисами, украсить которые пригласили, находившегося в этот период в Дарасуне, С. Вронского. Возвращаясь к дневнику доктора Б. Дыбовского, следует привести слова современника: «Художника Вронского два раза приглашали (в Читу – Е.С.), каждый раз он возвращался богато вознагражденный, привозил с собой конфеты, шоколад, сахар, чай, туалетное мыло и различные маленькие подарки для своей стайки девчат, поскольку девушки называли его «девичий пастух». Подробно рассказывал обо всем и о том удовольствии сатрапа, которое он испытал от приема в Забайкалье» [15, с. 283].

Находясь в Забайкалье, С. Вронский познакомился и близко сошелся с золотопромышленником и предпринимателем Бутатцем, который имел собственные золотые прииски и привлекал к работе польских политических ссыльных. По свидетельству Б. Дыбовского С. Вронский часто бывал у него в гостях и нарисовал для него несколько рисунков [15, с. 174].

25 мая 1868 г. императором Александром II была объявлена амнистия польским политическим ссыльным [7, с. 648], в результате которой С. Вронский был переведен на поселение и должен был отправиться в Иркутскую губернию, где предполагалось причислить его к одной из во-

лостей [2, л. 47]. Художник решил обратиться к военному губернатору Забайкальской области Н.П. Дитмару с просьбой оставить его на поселении в Забайкалье:

«Его Превосходительству господину Военному губернатору Забайкальской области и Наказному Атаману Забайкальского казачьего войска, генерал-майору Дитмару

*Государственного поселенца
из политических преступников
Станислава Вронского*

Записка

Имею честь покорнейше просить Вашего Превосходительства об оставлении меня в здешней Области, в Читинском округе и припискою к сельскому обществу.

1868 г. июля 12 дня Дарасун

Станислав Вронский» [5, л. 67].

С подобной просьбой к губернатору обращались и польские исследователи Б. Дыбовский и В. Годлевский, планировавшие продолжить исследования флоры и фауны Забайкалья и Дальнего Востока. Но все они получили отказ и были направлены на поселение в Иркутскую губернию.

После выхода на поселение и отказа остаться в Забайкальской области С. Вронский переезжает в Иркутск, где мог найти достойный заработок. В 1871 г. ему было предложено закончить портрет Г.Р. Державина, написанный С. Тончи в 1801 г. по заказу поэта для иркутских купцов Сибиряковых. Вронским был написан фон картины, на котором художник изобразил Ангару и Иркутск [16, с. 595].

В Историческом музее г. Варшава находится на хранении фотография С. Вронского, датируемая концом 60-х гг. XIX в. и сделанная в Иркутске фотографом В.А. Диенесс [14, с. 246].

Художник часто навещал своих товарищей по каторге в Сивяково и Дарасуне Б. Дыбовского и В. Годлевского, которые проводили свои исследования на Байкале и проживали в его южной части, в Култуке. Во время таких посещений С. Вронский помогал исследователям в фиксации результатов их исследований и зарисовывал образцы флоры и фауны Байкала.

Проживая в Иркутске, С. Вронский нашел применение своему таланту и организовал художественную мастерскую совместно с другим ссыльным польским художником Юзефом Беркманом [11, с. 53].

Следует несколько слов сказать об Юзефе (Иосифе) Беркмане, который также как С. Вронский являлся участником польского восстания и был сослан в каторжные работы в Сибири, сроком на 4 года.

Каторжные работы Ю. Беркман отбывал первоначально в Домнинском тюремном помещении, впоследствии был переведен в Сивяково [4, л. 28, 84]. Забайкальский период жизни Ю. Беркмана еще недостаточно исследован. В 1866 г. был переведен на поселение и отправлен на причисление в одну из волостей Иркутской губернии. В скором времени художник переехал в Иркутск. Проживая в столице губернии Ю. Беркман,

ближе сошелся с товарищем по каторге и поселению С. Вронским. Результатом их совместного творческого союза явилось несколько совместных полотен.

В период с 28 декабря 1880 г. по 14 января 1881 г. в помещении Иркутской мужской гимназии состоялась художественная выставка, на которой были представлены карандашные и живописные работы С. Вронского и картины Ю. Беркмана [9, с. 14-15].

Во второй половине 80-х гг. XIX в. С. Вронский покинул Иркутск и переехал в Санкт-Петербург, где продолжил свое творчество. Незадолго до своей смерти переехал в Польшу. С. Вронский скончался 6 января 1898 г.

Небольшая, но очень интересная и ценная коллекция работ С. Вронского находится на хранении в ГБУК «Иркутский художественный областной музей им. В.П. Сукачева». В составе коллекции десять работ: шесть карандашных рисунков и четыре живописных полотна. Основные сюжеты полотен С. Вронского представлены пейзажами Прибайкалья и Тункинской долины, все работы характеризуются тщательной проработкой деталей, насыщенностью света, яркостью цвета. Автор живо чувствует силу и красоту природы Сибири. Его, одно из самых известных полотен, «Тунка» наполнено солнечным светом и богатством красок [13, с. 92].

В Байкальском музее Иркутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (п. Листвянка) находится на хранении десять рисунков рыб, сделанных С. Вронским во время посещения Култука по просьбе Б. Дыбовского.

Станислав Евгеньевич Вронский внес свой весомый вклад в развитие культуры и искусства Восточной Сибири, его карандашные рисунки живописные полотна заслуженно украшают собрания сибирских музеев. Несмотря на известность, творчество С. Вронского до настоящего времени не нашло своего исследователя. Многие аспекты его жизни требуют дальнейшего более полного изучения с привлечением архивных материалов Государственного архива Иркутской области и Государственного архива Забайкальского края.

Примечания:

1. Гапоненко В. В. Художник Карл Христиан Рейхель в общественной и культурной жизни России первой половины XIX в. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 219 с.

2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 867.

3. ГАЗК. Ф. 1(п). О. 1. Д. 111.

4. ГАЗК. Ф. 1 (п). Оп. 1. Д. 147.

5. ГАЗК Ф. 1 (п). Оп. 1. Д. 303.

6. ГАЗК Ф. 70. Оп. 2. Д. 199.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 43. Отделение 1. 1865 г. № 45356-46062. СПб., 1873. 939 с.

8. Путешествие по Восточной Сибири Леопольда Немировского : рисунки, литографии, акварели. Иркутск : Артиздат, 2010. 148 с.

9. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881 – 1901 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 544 с.

10. Семенов Е.В. Каторжные работы польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении в 60-е гг. XIX в. // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. А. Иванов, С. И. Кузнецов. Иркутск : Оттиск, 2017. Вып. 8 (20). С. 340-349.

11. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.

12. Шостакович Б. С. Леопольд Немировский – выдающийся представитель польской политической ссылки эпохи декабризма в Восточной Сибири (к 125-летию со дня смерти) // Современные тенденции развития полонийного движения в России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19 сент. 2008 г., г. Улан-Удэ / науч. ред. Р.И. Пшеничникова, отв. ред. Е. В. Семенов. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008. С. 4-16.

13. Яковец Р. Л. Польские художники в Сибири и о Сибири // Поляки в Бурятии. Т. 3. / сост. В. В. Соколовский. Улан-Удэ : Издат.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2000. С. 88-119.

14. Kamińska E. Polscy zesłańcy, ich droga, życie i portrety : na marginesie prac nad katalogiem fotografii syberyjskiej ze zbiorów Muzeum Historycznego m. st. Warszawa // Almanach Muzealny, 1999. № 2. С. 233-263.

15. Pamiętnik dra Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 600 с.

16. Sznytko L., Szostakowicz B., Zubrij H. Spuścizna twórcza polskich artystów w zbiorach Irkuckiego Obwodowego Muzeum Sztuki oraz w innych muzealnych i prywatnych zbiorach Irkucka // Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław : Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 2007. С. 581-609.

References

1. Gaponenko V.V. Hudozhnik Karl Hristian Rejhel' v obshchestvennoj i kul'turnoj zhizni Rossii pervoj poloviny XIX v. [Artist Karl Christian Reihel in the social and cultural life of Russia in the first half of XIX century]. – Ulan-Ude: Izd.-poligr. kompleks FGBOU VPO VSGAKI, 2009. - 219 p.

2. Gosudarstvennyj arhiv Zabajkalskogo kraja (GAZK) [The State archive of Transbaikal krai]. F. 1(o). Op. 1. D. 867.

3. GAZK. F. 1(p). Op. 1. D. 111.

4. GAZK. F. 1 (p). Op. 1. D. 147.

5. GAZK. F. 1 (p). Op. 1. D. 303.

6. GAZK. F. 70. Op. 2. D. 199.

7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of the Russian empire laws] . Sobranie 2 [Set of works 2]. T. 43[V.43]. Otdelenie 1 [Department 1]. 1865 g. № 45356-46062. SPb., 1873. 939 p.

8. Puteshestvie po Vostochnoj Sibiri Leopolda Nemirovskogo : risunki, litografii, akvareli [Leopold Nemirovski's Trip in Eastern Siberia: pictures, lithographies, water colors]. Irkutsk : Artizdat, 2010. 148 p.

9. Romanov N.S. Letopis' goroda Irkutska za 1881–1901 gg. [Irkutsk 1881–1901 Chronicle]. Irkutsk : Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1993. 544 p.

10. Semenov E.V. Katorzhnye raboty pol'skih ssyl'nyh v Sivjakovskom tjuremnom pomeshchenii v 60-e gg. XIX v. [Hard labour of Polish exiles in Sivyakovsky prison in the 1860s] // Sibirskaja ssylka [Siberian exile]: sb. nauch. st.[collection of scientific articles] / otv. red. L. M. Dameshek, A. A. Ivanov, S. I. Kuznetsov. Irkutsk , 2017. Vyp. 8 (20). P. 340-349.

11. Fatianov A.D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Painters, exhibitions, collectors of Irkutsk Province]. Irkutsk : Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1995. 192 p.

12. Shostakovich B.S. Leopold Nemirovskij – vydajushchij predstavitel' pol'skoj politicheskoj ssylki epohi dekabrizma v Vostochnoj Sibiri (k 125-letiju so dnja smerti) [Leopold Nemirovski – a prominent representative of the Polish political exile of Decembrists' period in Eastern Siberia (to 125th anniversary of his death) // Sovremennye tendencii razvitiya polonijnogo dvizhenija v Rossii [Modern tendencies in the development of Polonia movement in Russia]:

Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 19 September, 2008, g. Ulan-Ude/ nauch. red. R.I. Pshchenichnikova, otv. red. E.V.Semenov [materials of Internat. scientific-pract. conf., 19 September, 2008, Ulan-Ude]. Ulan-Ude: VSGAKI 2008. P. 4-16.

13. Yakovets R.L. Pol'skie hudozhniki v Sibiri i o Sibiri [Polish artists in Siberia and about Siberia] // Poljaki v Sibiri [Poles in Siberia] T. 3. / sost. V. V. Sokolovsky. Ulan-Ude : VSGAKI, 2000. P. 88-119.

14. Kamińska E. Polscy zesłańcy, ich droga, życie i portrety : na marginesie prac nad katalogiem fotografii syberyjskiej ze zbiorów Muzeum Historycznego m. st. Warszawa // Almanach Muzealny, 1999. № 2. C. 233-263.

15. Pamiętnik dra Dybowskiiego od roku 1862 zaczywszy do roku 1878. Lwów, 1930. 600 c.

16. Sznytko L., Szostakowicz B., Zubrij H. Spuścizna twórcza polskich artystów w zbiorach Irkuckiego Obwodowego Muzeum Sztuki oraz w innych muzealnych i prywatnych zbiorach Irkucka // Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław : Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 2007. C. 581-609.

Санжиева Е.Г.

Sazhieva Ye.G.

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХУДОЖНИКОВ И МАСТЕРОВ
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА БУРЯТИИ
1960-1970-х гг.**

**THE CREATIVE HERITAGE OF THE ARTISTS AND
MASTERS OF THE DECORATIVE AND APPLIED ARTS OF
BURYATIA IN THE 1960-70s**

В статье идёт речь о деятельности бурятских художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, произведения которых стали творческим наследием, составляют ценностную основу профессиональной культуры.

The article deals with the activities of the Buryat artists and masters of decorative and applied arts whose works have become a creative heritage that constitute the value basis of professional culture.

Ключевые слова: живопись, декоративно-прикладное искусство, творчество, аксиология, наследие, традиции, музей, профессиональная культура.

Keywords: painting, decorative and applied art, heritage, axiology, traditions, museum, professional culture.

Научная проблематика рассмотрения культурного наследия, творчества отдельных художников в контексте региональной культуры в настоящее время весьма актуальна. В рассматриваемый период наблюдался подъем художественной жизни в стране в целом и в национальных республиках в частности. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Бурятии и творчество художников и скульпторов республики 1960-1970-х гг. интенсивно развивались в условиях «оттепели» и после неё, и, в первую очередь, – живопись как основной вид изобразительного искусства. Продолжалась плодотворная работа в разных жанрах живописи (портрет, пейзаж, натюрморт, исторический, батальный, мифологический, бытовой, книжная иллюстрация, плакат), развитие скульптуры (монументальная, декоративная), применялись различные техники и материалы. Внимание художников Бурятии было обращено на современную действительность с её ценностными установками на мирное созидание, активную жизненную позицию трудящихся.

Аксиология художественного творчества 1960-1970-х гг., прежде всего, базировалась на ставших традиционными в советский период нравственно-эстетических категориях добра, любви, душевной красоты, служения долгу, Родине. Историко-революционная тематика, темы тру-

да, народного быта по-прежнему привлекали творческих деятелей и соответствовали идеологическим установкам того времени. Об этом свидетельствуют картины Г.Е. Павлова «Первый трактор» (1964), «Разговор о новой жизни» (1967); А.В. Казанского «Рыбаки Байкала» (1964). «Особенностью развития бурятской живописи в советский период следует отметить большую устойчивость художественных кадров [4, с. 21]. Творчество многих ведущих мастеров нередко продолжалось в течение нескольких исторических периодов и сопровождалось последовательной передачей творческого опыта от старших поколений к младшим.

Выпускник Московского государственного художественного института имени В.И. Сурикова, А.В. Казанский привнес в искусство Бурятии романтику «сурового стиля», уже первыми своими работами нарушив однообразие социалистического реализма. Его «Рыбаки Байкала», одно из новаторских произведений того периода, стало программным в творческой судьбе автора, воплотив правдивый образ сибирских тружеников.

А.В. Казанский в произведениях «Рассвет на Байкале» (1963), «Скала Шаман. Байкал» (1964), «Осень на Байкале» (1973); Т.А. Рудь «В высокогорной Бурятии» (1961), «В горах Бурятии» (1969), «Осенняя мозаика» (1973), «Сарлыки в горах Бурятии» (1978); Б.С. Садыков «В Саянах» (1966) отобразили присущие Забайкалью картины природы, Байкал, отроги Саянских гор, воспевая могучую притягательность и красоту родной земли.

«Сильным и многогранным в своих поисках мастером пейзажной живописи...» назвала Г.И. Баженова искусствовед С. М. Червонная. В 1963-1964 гг. он создал серию пейзажей, посвященных реке Селенге с её мощной красотой, отразивших первозданную сибирскую природу. Большое количество подготовительных этюдов художник написал, участвуя в навигациях среди речников.

В 1960-1970-е гг. с приходом новых авторов получила развитие графика в Бурятии. Она стала выразителем тех черт, которые формируют важнейшие качества художественного стиля времени открытий, прорывов человека в космосе, в атомной энергетике, литературе, театре. А.Н. Сахаровская первая в бурятском изобразительном искусстве стала профессиональным графиком, получившим специальное образование в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Её работы по-новому открыли бурятскому зрителю многомерность, монументальность мира графики, что позволяло вести зрителя во времени [3, с. 65-66]. А.Н. Сахаровская проиллюстрировала издание бурятского эпоса «Гэсэр» (1960-1962), её авторству принадлежат линогравюры «История одного улуса» (1965), литографии «История моего народа» (1968-1970), «Сурхарбан» (1971), «Моя Бурятия» (1972), серия «Мои современницы» (1968-1970).

Ее искусство с новой стороны раскрыло художественные особенности, духовную сущность советской эпохи и, что выделяло её, стало на-

циональным по содержанию. Первая персональная выставка художницы в столице вызвала интерес зрителей и профессионалов. В частности, высокую оценку дал автор статьи «Современность в графической лирике Александры Сахаровской», напечатанной в журнале «Искусство» №9 за 1974 г., В. Зименко. Проанализировав творческую деятельность художницы в целом, он подчеркнул «актуальность и пластическую ясность художественного содержания произведений, отметил «острое и новое видение мастера» [3, с. 65].

В 60-70-е гг. XX в. переживали подъем в своей деятельности известные бурятские мастера скульптуры Г.Г. Васильев, Б. Зодбоев, Э.Д. Цыденов, Б. Эккеев, М.Б. Эрдынеев. Они умело и органично сочетали в своих работах традиционные приёмы и сюжеты с современными. Интересные работы из керамики, новые для республики, создали В. Базарова, Р.Ц. Жимбиева, А.П. Хомяков.

Со второй половины 1970-х гг. впервые в профессиональном искусстве был использован в гобеленном творчестве конский волос, в прошлом служивший традиционным материалом в быту бурят. В этом большая заслуга художниц Н. Дульбиновой, С.П. Ринчиновой, Т.Н. Тиминой. С.П. Ринчинова получила патенты на свои изобретения по специальной обработке местных поделочных материалов и технологии ручного гобеленного ткачества. Её работа в этом направлении «сродни комплексному научному исследованию, результатом которого стало появление нового «типажа» в бурятском декоративно-прикладном искусстве, радующем зрителей натуральным хроматическим спектром, синкретичной связью аутентичных материалов и мотивов изображения, монументальностью композиционно-пластических решений [2, с. 90-91]. Р. Доржиева, Б. Дамбиева, Т. Дашиева, Н. Эрдынеева продолжили развитие гобеленной техники.

С.П. Ринчинова успешно продолжает преподавать в Восточно-Сибирском государственном институте культуры, она передаёт свой опыт коллегам по Союзу художников Бурятии, а также молодым мастерам из соседних республик – Якутии, Тувы.

Большую просветительскую работу среди населения проводили Союз художников БМАССР и художественный музей, ежегодно организовывая отчётные выставки работ художников, передвижные выставки в сельских районах республики. В связи со строительством Байкало-Амурской магистрали активной была работа по культурному обслуживанию её строителей представителями творческой интеллигенции. Музей организовал на 22 точках БАМа выставки: «Слава труду», «Художники на БА-Ме», «Творчество бурятских художников» и др. [1, с. 460]. Большой вклад в разработку истории живописи Бурятии, популяризацию творчества вносили искусствоведы, музейные работники, критики, работавшие в тесном контакте с Союзом художников. Особо следует отметить плодотворный труд Соктоевой И.И., автора монографий, статей, специалиста высокой квалификации.

Организаторская и исполнительская сферы творчества в советский период были направлены на пропаганду советского образа жизни, чествование знаменательных дат: 20-летия Победы в Великой Отечественной войне, 50-летия советской власти, 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Планы мероприятий Союза художников, утверждённые районными партийными органами, включали оформление интерьеров сельских домов культуры, ленинских комнат. Проведение встреч художников с рабочими, колхозниками, представителями интеллигенции, военнослужащими, студентами обеспечивало непосредственность общения творцов культуры и её потребителей.

В целом, уровень изобразительного искусства значительно вырос по сравнению с предыдущим периодом, поднялся на новую ступень развития. Оно стало своего рода лицом республики и служило действенным средством эстетического воспитания, являлось важной составляющей профессиональной культуры Бурятии, основой её дальнейшего развития. Творчество художников Бурятии выступало репрезентантом национальной идентичности, духовного содержания эпохи с насущными задачами и проблемами общества в целом и отдельно взятого человека в его повседневной, часто непростой жизни; оно обращено к страницам далёкого прошлого в эпической традиции, в нём воспета красота родной природы.

Примечания

1. Информация Совмина Бур АССР в Совмин РСФСР о культурном обслуживании строителей БАМа за 11 месяцев 1976 г. // Культурное строительство в Бурятской АССР (1917-1981) : док. и материалы. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1983. С.460. - 461.

2. Пазников О. И. Традиции и современность изобразительного искусства Бурятии : монография. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2005. 151 с.

3. Цыреннимаева Л. И. Эволюция развития темы Гэсэриады в бурятской графике // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 64-67.

4. Червонная С. М. Живопись автономных республик РСФСР (1917-1977). М. : Искусство, 1978. 208 с.

References

1. Informacija Sovmina Bur ASSR v Sovmin RSFSR o kulturnom obsluzhivanii stroitelej BAMa za 11 mesyacev 1976 g. [The information of the Council of Ministers of the Buryat ASSR to the Council of RSFSR about cultural servicing of the construction workers of BAM // Kulturnoye stroitelestvo v Buryatskoj ASSR (1917-1981) [Cultural construction in the Buryat ASSR (1917-1981)] : doc. and materials. Ulan-Ude : Buryat kn. izd-vo, 1983. P. 460-461 [In Russ.].

2. Paznikov O.I. Tradicii i sovremennost' izobrazitel'nogo iskusstva Buryatii : monografija [Traditions and present time of the fine arts of Buryatia] : monograph. Ulan-Ude: Buryat publ., 2005. 151 p.[In Russ.]

3. Tsyrennimaeva L.I. Evolucija razvitija temy Geseriady v buryatskoy grafike [The evolution of developing the theme of Geseriada in the Buryat graphics] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat state university], 2009. № 10. P. 64-67. [In Russ.]

4. Chervonnaya S.M. Zhivopis' avtonomnyh respublik RSFSR (1917-1977) [Painting of the autonomous republics of RSFSR (1917-1977)]. M.: Iskusstvo, 1978. 208 p.[In Russ.]

*Тришин В.А.**Trishin V.A.***СТАНОВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ
СТУДЕНТА-РЕЖИССЕРА В СТУДИЙНОЙ СРЕДЕ****FORMATION OF CREATIVE INDIVIDUALITY OF THE STUDENT-
DIRECTOR IN THE STUDIO ENVIRONMENT**

В статье рассматривается вопрос становления творческой индивидуальности режиссера в студийной среде. Студия, как уникальная среда, благоприятна для становления индивидуальности, формирования стиля жизни и творчества специалистов. Творческая индивидуальность развивается вместе со студийной общностью как целостный организм и проходит три этапа становления: организационный, конфликтный, формирующий. В итоге, специалист осваивает основы профессиональной деятельности в театре и опыт социальной жизни, общения в коллективе.

The article deals with the problem of forming a director's creative individuality in the studio environment. A studio with its unique environment encourages the formation of individuality, lifestyle and creativity. Creative individuality develops together with the studio community as an integral organism and goes through three stages: organizational, conflict, and forming. As a result, a learner acquires the basics of professional activity in the theater as well as the experience of social life and communication in the team.

Ключевые слова: творческая индивидуальность, режиссер, студийная общность, «студийность», нравственно-духовное, становление индивидуальности, этапы.

Keywords: creative individuality, director, studio sense of community, belonging to a studio, moral and spiritual education, individuality formation, stages.

Отечественное театральное образование России имеет много традиций. Мы гордимся *фундаментальной* подготовкой театральных кадров, полной и подробно разработанной *методологией* актерско-режиссерского обучения. Есть и традиционные *методики*, которые никоим образом не должны быть забыты. Однако мы уже вошли в систему международного сотрудничества, и отказываться от взаимообмена с западноевропейскими системами тоже было бы неосмотрительно. С интеграцией и диверсификацией отечественного и зарубежного образования появились общие проблемы. Важно не только обучение технологически грамотных специалистов, но и *воспитание уникальных, самобытных* художников сцены. Специалистов средней руки в театре уже хватает. Только путь *ин-*

дивидуального становления режиссера может стать препятствием усредненной массовой подготовки.

Одной из методик *становления творческой индивидуальности* будущих режиссеров является «студийность», заложенная в отечественный театр в начале XX в. Сегодня, почти забытая в реальном театре, она *возрождается* в новом качестве в образовании. Феномен «студийности» всегда проявляется как реакция театрального сообщества на кризис театра и действует в реальности в виде небольшой *сплоченной общности*. Таких все больше становится в вузах (Фоменко, Додин, Женовач и др.). Наши экспериментальные исследования показывают, что именно внутри студийного сообщества органично *становятся* молодые режиссеры. В новом качестве «студийность» и интересна образованию, как *благоприятная среда для становления творческой индивидуальности режиссера*.

Чтобы заострить проблему, нужно ответить на несколько общих вопросов:

- 1) Что такое индивидуальность?
- 2) Что есть творческая индивидуальность?
- 3) Как протекает процесс ее развития в жизни и в Студии?
- 4) Каковы объективные педагогические условия и закономерности становления творческой индивидуальности?

Целесообразно рассмотреть их, начиная с понятия индивидуальности.

Так, автор *теории индивидуальной психологии* Альфред Адлер рассматривал личностный рост как движение каждого индивида «от центрированности на самом себе и целей личностного превосходства к конструктивному овладению средой и к социально полезному развитию» [1]. В какой-то степени, аналогичные мысли высказывал русский ученый и религиозный мыслитель В.В. Зеньковский [7]. Он считал, что психологическое развитие молодого организма, ребенка происходит в «дуалистическом взаимодействии индивида и социума». Начиная жизнь ребенку трудно вступить в социальный мир. Поэтому игра становится важным инструментом защиты неокрепшей детской души [7, с. 48]. Как отмечали позже советские психологи, становление индивидуальности проходит не отдельно от общества и коллективов, а в ходе социализации человека в предметной деятельности, и является результатом развития природного и приобретенного, биологического и социального. То есть с *образованием новых психологических «сплавов»* (А.Н. Леонтьев) [9]. На основе психологических новообразований вырабатывается особый *стиль поведения* человека. В профессиональной деятельности, в том числе. Сегодня есть исследования, которые подтверждают, что индивидуальность проходит *несколько стадий развития* – от стадии *наивной непосредственности* (юношеский примитивный уровень индивидуальности), где еще трудно различить черты уникальности, до стадии социальной зрелости — убежденности в поведении, ясности во взглядах и в деятельности, в независимости и свободе мышления и духовного общения.

Сравнив исходные позиции советских психофизиологов В. С. Мерлина и П. В. Симонова, мы увидим, что первый ученый включает в понятие индивидуальность все подструктуры человека, от биологических и психофизиологических особенностей до социальных, собственно, личностных качеств. При этом индивидуальность – это интегрированное *свойство своеобразия* всех трех структур, в котором проявляются неповторимые черты личности конкретного человека.

Если П.В. Симонов считает, что личность является «верхним этажом» индивидуальности [11], то академик А.Г. Асмолов пишет об индивидуальности как о глубинном элементе личности [2].

Обобщая эти взгляды, можно сказать, что обсуждаемые понятия (человек, личность и индивидуальность) представляют разные аспекты индивида. *Человек* — родовую сущность; *личность* – социум и общество; а *индивидуальность* – самобытность или самость. И, конечно, индивидуальное – это незаемное, уникальное *видение индивидом себя и окружающего мира*.

Чтобы показать наш взгляд на проблему, попытаемся изложенные выше взгляды дополнить образным сравнением. Представим в своем воображении три разных индивида – *конформиста*, покорно *приспосабливающегося* к жизни; *эгоиста*, подминающего людей и жизнь под себя; *альтруиста* – человека, живущего «для людей». Первые два типа в обиходе мы не назовем индивидуальностью или личностью, так как каждый из них несовершенен с точки зрения нравственного идеала. А теперь создадим в своем воображении третий тип. Человек *самостоятельной позиции*, высоких нравственных убеждений, определившийся в жизни и в профессии, твердо стоящий на ногах. К такому типу индивидов более приемлемо употребление понятия *личность* и *индивидуальность*. И такой тип человека, на наш взгляд, более полно соответствует понятию *творческая индивидуальность*.

В отличие от конформиста или эгоиста, *творческая индивидуальность*, не «отказываясь» от собственных убеждений, достоинства, стремится к самосовершенствованию. Но, при этом, не ставит себя в позицию - выше или ниже людей. Такой тип человека наверняка вызовет у людей симпатии и предстанет в общественном и личном сознании, как олицетворение чего-то *настоящего* в жизни. Заметим, что в его *образе* кристаллизуются не только социальные черты, но и неповторимое своеобразие. Обе составляющие сливаются в едином сплаве, в *уникальном содержании* конкретного человека.

Мне кажется, что *духовное развитие является зерном* творческой индивидуальности, стартовой площадкой профессионального *становления* режиссера и гарантией для проявления всей полноты способностей человека театра. Только обретая нравственный стержень, человек становится свободным. Ибо, как писал Н. Бердяев, ощущая себя духовно свободным, можно почувствовать истинное достоинство и, наоборот, *твор-*

ческая индивидуальность способна подняться к высотам духовной свободы [3].

Потенциально духовная свобода и творческая индивидуальность даруются человеку с рождением. Но воспользоваться этими свойствами природы, а, тем самым, обрести свое истинное творческое лицо, дано не каждому. Это требует огромного напряжения: *мысли, духа, труда*. В повседневной суетной жизни *состояние духовной свободы* мы испытываем лишь в отдельные моменты, а чаще всего избегаем этих трудных ситуаций. Индивидуальностью человек становится тогда, — считают П.В. Симонов и П.М. Ершов, — когда он взрослеет и обретает определенное качество личности – *«жизни для других»* [12]. То есть, тогда, когда индивид обретает *сознание своей необходимости обществу*, причастности к коллективной и общественной жизни и, главное, своей полезности людям. Именно такой *опыт жизнедеятельности* представляет собой студийная среда. Студия и индивидуальность близки друг другу взаимной *душевной открытостью и доверием*. Ибо индивидуальность *становится* организационно и творчески вместе со Студией. Благодаря целостности Студии, каждый индивид имеет свое уникальное лицо, а все вместе студийцы делают *уникальной Студию*. В этом смысле, *целостность студийной общности* характеризуется большей сплоченностью, нежели обычный студенческий коллектив (за что Г. Бояджиев называл когда-то «Студии – сектами»). За годы обучения в Студии каждый студент имеет возможность выработать себя в новом качестве творческой и духовной свободы, приобретая импульс *«жизни для других»*. Таким образом, у него есть возможность «сделать» это отношение к людям смыслом жизни и, если хотите, образом жизни.

Но возможно ли такое *обретение* в студенчестве, ведь обучение, даже в творческом вузе, это пока *овладение* уже известным: знаниями и опытом других людей. Эмпирические наблюдения подсказывают, что невозможно. Но, если придерживаться данных точных наук, то – вполне возможно. Так, согласно синергетике, любая автономная саморазвивающаяся система самостоятельна, уникальна и потенциально *индивидуальна*. Другое дело, утратит индивид, в ходе своего развития, наметившиеся уникальные качества, или, наоборот, укрупнит и разовьет их, сделает *стержнем личности*.

Становление индивидуальности происходит как движение индивида к самому себе, но к более совершенному. Те же авторы, П. В. Симонов, П.М. Ершов, Ю.П. Вяземский, считают, что становление художника обязательно должно включать духовное развитие - воспитание *альтруизма, доброты, правды*.

Для студийных групп вопрос духовности актуализируется сразу с приходом студентов в Студию, и уже не прекращается никогда. Точнее, студийная общность *подталкивает* к активному *выбору позиции* в жизни. Этот выбор и предстоит сделать начинающим режиссерам в период учебы. Говорят, что каждый мастер пытается разглядеть в абитуриенте

не только актерско-режиссерские данные, но и личность. Для «студийного набора» решающим условием становится способность ученика к *самоотдаче и самопожертвованию*. Согласимся, что *эти качества* сугубо индивидуальные. Следовательно, уже с первых заданий педагогов и отношений студийцев друг к другу, в Студии начинается процесс развития индивидуальности.

Наше сорокалетнее экспериментальное исследование проблем обучения и воспитания режиссеров показывает, что с развитием студийных групп каждый студиец проходит несколько этапов становления творческой индивидуальности. Фактически же, выбор между *общественным* и индивидуалистическим образом жизни стоит перед студентами-режиссерами всегда, и обостряется в связи с конфликтными ситуациями в студийной группе.

На основании данных других исследователей, мы можем утверждать, что, к моменту поступления в вуз, молодые люди, в большинстве своем, расстаются с *романтическими идеалами детства* и критически относятся к жизни в целом. Поэтому система отношений и коммуникаций студентов строится на социально-ролевом поведении. И, напротив, система доверительных отношений в Студии востребует индивидуальность и глубинного духовного общения [5]. Без веры в лучшее, в идеалы, невозможно подключить к профессиональному обучению внутренние, духовные процессы. Конечно, сцена представляется вчерашним школьникам в ореоле славы и грандиозных побед, но эти грезы носят абстрактный характер — *ни для себя, ни для других*. Вопросы гуманизма, становления жизненной позиции, принципиальные для искусства и художественного творчества, остаются невостребованными. Такое поверхностное отношение молодых людей к театру, нам педагогам нужно наполнить духовным содержанием. Пониманием, что искусство, в первую очередь, это *служение*, а уже потом — мастерство, признание и успех.

Л. И. Новикова, в советскую эпоху ведущий специалист проблем воспитательного коллектива, справедливо писала, что «творческая оригинальность и общественная направленность – взаимодополняющие и взаимообусловленные качества человека» [10]. Театральная Студия предлагает молодым людям не теоретически изучать извилистую дорогу к сцене, а *жить по* законам театра. То есть, искать свой путь в нем, строить взаимоотношения со студийцами внутри Студии, и со всеми людьми за ее пределами. Как же реально осуществляется сей процесс?

Как правило, в театральном классе профессиональное обучение начинается с освоения законов *органичного поведения на сцене, как элементов мастерства*. Однако, Студия требует *органики и в жизни*. Причем, эти вопросы ставятся ею как *нравственный императив*. Студия «учит не жизни вообще», а профессионально адаптированной для сцены, умению *сознательно выстраивать отношения* с сокурсниками, с педагогами. Эти азы, неизбежные и необходимые для коллективного творчества. Игнорирование первого этапа приводит профессиональное обучение

к отрыву от нравственного воспитания, к этической неразборчивости в творчестве. А это прямой путь к внешнему результату: ремесленничеству, псевдо-новаторству, развлекательности.

Первый, *организационный этап* - это этап *духовного и эмоционального сплочения группы*. Здесь важно настроить студийцев на *самосовершенствование, на самостоятельный поиск и трудную работу*. На нем закладывается нравственный «кодекс» группы - важный признак студийного воспитания. Точно так же, как на сцене, нужно *видеть, слушать и слышать товарищей в жизни*. Пожалуй, на данном этапе, гораздо важнее, *что и как* видит студент в жизни. Заглядывает ли он в свою душу, задает ли себе «проклятые» вопросы, над которыми бьется в уединении каждый зрелый художник. *Для чего он пришел в театр? Имеет ли право заниматься искусством?*

«Органика и технология без сомнений, - считал режиссер-педагог Сулимов М.В. - неизбежно превратятся в схоластику» [13, с. 28]. В группе, где нет внутренней *духовной работы*, индивидуальность остается *не раскрытой*.

На первом, *организационном* этапе студийного воспитания главное заключается в *познании собственной природы*, в радости *узнавания*, в открытии своей индивидуальности. Мастерство педагога заключается в том, чтобы вскрыть *неповторимую логику* каждого студийца. Но какова она эта логика и как ее обнаружить? Известные режиссеры-педагоги Гончаров А.А. и Сулимов М.В. усматривали начало индивидуальности артиста и режиссера в элементарных психофизиологических проявлениях: *в «настроенности души и в восприятии»* [13]. Причем, Гончаров А.А. считал, что для воспитания навыков *органичного восприятия* можно прибегать к самым неожиданным педагогическим приемам, «вплоть до шоковых» [4, с. 391]. Об этом же пишет и мэтр современной театральной педагогики В.М. Фильштинский: «Важно *открыть* у студийца систему индивидуального восприятия на сцене и мира в целом» [14].

Парадокс взаимоотношений педагогов и студийцев заключается в том, что сам студиец не знает, и не может знать своей индивидуальности. Он «не видит ее изнутри». Во всяком случае, не знает ее бессознательных глубин. Задача педагога-мастера заключается в том, чтобы, *создав благотворную студийную среду, раскрыть ее подводные глубины*. Это доступно только по настоящему сплоченной студийной группе. Подчеркнем, что делается это не напрямую (*педагог-студиец*), а через «посредника», через *студийную общность (педагог-Студия-студиец)*. Потому что вся «интимная», подводная часть айсберга индивидуальности не терпит лобового воздействия. Впрямую можно сформировать технику режиссера и актера (умения, навыки, знания). На индивидуальность нужно воздействовать деликатно. Развивать индивидуальность можно воздействуя на душевные струны, а они, как известно, не материальны и не конкретны. *Дух и душа* - свойства внутреннего мира личности и всегда индивидуальны. Студия не может пуститься в плавание без глубокого

духовного единения студийцев. Поэтому Студия - *это особая общность, семья, дружеская компания, братство. Как этого достичь?*

В силу независимого существования Студия развивается *органично вместе со всеми студийцами*. То есть *не создается сверху*, как традиционный студенческий коллектив, а постепенно *рождается снизу*. 1) Пристальное внимание к каждому члену студийной общности. 2) Интенсивное освоение профессиональных знаний, умений и навыков в единстве с развитием личности всей Студией. Доверие и требовательность. Это двуединая задача Студии. Студийцы *«учатся»* жить и действовать по *законам коллективного творчества* и, одновременно, *сохранять свое достоинство*. В результате студийцы приобретают опыт и навык *сотрудничества* в коллективе. Студия немислима без индивидуальностей. Она *складывается* из них, точно из кирпичиков, сильна только их уникальностью и оригинальностью. А индивидуальность, в свою очередь, не мыслит себя без Студии. Эти зерна диалектического взаимодействия закладываются на первом этапе рождения Студии, на эмоциональном уровне.

Постепенно *студенческая группа формируется как психолого-педагогическая общность*, а вместе с нею утверждаются в своих первых шагах и *творческие индивидуальности* студийцев. Оказывается, что в Студии априори не может быть двух одинаковых людей. Один студиец — ленив, любит поспать, скептик в жизни. Другой - проявляет фанатичную работоспособность и преданность делу. Третий, как выяснилось, «ошибся адресом» и с ним что-то нужно делать?! Один – молчалив, застенчив, раним и длительное время трудно понять особенность его профессиональных устремлений и творческого стиля. Другой проявляет незаурядную работоспособность, и очень скоро становится лидером Студии, представляя в первых рядах ее профессиональное и творческое лицо. Но каждый индивид имеет равные права и условия для творческой реализации, а также равные права и возможности в управлении коллективом.

Второй этап студийной жизни – это неизбежные конфликты. Почувствовав силу студийного коллектива, испытав на себе роль и значение «студийной этики» для творческой жизни театра, получив первую поддержку и одобрение товарищей, вкусив, вместе с ними, радость побед, и испытав горечь поражений, студийцы не сразу адекватно оценивают новый опыт. Ибо все достигается коллективным способом и эмоциональным неосознанным путем. На первых порах сущность нового принимается как должное. Что создает почву для неожиданных проявлений, мешающих творческой учебе. Конфликты – *неизбежный спутник становления духовной общности*.

Некоторые студийцы проявляют чрезмерную свободу (дают себя знать, дремлющие в природе, эгоистические чувства). Такие студенты стремятся прямым путем (иногда, минуя коллектив), удовлетворить растущие творческие амбиции, что приводит к *деловым и межличностным конфликтам* между отдельными студийцами, или микро группами. Быва-

ет, что часть студийцев (иногда довольно внушительная) покидает Студию. Что чревато, так называемыми «расколами» Студий: студийных театров и студенческих студийных групп. Конфликты — явление весьма типичное для «студийности для саморазвивающихся социальных организмов, здесь нет спасительных законов на все случаи жизни. В Студии срабатывает главный механизм «студийности»: *личность строит себя сама*. Студия для того и существует, чтобы каждый индивид мог опробовать себя в жизни и в профессии. По-возможности, найти свой творческий стиль, проверить свой характер. Если первый этап стал мощным экзаменом для становления творческой индивидуальности каждого студийца, и для студийного коллектива в целом, то второй — опытом *труда и испытаний*. Вновь в студийцах могут взять верх конформизм или эгоизм.

От того, как поведут себя студийцы в конфликтной (а, значит, в экстремальной для Студии), ситуации, зависит будущее обоих. Но конфликты — это не только «черная полоса», но и «школа» студийной жизни. Прожить сей трудный период далеко не просто. Не каждому студийцу удастся занять *твердую позицию* в конфликте и, тем самым, *отстоять индивидуальность*. Некоторые студийцы в критические моменты для Студии отмалчиваются, подчинившись решению большинства. Другие элементарно трусят, не имея опыта выразить свое мнение в поступке. Третьи (против воли) не могут обуздать гордыню, не находят силы признать свою ошибку. У четвертых при решении споров верх берут эгоистические чувства. Например, чувство избранности, ярко выраженная потребность жить «для себя». Такие студенты, либо покидают Студию сами, либо их «уходят» по воле коллектива. Конфликты не всегда совпадают с хронологией программного обучения. Скорее, они результат развития студийной общности. В то же время, для второго этапа они типичное явление.

На протяжении второго этапа становления Студии, *творческая индивидуальность* студийцев стоит перед выбором — окончательно принять идеи общего дела, или остаться частично *независимыми и свободными индивидами*. В руководимых мною студийных группах всегда находилась некая группа студентов, не принявших нормы студийной жизни. И они имели на это полное право. Не утратить собственное лицо и поддержать устремления студийной общности — в этом, фактически, есть опыт студийной жизнедеятельности. То есть, на протяжении жизни в Студии личность учится сочетать *самоотверженную деятельность* в Студии и жизнь по своему внутреннему *индивидуальному закону*.

В контрольных (не студийных) группах студенты, как правило, не сотрудничают и не сближаются так *тесно друг с другом*. Скорее они *приспосабливаются* к общим программным требованиям обучения. Практически во всех режиссерских и актерских группах вопрос *коллективного сотрудничества* будоражит студийцев на протяжении первого и второго годов обучения.

Другой характер развития творческой индивидуальности наблюдается у студийцев, сразу принявших студийный образ жизни и следующих ему в повседневной практике. Студийцы такого типа освобождаются от противоречивой необходимости ежедневного выбора. Студия для них полностью является комфортным пространством, *вторым домом* и средой, благоприятной для творчества.

Однако длительное *погружение* личности в студийное дело на втором этапе может вызвать у некоторых студийцев тоску по былой довузовской жизни, по прежнему образу жизни. Что приводит таких студийцев к депрессии, чувству одиночества. У них просматривается другая крайность индивидуального развития. Студиец не может совершить никакого волевого акта. Лишь на короткий промежуток времени, как глоток воздуха, таким студийцам необходим перерыв от *интенсивной жизни* в Студии. Бывает, что к этому подталкивают личные или семейные обстоятельства, которые он не может придать огласке. В такие острые моменты необходимо удвоенное внимание и не только со стороны лидеров коллектива, но и со стороны всех студийцев. Можно ведь, как говорится, в горячке и «дров наломать». Именно из-за таких внутренних конфликтов молодой Ю. Завадский (по воспоминаниям Б.Е. Захавы) дважды покидал Студию и возвращался в нее [6].

Второй этап в развитии индивидуальности мы иногда называем «периодом одиночества» в *коллективе единомышленников*. Он может затянуться надолго, но в конечном счете личность делает сознательный выбор: остаться или навсегда покинуть Студию.

Но, в этом случае, выбор будет результатом обдуманной позиции. В ходе конфликтов, их разрешения, студийцы овладевают умением ладить с людьми, какими бы сложными, подчас противоречивыми, отношения в театре не казались. В перспективе, этот опыт позволит им самим руководить людьми. Так, подспудно, *студийная среда* формирует личностные качества режиссера, как *студийного лидера*. Лидер – это человек, признающий ценность каждой творческой индивидуальности, и знающий ценность собственную. Проявившиеся в Студии лидерские качества, фактически, являются прообразом режиссерских способностей, руководителя творческого объединения. Человек, прошедший студийную школу, научается дорожить людьми, чувствовать за них ответственность и принимать ответственность на себя. А это прямой путь к духовности - потребности «жить для людей» [12]. То есть, Студия воспитывает организаторские способности, через реальную коммуникацию учится делать общее полезное дело. Г.А. Товстоногов считал, что «главная черта режиссера – это сила характера».* Подчеркнем, не сила воли, а сила характера – способность доводить дело до конца и вести за собой других. В

* Архив автора. Запись творческой встречи режиссера со зрителями. СПб, 12 сентября 1989.

этом и есть нравственный стержень творческой индивидуальности режиссера.

Пройдя путь сложнейшей внутренней борьбы: от детского эгоизма к готовности отказаться от личного ради общего. Испытав на себе опыт «студийного одиночества» и неприятие индивидуалистического ЭГО на втором этапе, на третьем этапе студийцы *принимают главные ценности Студии осознанно. Человек, живущий среди людей, не может быть свободен от людей.* Студийная «школа жизни» дает личности опыт *нравственной и социальной закалки. Воспитывает чувство ответственности за другого, чувства сострадания и эмпатии.* Это - фундаментальные качества творческой индивидуальности, без которых не может быть специалиста в сфере искусства.

Третий этап мы называем *формирующим*. Хотя сомнения остаются, но идеи и чувства *альтруизма* все больше проникают в жизнь творческой индивидуальности. Правда, и они требуют регулярной подпитки. Для чего наиболее «репрезентативные» *студийные группы выпускников 1980-2000 гг.* регулярно собираются на традиционные встречи выпускников. По их признанию, такие встречи «важны для их повседневной жизни и работы». Они помогают утвердиться в правильности студийных норм, в необходимости их дальнейшей реализации в работе и в собственной жизни, в воспитании детей.

С последнего выпускного курса обучения начинается третий *ключительный этап становления творческой индивидуальности*, который длится до конца учебы (но не существования Студии) и продолжается в последующей трудовой жизни бывших студийцев. Для многих третий этап определяется уже сознательной позицией каждого студийца, которую помогли выработать первые два этапа *студийной жизни*. Результат жизнедеятельности в Студии реализуется в *художественном мышлении режиссеров*, которое с переходом в театр, продолжает развиваться. Однако *студийная молодость* остается самым важным «этапом жизни» в духовно-нравственной закалке режиссеров, становлении профессиональной деятельности и творческой индивидуальности.

Пройдя этапы творческого роста, преодолевая противоречия собственного характера, личность обретает в Студии свой *стиль жизни*, который, в сущности, и служит главным признаком индивидуальности. Для того чтобы полноценно вступить в профессиональную жизнь в театре, каждый молодой режиссер должен пройти «студийные подготовительные курсы» к профессиональной деятельности и к человеческому общению.

Студийные основы воспитания включают в себя - профессиональное обучение, овладение технологиями сценического творчества, и *духовно-нравственное становление личности*. В этом единстве заключается своеобразие *становления* творческой индивидуальности специалиста в студийной среде.

Без творческих самобытных режиссеров, без их *подвижнического служения искусству* не выживет ни один самый прогрессивный, технически оснащенный, театр. Тем более, русский. Вспомним подвижническую жизнь «Современника», «Театра на Таганке», «Мастерских» Л. Додина и П. Фоменко. Вспомним тысячи работающих ныне подвижников любительского театра, режиссеров уникального явления Народных театров и детских самодеятельных Студий при них в 1960-90 гг. Вспомним слова сторонника К.С. Станиславского (студийца по крови), О.Н. Ефремова, его призыв: «Не забывать всего ценного, что нами самими рождено...» [8].

Примечания

1. Адлер А. Теория и практика индивидуальной психологии. М., 2017.
2. Асмолов А. Г. Психология индивидуальности. Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. М., 1986. 256 с.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. СПб., 1998. С. 62-67.
4. Гончаров А. А. Подводя итоги // Мастерство режиссера. М., 2007. С. 388-398.
5. Домрачева Л. М. Формирование личностных творческих качеств студента в работе над драматургическим отрывком // Мастерство актера. Теория и практика : сб. науч. тр. М., 1985. С. 50-69.
6. Захава Б. Е. Современники: Вахтангов, Мейерхольд. М. : Искусство, 1969. С. 189.
7. Зеньковский В. В. Психология детства. М., 1996. 333 с.
8. Ефремов О. Н. Опыт пути // Станиславский К. С. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 1. М., 1999. С. 11.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 256.
10. Новикова Л. И. Теория воспитательного коллектива. М., 1985. С. 156.
11. Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. М. : Наука, 1984. С. 160.
12. Симонов П. В, Ершов П. М, Вяземский Ю. П. Происхождение духовности. М., 1989. С. 21.
13. Сулимов М. В. Режиссер: профессия и личность. М., 1991. С. 144-145.
14. Фильштинский В. М. Открытая педагогика. СПб., 2008. С. 167.

References

1. Adler A. Teorija i praktika individual'noj psihologii [Theory and practice of individual psychology]. М., 2017. [In Russ].
2. Asmolov A. G. Psihologija individual'nosti. Metodologicheskie osnovy razvitija lichnosti v istoriko-evoljucionnom ključe [Individuality

psychology. Methodological foundations of personality development in the historical-evolutionary process]. M., 1986. 256p. [In Russ].

3. Berdyaev N. A. O naznachenii cheloveka [The destiny of man]. SPb, 1998. Pp. 62-67. [In Russ].

4. Goncharov A.A. Podvodja itogi [Summing up the results] // Masterstvo rezhissjora [Director's mastery]. M., 2007. Pp. 388-398. [In Russ].

5. Domracheva L.M. Formirovanie lichnostnyh tvorcheskikh kachestv studenta v rabote nad dramaturgicheskim otryvkom [Formation of personal creative qualities of the student while working over a drama extract] // Masterstvo aktjora. Teorija i praktika: sb. nauch. tr. [Actor's mastery. Theory and practice]. M., 1985. Pp. 50-69. [In Russ].

6. Zakhava B. E. Sovremenniki: Vahtangov, Mejerhol'd [Contemporaries: Vakhtangov, Meyerhold]. M.: Iskusstvo, 1969. P. 189. [In Russ].

7. Zenkovsky V.V. Psihologija detstva [Childhood psychology]. M., 1996. 333p. [In Russ].

8. Efremov O.N. Opyt puti [Experience of a way] // Stanislavsky K.S. Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 1 [Stanislavsky K.S. A Collection of works: 9 volumes. Vol.1]. M., 1999. P. 11. [In Russ].

9. Leontiev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M., 1975. P. 256. [In Russ].

10. Novikova L.I. Teorija vospitatel'nogo kollektiva [Theory of educational group]. M., 1985. P. 156. [In Russ].

11. Simonov P.V., Ershov P.M. Temperament. Charakter. Lichnost' [Temperament. Character. Personality]. M.: Nauka, 1984. P.160.[In Russ].

12. Simonov P.V. , Ershov P.M, Vyazemsky Yu.P. Proishozhdenie duhovnosti [Origin of spirituality]. M., 1989. P. 21. [In Russ].

13. Sulimov M.V. Rezhissjor: professija i lichnost' [Director: profession and personality]. M.,1991. P.144-145.[In Russ].

14. Filshtinsky V.M. Otkrytaja pedagogika [Open pedagogics]. SPb., 2008. P. 167. [In Russ].

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.31443/2541-8874-2018-3-7-145-156

УДК 821.161.1(092)

Курас Л.В.

Kuras L.V.

ХРОНИКА ЖИЗНИ КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФА

Рец. на кн.: Комин В.В. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. По ступеням лет. Кн. 4: (1971-1975 годы) / В.В. Комин, В.П. Прищепа. – Иркутск : Принт Лайн, 2018. – 655 с.

LIFE CHRONICLE AS AN EPOCH MIRROR: REFLECTIONS OF THE HISTORIOGRAPHER

Book review: Komin V.V. The chronicles of life and creativity of Ye. A. Yevtushenko. Years by steps. Book 4: (1971-1975) / V.V. Komin, V.P. Prishchepa. – Irkutsk : Print Line, 2018. – 655 p.

В рецензии анализируется четвертая книга многотомной «Хроники жизни и творчества Е.А. Евтушенко», которая охватывает 1971-1975 гг. В работе сибирских литературоведов российский Поэт предстает как зеркало целой эпохи, который, иногда в полном одиночестве, силой поэтического слова боролся со всемирным злом. При этом в хронике предлагается не только история, но и предыстория создания многих поэтических циклов.

The review analyzes the 4th book of multivolume «The chronicles of life and creativity of Ye.A. Yevtushenko», which covers the years from 1971 to 1975. In the work of Siberian literature critics, the Russian poet is presented as a mirror of the whole epoch, who, sometimes all alone, fought with the world's evil with the power of a poetic word. Moreover, the chronicle considers not only the history, but also the background of many poetic cycles creation.

Ключевые слова: Евтушенко, хроника, поэзия как общественное явление, публицистика, оценка современников.

Keywords: Yevtushenko, chronicle, poetry as a social phenomenon, journalism, appraisal of the contemporaries.

*Если ты в меньшинстве –
и даже в единственном числе,
это не значит, что ты безумен.
Есть правда, и есть неправда,
и, если держишься правды,
Пусть наперекор всему свету, ты не безумен.*
Джорж Оруэлл

Известные сибирские литературоведы В.В. Комин¹ и В.П. Прищепа², которые, по образному выражению одного из них, «получили филологическую «прививку» Иркутского государственного университета», с завидным постоянством, «за годом – год, за часом – час», пишут хронику жизни и творчества Великого Гражданина России Евгения Александровича Евтушенко, чья поэзия еще при жизни Мэтра стала достоянием всего мира. При этом они избрали особый, причем больше исторический, нежели литературный жанр – хронику. И здесь важна не поденная, а и зачастую почасовая фиксация событий. Здесь важен показ внутреннего мира Поэта и через этот мир отражение общественного явления, имя которому – Е.А. Евтушенко. Именно поэтому серия имеет научную оценку даже не филологов, а представителей других гуманитарных наук: доктора педагогических наук Н.А. Чапоргиной [17], автора этих строк, доктора исторических наук, профессора [12], доктора психологических наук, профессора А.Д. Карнышева [5].

Конечно, узнаваемость Поэта – во многом «заслуга» советской идеологии и её рупора – официальной печати, которые загоняли «этого ортодоксального поэта в самиздат» [8, с. 3] и тем самым обеспечивали Поэту читательский успех. Но все-таки, в хронике самое важное – это сама поэзия, как явление эпохи, об успехе которой авторы говорят языком сухой статистики: «В течение изучаемого нами пятилетия в СССР на русском языке у Е.Е. вышло новых 8 изданий стихотворений и поэм, на армянском языке – 1 издание (1974 года), на молдавском – 1 издание (1975 года) плюс 28 зарубежных изданий на 14 языках: английском, немецком, испанском, итальянском, польском, финском, румынском, венгерском, сербо-хорватском, иврите, бенгальском, персидском, японском, монгольском» [8, с. 5]. По подсчетам исследователей за 15 лет (1960-1975) география зарубежных поездок Поэта составила 46 стран мира и 83 зарубежных издания, где его творчество собирало театры и стадионы. Авторы Хроники подсчитали, что Е. Евтушенко читал свои стихи в 97 странах, чем он вполне «законно гордился» [8, с. 576]. Эти факты позволил В. Ко-

¹ Комин Виталий Васильевич – журналист (г. Иркутск), член Союза журналистов России.

² Прищепа Валерий Павлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан). Автор 16 монографий, 10 из которых посвящены творчеству Е.А. Евтушенко.

мину и В. Прищепе сделать смелый, но объективный вывод: «Мир становится его сценой, а человечество – читателем и зрителем» [8, с. 6].

В своем творчестве в рассматриваемый период Поэт далек от того, чтобы описывать «тычинки и пестики» [19]. Его стихи глубоко публицистичны и гражданственны. Публицистичность и гражданственность поэзии Е. Евтушенко проявляется буквально во всем: в проблематике стихов, в эмоциональности, в твердой убежденности и в высокой степени её воздействия на человека. Советской литературной критике это нравилось далеко не всегда [14]. Так, воспитанная на традициях русской классической поэзии профессор Н.С. Тендитник так и не могла принять новые веяния и новые формы поэзии шестидесятых [13], что нисколько не умаляет ее заслуг в области литературоведения. А исследователь творчества Н. Рубцова В.Н. Бараков, окрестил Евгения Евтушенко «эстрадником», чья «вина состояла в том, что в погоне за «злостью дня» он терял вечное, непреходящее» [2]. Любопытно, что, не опускаясь до полемики с каждым из критически настроенных литературоведов, Поэт как бы походя, ответит на эти нападки. В Хронике помещен редакционный материал от 8 апреля 1972 г. в газете «Новое русское слово» (США), где в разделе «О себе и об Америке» Поэт говорит: «Я готовлю салат, как пишу стихи. Я туда кладу все, что попадается. В салат – луковицу, латук, огурцы, масло, грейпфрут, сок. В поэзию: классический стиль, народный стиль, печальные вещи, веселые вещи. Только одного правила придерживаюсь я и в отношении салата, и в отношении поэзии: все должно быть свежим» [8, с. 127].

Однако, на наш взгляд, сама дискуссия на тему «признаю – не признаю» схоластична по природе своей. Ибо российское литературоведение, как и российская историография не могут существовать сами по себе, вне пространства и времени. История и литература – это отражение того, чем живет общество, что его беспокоит. Именно на этом заостряет наше внимание литературовед В.И. Анисимов, анализируя творчество советских поэтов 60-70-х гг. XX в. вообще и Е.А. Евтушенко в частности: «В лирику Евтушенко особенно настойчиво проникает романтика самого трудного героизма – героизма будничной, массовой работы. Гигантский взрыв энергии народа, тот буквально сказочный процесс преобразования земли, происходивший тогда в стране, привлечет к себе пристальное внимание Евтушенко и других поэтов-шестидесятников». И далее «...характер и направленность нравственных исканий поэзии конца 50-х – нач. 60-х гг. были в первую очередь обусловлены теми важными явлениями и процессами, которые происходили в социально-политической жизни государства: дальнейшее развитие демократических основ» [1, с. 20]. Здесь, пожалуй, следует особо выделить гражданское мужество Поэта, о чем прекрасно сказано выдающимся ученым XX в., Нобелевским лауреатом Львом Ландау: «У него есть очень хорошие стихи, читает он их бесподобно, ну а гражданское мужество Евтушенко вызывает глубочайшее уважение... Мы все должны снять шляпу перед этим поэтом!» [3].

В Хронике 1971–1975 гг. авторы уделяют особое внимание четырем основным событиям, которые наполнили жизнь и творчество Е. Евтушенко новым смыслом и новыми стихами.

Первое в этом ряду – борьба поэта за получение визы на поездку в США и пребывание в штатах (20-е числа января – 15 апреля 1971 г.). 3 февраля 1971 г. Поэта принимают в Белом доме Президент США Р. Никсон; в беседе принимает участие госсекретарь Г. Киссинджер.

Вторым событием является поездка Поэта в сражающийся Вьетнам и создание книги «вьетнамских» стихотворений «Дорога номер один» (конец 1971 – 1972 гг.).

Депортация 13 февраля 1974 г. А. И. Солженицына и заступничество Поэта. И как результат этого демарша – запрет на выпуск новой авторской книги, отмена по ЦТ объявленного авторского вечера, а также серии передач о русской поэзии: эти события составляют содержание третьего события этого пятилетия.

И, наконец, четвертое событие – смертельно опасные путешествия Поэта и его спутников по Виллюю и Колыме в 1973 и в 1975-е гг., куда он буквально рвался, ибо Москва и московские дрязги тяготели над ним, выводили из равновесия: «...Не могу больше. Из московской карусели надо выламываться» [8, с. 467].

В четвертом томе авторы впервые представляют читателю десятки переводов статей о поэте из американской, английской, итальянской, французской, филиппинской, русской эмигрантской прессы, подчеркивая изменение отношения к Е. Евтушенко за рубежом. Все это позволяет говорить о Е. Евтушенко как о космополите. Причем, в понимании этой категории наше мнение созвучно с мнением нашего коллеги, доктора исторических наук, профессора Г.И. Чернявского, посвятившего творчеству Поэта специальное эссе «Историк-космополит Евгений Евтушенко»: «Космополит – это гражданин мира, это человек, который любит свой отчий край, ценит его прошлое, радуется его успехам и страдает, видя его недостатки и пороки. Но этот человек одновременно живет жизнью всего нашего крохотного земного шарика, интересуется событиями в самых отдаленных его уголках, сочувствует тем, кто близок ему по духу, где бы они ни находились, к какой расе или национальности они бы ни принадлежали» [18, с. 228-231]. Тем самым, космополитизм Е. Евтушенко – это, прежде всего, сопричастность и сопереживание. Именно в этом плане о нем пишет литературный критик О. Кравцова: «Советское литературоведение в своих отзывах никогда не упоминало и не могло упоминать, что творчество Е. Евтушенко – «это горячее чувство сопереживания, справедливости и доброты к людям», которое «имеет в своих нравственных основаниях, прежде всего, христианскую направленность» [11].

Говоря о Хронике, следует подчеркнуть, что начало 1970-х гг. характеризуется усилением холодной войны между США и СССР и американские власти, «обласкивая» Поэта, ожидали от него открыто оппозиционных вступлений против власти Советской и ее правителей. Но Е. Евту-

шенко не оправдал их ожиданий и тогда американская пресса начинает клеймить Поэта и его позицию якобы двурушника, пытающегося усидеть сразу на двух стульях. Убедителен в этом отношении пример со статьей «Печальный случай Евгения Евтушенко» влиятельного англо-американского журналиста, историка и писателя, автора двухтомника «Большой террор» [9], переведенного на русский язык, Роберта Конквеста, опубликованной 30 сентября 1973 г. в «Нью-Йорк таймс». Авторы Хроники абсолютно достоверно приводят полный текст этой пространной статьи, в которой Е. Евтушенко обвиняется в трусости и конформизме [8, с. 320–338]. Советские руководители, напротив, хотели, чтобы Поэт был абсолютно советским поэтом. Советским поэтом после Пражских событий 1968 г., которые по выражению Е. Евтушенко «кроваво слились» с убийством Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, он быть уже не мог [8, с. 223].

Вообще же это была драма Поэта и всего поколения, которое вдохнуло полной грудью свежий воздух «оттепели». В диссертационном исследовании, посвященном творческим поискам Евгения Евтушенко, В.П. Прищепа пишет: «Е.А. Евтушенко, провозгласивший «от века своего свободным быть позорно», оказывается в эти десятилетия заложником и «жертвой» сказанного. Находясь всегда внутри основных общественных движений, он закономерным образом вобрал в себя всевозможные промахи и ошибки времени, из одной иллюзии бросаясь в другую, еще более сомнительного свойства, что не могло не стать предметом для нападок то «слева», то «справа». Поэт сыскал себе в эти годы не только добрую, но и дурную славу» [16, с. 4]. И как результат – Евгений Евтушенко оказывается мишенью, по которой ведут «огонь на поражение» и «наши» и «не наши», то есть советские и американские идеологи и политики. Мировая известность, не поддающегося обычным определениям Поэта, в начале 1970-х гг. вызывает уже не злобу, а ненависть со стороны как бывших соотечественников, так и со стороны американских советологов. Тем самым авторы очередного тома вышли далеко за пределы просто хроники специалистов-филологов, а через судьбу Е. Евтушенко показали хронику холодной войны, которая касалась, не только гонки вооружений. Это была ожесточенная пропагандистская гонка и в науке, и в культуре, и в спорте, на острие которой оказался Евгений Александрович. И эта гонка, как застаревшая рана, постоянно напоминала о себе. Так, в 2012 г. в интервью Николаю Зимину, рассказывая о своих давнишних отношениях с американской девушкой, он назвал их отношениями «Ромео и Джульетты холодной войны» [4].

Ситуация с Е. Евтушенко после насильственной высылки А.И. Солженицына за пределы страны, резко обострилась. Дело в том, что 12 февраля, вечером, узнав об аресте Великого Лагерника, Е. Евтушенко выразил свой протест против высылки А.И. Солженицына в телефонном разговоре с Председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым [8, с. 382]. Затем он отправил телеграмму протеста Генеральному секретарю ЦК

КПСС Л. И. Брежневу [8, с. 382], а 16 февраля написал знаменитое «Письмо советским телерадиослушателям», которое 18 февраля 1974 г. было напечатано в итальянской газете «Иль Джорно» [8, с. 383–387]. Санкции советских властей последовали незамедлительно: кроме запрета на издание новой книги и отмены телевизионного показа авторского вечера по ЦТ, Поэта прорабатывали на экстренном собрании Союза писателей СССР и Московской писательской организации, Пленуме Московской писательской организации и т. д. [8, с. 398 – 399]. На этих же страницах авторы Хроники поместили «Открытое письмо» Е. Евтушенко, адресованное «советским друзьям» в связи с высылкой А.И. Солженицына.

Весь этот тотальный идеологический пресс, обрушившийся на Поэта, но сокрытый от общественности, сегодня стал достоянием научной общественности благодаря именно Хронике В. Комина и В. Прищепы.

Абстрагируясь от политической составляющей «Ступеней лет» хочется привести одно наблюдение возрастного человека, навеянное Хроникой.

Я остро переживаю за то, что новое поколение перестало читать. Интернет отбил и желание, и саму возможность чтения мировой классики, а школьная программа больше похожа на обрезки с вечернего пиршества, которые утром пойдут на солянку. И в этой связи просто завораживает сюжет, нашедший отражение в работе исследователей, который характеризует нашу страну эпохи 70-х гг., как самую читающую.

«28 августа 1975 г. Ния-Грузинская (БАМ). Посещение палаточного поселка, который строят грузины.

- Вы откуда? – спрашивает Евтушенко.

- Я из Кахетии... тот из Сванетии... этот из Имерети.

- Без кинзы как живете?

- Почему, дарагой? Привезли с собой. Кинза, базилик, шафран...

Все есть! А под ногами черемша!

- Ну, а книги?

- Табидзе есть... Пшавела... Думбадзе!» [8, с. 504].

Вот это и есть хроника жизни времен советской власти как зеркало эпохи.

Конечно, составители Хроники – продукт своего времени: они впитали в себя дух холодной войны и объективно, и под воздействием творчества Е. Евтушенко. И потому 4-й том пронизан политическими коллизиями. Но, тем не менее, может быть, не подозревая того, они подошли к принципиально новой проблеме – истории повседневности как направлению исторического исследования. В философском смысле сама обыденность – это «природно-телесное и лично-общественное бытие/поведение человека, необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности» [6, с. 22]. В этом плане хочется особо выделить сюжет статьи ленинградского критика А. Урбана, характеризующего творчество Е. Евтушенко, которое авторы, вслед за А. Урбаном, почему-то включили в разряд «лирического эпоса»: «Я думаю,

что если через 50-100 лет кому-нибудь понадобится свод самых непосредственных, ежедневных признаков нашего быта и обихода, понадобятся конкретные детали праздников, житейских неурядиц, спортивных увлечений, коммунальных неудобств, очерки характерных судеб, слова, которые выкрикиваются с трибун и произносятся шепотом, поются в песне и употребляются в приятельском разговоре, имена кинокумиров, чемпионов,, марки вин, женские и мужские моды, распространенные темы дискуссий и бог весть еще что, если понадобится все это, ни к чему будет лезть в словари, справочники, подшивки старых газет – достаточно взять сборники стихотворений Евтушенко, где окажется самая подробная, точная и к тому же выразительная информация. В сущности, это убедительный признак лирического эпоса, лирического современника» [8, с. 506].

И еще один сюжет, который в силу жанровых особенностей Хроники, не предполагает анализа, а лишь скрупулезную фиксацию. Это – мифы и мифов этих, созданных самим Поэтом, не мало. В одном из интервью В.В. Комин сказал: «Начнем с того, что мы развенчали миф самого Евтушенко, который он создал в стихах: «Откуда родом я? Я с некоей сибирской станции Зима». Мы впервые сказали людям, что в архивах Нижнеудинского ЗАГСа хранится свидетельство о рождении будущего поэта, и родился он в 1932 году, а не в 1933-м. А в Зиму его вскоре привезли, поэтому он себя и связывает именно с этим местом. Оно стало его поэтической столицей, поскольку позднее он все время подчеркивал, что черпал вдохновение именно там. Ведь он приезжал в Зиму, когда ему было или очень хорошо – на пике успеха, или очень плохо, когда его все осуждали» [15]. Таким же мифом является сюжет «о молочной матери» бурятке, озвученный Поэтом в воспоминаниях о своем друге и однокурснике Даширабдане Батожабае [10]. В.В. Комин и В.П. Прищепа в первой книге Хроники, со ссылкой на Л.И. Шинкарева¹, приводят схожий сюжет о «молочной матери» якутке. А «... годы спустя, уже в Монголии, он [Евтушенко] обидится на меня, когда... я при всех спрошу его насчет монгольской кормилицы...». И далее о Е. Евтушенко со ссылкой на Л.И. Шинкарева: «А в Казахстане я в 14 лет заработал в геологической партии первые деньги и купил пишущую машинку. Для меня эта республика тоже в какой-то степени мать-кормилица, и в казахской семье, возможно, я говорил, что меня вспоила грудью казашка. Так могло быть на Украине, в Белоруссии, Грузии... Метафорически говоря, меня действительно подкармливали матери всех республик...» [7, с. 10 – 11]. Именно в Хронике авторы смогли раскрыть суть и причины мифотворчества Поэта. Так, В. Комин и В. Прищепа дословно воспроизводят встречу Е. Евтушенко и Л. Шинкарева, состоявшуюся 16 мая 1975 г. в ресторане «Арагви», публи-

¹ Шинкарев Леонид Иосифович – российский журналист, писатель, путешественник. В 2006 г. Союз журналистов России присвоил Леониду Шинкареву почётное звание «Легенда российской журналистики».

куемую по воспоминаниям последнего: «Женя – неистощимый придумщик ситуаций, в которые ему хотелось бы попадать, и после самой мысли, пришедшей в голову и однажды в каком-то разговоре им озвученной, он будет искренне верить, что все так и было, и будет повторять историю с новыми, похожими на правду деталями с такой убежденностью, что скорее усомнишься в своей памяти, нежели в правдивости его слов... Параллельный мир бурлит в нем постоянно, и трудно сказать, какой, реальный или придуманный, в этот момент одержит верх» [8, с. 466 – 467]. Не берусь судить хорошо этот или плохо. Но тот факт, что Поэту удалось сохранить это удивительное качество, свойственное только детям, позволяет хоть как-то объяснить наличие у него Божьего дара. И в подтверждении нашей версии мы вновь обратимся к «путешественным запискам» Л.И. Шинкарева о Евгении Евтушенко, сюжет из которых приведен в Книге первой Хроники: «Я никогда не был лжецом, ... но всегда оставался фантазером, может быть поэтому и стал писателем. Ведь фантазия – это часто то, что не может осуществиться в жизни, но тебе очень хочется, чтобы оно стало реальностью» [7, с. 23].

Основной корпус источников, использованный в Хронике В.В. Коминым и В.П. Прищепой, составляют сведения библиографического характера, почерпнутые из отечественных и зарубежных изданий. Эта важная составляющая четвертой книги Хроники привлекательна тем, что авторы делают роспись всех русских изданий (их 8), а также основных зарубежных (их 28). Причем, нигде и никогда ранее эти библиографические данные опубликованы не были. Собрать их воедино и достойно представить читателю – дело не простое даже для профессионалов-евтушенковедов.

Следует отметить, что авторы Хроники овладели всеми приемами классической научной библиографии, которая представлена дополнениями и указателями: указатель стихотворений и поэм Е.А. Евтушенко [8, с. 600-619]; указатель переводов Е.А. Евтушенко [8, с. 620-623]; указатель рассказов, сценариев, статей, рецензий, отзывов, выступлений, писем Е.А. Евтушенко, интервью [8, с. 624-625]; календарь выступлений [8, с. 626-628]; указатель неопубликованных и опубликованных авторских книг Е.А. Евтушенко 1971-1975 гг. в СССР и за рубежом (на русском и иностранных языках) [8, с. 629-631]; указатель имен [8, с. 632-647], хронологический указатель мест пребывания [8, с. 648]; список условных сокращений [с. 649]; краткий список использованных материалов [8, с. 650]. Хотелось бы порекомендовать исследователям в последующих томах, ввести в оборот еще один указатель – топографический, в котором издания трудов Поэта будут собраны под наименованием городов, в которых они выходили в свет. Это позволит расширить горизонты географии творчества Евгения Евтушенко в восприятии читателя.

В четвертом томе, как и предыдущих томах, авторы вновь вводят раздел «Отступление от хроники лет», который на этот раз включает материалы, относящиеся к скорбным дням прощания в апреле 2017 г. с

ушедшим из жизни Поэтом и его похоронами в Переделкино. В этой части книги интервью с мэром поэтической родины Поэта А. Н. Коноваловым соседствует с дневниковыми записями друга Е. Евтушенко, знаменитого якутского геолога Георгия Балакшина и с рассказом «Прощание» брянского писателя Евгения Потупова, в котором дан панорамный обзор о прощании страны со своим великим Поэтом. Эти материалы выражают глубокую боль утраты. Раздел проиллюстрирован коллективными фотографиями прощания родных и близких, друзей, политических и общественных деятелей России.

Среди фотографий, рассказывающих о прощании с Поэтом в храме Святого благоверного князя Игоря Черниговского в Переделкино и в ЦДЛ 10 и 11 апреля 2017 г., выделяется снимок министра обороны России Сергея Кужугетовича Шойгу, возложившего букет сибирского багульника к гробу Е. Евтушенко. У этой фотографии имеется предыстория. С.К. Шойгу и Поэт познакомились и подружились в 2015 г., когда Евгений Евтушенко, находившийся в Ростове-на-Дону, потерял сознание на сцене и экстренно был доставлен самолетом в Москву. Об этом было доложено министру обороны, который распорядился поместить Поэта в госпиталь военного ведомства под контроль лучших кардиологов. Именно здесь Е. А. Евтушенко и был поставлен кардиостимулятор. Своевременное вмешательство министра и работа врачей помогли Поэту подняться с больничной койки и продлить жизнь почти на полтора года. Вскоре С. К. Шойгу пригласил Поэта выступить перед Генеральным штабом Вооруженных сил России...

Хочется поздравить авторов очередного тома Хроники с новым успехом и завершить раздумья историографа «По ступеням лет» словами самих же авторов 4-го тома: «Прошел год со времени ухода Евгения Евтушенко, а ощущение неразгаданности – кем он был и остался для всех нас – продолжает существовать и укрепляться... Нам кажется, что загадка ушла в вечность» [8, с. 11].

Примечания

1. Анисимов В. И. Поэзия правды и мечты. Нравственные искания в творчестве советских поэтов 60-70-х гг. М. : Просвещение, 1982. 112 с.

2. Бараков В. Н. «Почвенные» направления в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция. Волгоград : Русь, 2004. 268 с.

3. Евтушенко Е. А. Не умею прощаться : стихотворения, поэмы. М. : Эко, 2016. 768 с.

4. Зимин Н. Шестидесятник // Итоги. 2012. 29 мая.

5. Карнышев А. Д. Он остался не только стихами... // Областная газета. Иркутск, 2017. 17 окт. Рец. на кн.: Комин В.В., Прищепа В.П. По ступеням лет. Хроника жизни и творчества Е.А. По ступеням лет. Кн. 3: (1966-1970). Иркутск : Принт Лайн, 2017. 608 с.

6. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 432 с.

7. Комин В. В., Прищепа В. П. По ступеням лет. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. По ступеням лет. Кн. 1 (1932-1962). Иркутск : Принт Лайн, 2015. 510 с.

8. Комин В. В., Прищепа В.П. По ступеням лет. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. Кн. 4: (1971-1975 годы). Иркутск : Принт Лайн, 2018. 655 с.

9. Конквест Р. Большой террор: в 2 т. / пер. с англ. Л. Владимирова. Лондон : Ракстниекс, 1991.

10. Кормилицей Евтушенко была бурятка // Газета РБ [Электронный ресурс]. 2015. 26 июня. URL: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-412271/>

11. Кравцова О. Евгений Евтушенко: первые шаги в большую поэзию // Север. 2012. № 11-12.

12. Курас Л. В. Хроника как память коротких событий // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2017. С. 522-529. Рец. на кн.: Комин В.В., Прищепа В.П. По ступеням лет. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко По ступеням лет. Кн. 2: (1963-1965). Иркутск : Принт Лайн, 2016. 567 с.

13. Михеева С. Евтушенко не оценили по достоинству (интервью с В. Коминым) // Номер один. Иркутск, 2017. 6 апр. (№ 13).

14. Озеров Л. Вопросы литературы: краткий трактат о яблоке [к проблеме самобытности стиха, на примере поэтического творчества Е. Евтушенко] // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 95-109.

15. Орлова Е. «По ступеням лет» Евгения Евтушенко // Областная газета. Иркутск, 2017. 26 июля.

16. Прищепа В. П. Парадигма идейно-эстетических поисков Е.А. Евтушенко (1949-1998 гг.) : автореф. дис. д-ра. филолог. наук. М., 1999. 49 с.

17. Чапоргина Н. А. Страницы лет перебирая... // Областная газета. Иркутск, 2015. 16 окт. Рец. на кн.: Комин В.В., Прищепа В.П. По ступеням лет. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко По ступеням лет. Кн. 1 (1932-1962). Иркутск : Принт Лайн, 2015. 510 с.

18. Чернявский Г. И. Историк-космополит Евгений Евтушенко // Каскад (Балтимор). 2005. 24 дек. – 7 янв.; 14-28 янв.; 28 янв.-25 февр.

19. Школьников С. Тычинка и пестик. URL: <https://www.instagram.com/p/VMdc66BLdl/>

References

1. Anisimov V. I. Poezija pravdy i mechty. Nравstvennyje iskanija v tvorcestve sovetskih poetov [The poetry of truth and dreams. Moral pursuits in the works of the Soviet poets of the 1960-1970s. М : Prosveshchenije, 1982. 112 p. [In Russ.].

2. Barakov V. N. "Pochvennyje" napravlenija v russoj poezii vtoroj poloviny XX veka: tipologija i evolucija ["Soil" trends in the Russian poetry of the second half of the XX century: typology and evolution. Volgograd: Russia, 2004. 268 p. [In Russ.].

3. Yevtushenko Ye. Ne umeju proshchat'sya: stikhotvoreniya, poemny [I can not say goodbye: verses, poems. M.: Eco, 2016. 768 p. [In Russ.].

4. Zimin N. Shestidesyatnik [Sixties] // Itogi [Overall results]. 2012. May 29. [In Russ.].

5. Karnyshev A. D. On ostalsya ne tol'ko stikhami [He remained not only in poetry // Oblastnaja gazeta [The regional newspaper]. Irkutsk, 2017. 17 Oct. Book review: Komin V. V., Prishchepa V. P. Po stupenyam let. Khronika zhizni i tvorchestva Ye. A. Yevtushenko [Years by steps. The chronicle of life and creativity of Ye.A. Yevtushenko. Years by steps. Book 3: (1966-1970). Irkutsk: Print Line, 2017. 608 p. [In Russ.].

6. Kasavin I. T., Shchhavelev S. P. Analiz povsednevnosti [Analysis of everyday life]. M. : Kanon+, 2004. 432 p. [In Russ.].

7. Komin V. V., Prishchepa V. P. Po stupenyam let. Khronika zhizni i tvorchestva Ye.A. Yevtushenko [Years by steps. The chronicle of life and creativity of Ye.A. Yevtushenko]. Years by steps. Book 1 (1932-1962). Irkutsk: Print Line, 2015. 510 p.[In Russ.]

8. Komin V. V., Prishchepa V. P. Po stupenyam let. Khronika zhizni i tvorchestva Ye.A. Yevtushenko [Years by steps. The chronicle of life and creativity of Ye.A. Yevtushenko]. Book 4: (1971-1975). Irkutsk: Print Line, 2018. 655 p. [In Russ.].

9. Conquest, R. Bol'shoj terror [The great terror]: in 2 vol. / transl. from Eng. by L. Vladimirova. London: Rakstnieks, 1991. [In Russ.].

10. Kormilicej Yevtushenko byla buryatka [Yevtushenko's nurse was a Buryat] // Gazeta RB [Newspaper of the Republic of Buryatia]. URL: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-412271/> (26.06.2015). [In Russ.].

11. Kravcova O. Yevgenij Yevtushenko: pervyje shagi v bol'shuju poeziju [Yevgenij Yevtushenko: the first steps in the great poetry] // Sever [The North]. 2012. № 11-12. [In Russ.].

12. Kuras L. V. Khronika kak pamyat' korotkih sobytij [Chronicle as a memory of short events] // Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik [Irkutsk historical and economic yearbook]. 2017. P. 522-529. Book review: Komin V. V., Prishchepa V. P. Po stupenyam let. Khronika zhizni i tvorchestva Ye.A. Yevtushenko [Years by steps. The chronicle of life and creativity of Ye.A. Yevtushenko. Years by steps. Book 2: (1963-1965). Irkutsk: Print Line, 2016. 567 p. [In Russ.].

13. Mikheeva S. Yevtushenko ne ocenili po dostoinstvu (intervju s V. Kominym) [Yevtushenko was not appreciated (interview with V. Komin)] // Nomer 1 [Number one]. Irkutsk, 2017. 6 April (No. 13). [In Russ.].

14. Ozerov L. Voprosy literatury: kratkij traktat o jabloke (k probleme samobytnosti stikha, na primere poeticheskogo tvorchestva Ye. Yevtushenko)

[Literature issues: a brief treatise on the apple (to the problem of the verse originality, the poetic works of Yevtushenko as an example)] // Voprosy literatury [Literature issues]. 1968. No. 2. P. 95-109. [In Russ.].

15. Orlova E. "Po stupenyam let" Yevgenija Yevtushenko ["Years by steps" of Yevgeny Yevtushenko] // Oblastnaja gazeta [Regional newspaper]. Irkutsk, 2017. July 26. [In Russ.].

16. Prishchepa V. P. Paradigma idejno-esteticheskikh poiskov Ye.A. Yevtushenko (1949-1998 gg.): avtoref. dis. ... d-ra. filolog. nauk [Paradigm of ideological and aesthetic search of Ye.A. Yevtushenko (1949-1998)]: dissertation thesis ... doctor of Philology]. M., 1999. 49 p. [In Russ.].

17. Chaporgina N. A. Stranicy let perebiraja ... [Turning pages of years over ...] // Oblastnaja gazeta [Regional newspaper]. Irkutsk, 2015. 16 Oct. Book review: Komin V. V., Prishchepa V. P. Po stupenyam let. Khronika zhizni i tvorchestva Ye.A. Yevtushenko [Years by steps. The chronicle of life and creativity of Ye.A. Yevtushenko. Years by steps. Book 1 (1932-1962). Irkutsk: Print Line, 2015. 510 p. [In Russ.].

18. Chernyavskij G. I. Istorik-kosmopolit Yevgenij Yevtushenko [Historian-cosmopolitan Yevgenij Yevtushenko // Kaskad (Baltimor) [Cascade (Baltimore)]. 2005. Dec 24. - Jan 7.; 14-28 January.; 28 Jan.-February 25. [In Russ.].

19. Shkol'nikov S. Tychinka i pestik [Stamen and pistil]. URL: <https://www.instagram.com/p/BMdc66BLdl/> [In Russ.].

Керин Д.В.

Kerin D.V.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
БЕЛОУСОВА Н. А., БОГОЛЕПОВА Л. З. МУЗЕИ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ :
МОНОГРАФИЯ. КЕМЕРОВО, 2016. 415 с.**

**MONOGRAPH REVIEW:
BELOUSOVA N. A., BOGOLEPOVA L. Z. MUSEUMS OF
HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF SOUTH WESTERN
SIBERIA: MONOGRAPH. KEMEROVO, 2016. 415 p.**

Монография музееведов Н. А. Белоусовой и Л. З. Боголеповой (Музей «Археология, этнография и экология Сибири», Кемеровский государственный университет) впервые комплексно рассматривает историю развития музеев высших учебных заведений и музеев истории в этом регионе. Книга представляет интерес не только для узкого круга специалистов, но и широкой аудитории, интересующихся проблемами истории музеологии и музейного дела Сибири. Монография может быть с успехом использована в педагогическом процессе при чтении специальных курсов по музеологии, истории науки и истории педагогике.

The monograph by the museologists N. A. Belousova and L. Z. Bogolepova (The Museum “Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia” of Kemerovo State University) comprehensively examines the history and development of university museums and museums of history in this region for the first time. The book is of interest not only to the specialists in museology but also to the general public interested in the history of Siberian museology. The monograph can be successfully used both in teaching special courses on museology, history of science and history of pedagogics.

Ключевые слова: музей, музеология, музейная работа, педагогика, высшее учебное заведение.

Keywords: museum, museology, museum work, pedagogics, higher educational institution.

Развитие музееведения в современном социокультурном пространстве невозможно без соответствующей учебно-методической базы, являющейся составной частью деятельности музеев разного профиля, функционирующих в высших учебных заведениях. Именно эти музеи играют первостепенную роль при подготовке профессиональных кадров в области музееведения и памятниковедения.

Этой теме и посвящено первое фундаментальное монографическое исследование в Сибирском регионе музееведов Наталии Александр-

ровны Белоусовой и Людмилы Захаровны Боголеповой. В основу книги легли материалы диссертационных работ авторов [1; 2].

Монография является своеобразным итогом многолетних изысканий исследователей и раскрывает комплексно историю возникновения, развития и перспектив дальнейшего функционирования как музеев высших учебных заведений, так и музеев истории этих учреждений.

Несомненным достоинством книги является ее четко продуманная структура и академический характер изложения поданного материала.

Монография состоит из введения, трех глав: глава 1 «Концептуальные основания и культурно-исторические предпосылки становления и развития музеев высших учебных заведений юга Западной Сибири» (с. 20 – 46), глава 2 «Музеи высших учебных заведений юга Западной Сибири в социокультурном пространстве вуза» (с. 47 – 139), глава 3 «Музеи высших учебных юга Западной Сибири в системе сохранения и освоения историко-культурного и природного наследия в конце XX – начале XXI вв.» (с. 192 – 242), тематически поделенных на разделы, заключения, литературы (375 позиций), словаря, включающего глоссарий музееведческих терминов (32 позиции), списка сокращений, а также иллюстративных приложений.

Авторами проанализирована деятельность 75 государственных музеев, которые по профилю разделены на естественнонаучные и исторические музеи (в эту группу исследователи отнесли музеи истории вузов).

Н. А. Белоусова и Л. З. Боголепова аргументировано различают этапы в истории музеев вузов и музеев истории вузов. В этой связи, они указывают, что возникновение музеев было тесно связано с освоением края и открытием в 1880 г. первого высшего учебного заведения – университета в г. Томске. Так, исходя из контекста (с. 27-38), история музеев вузов включает следующие этапы; I – конец XIX в. – начало XX в.; II – 1920-е гг. – 1940-е гг. (Авторы предложили назвать его «государственным»); III – 1946 г. – 1960-е гг.; IV – 1970-е гг. – начало 1990-х гг.; V – середина 1990-х гг. – настоящее время.

В то же время в заключении (с. 243-251) авторы второй этап «государственный» в хронологическом диапазоне распространяют до 1970-х гг.

Периодизация музеев истории вузов для Сибирского региона включает три этапа: I – конец 1960-х гг. – начало 1980-х гг.; II – начало 1980-х гг. – середина 1990-х гг.; III – конец 1990-х гг. – настоящее время (с. 38-46).

Как выделенным этапам истории музеев вузов, так и этапам музеев истории даны убедительные характеристики. Исследователи показали вклад интеллигенции, чиновников, общественности в становление музеев вузов.

В этой связи представляет интерес деятельность выдающегося украинского ученого Николая Феофановича Кашенко (1855-1935), биолога,

эмбриолога, зоолога, академика Украинской Академии Наук, основателя в 1919 г. и первого директора Зоологического музея (1919-1926) АН УССР. Отметим, что в Украине были защищены два диссертационных исследования, рассматривающие научную и общественную деятельность Н. Ф. Кащенко, в которых также уделено внимание его вкладу в развитие высшего образования в Томском университете и организацию Зоологического музея при кафедре зоологии и сравнительной анатомии медицинского факультета, которую он возглавлял с 1888 г. по 1912 г., а также в 1894-1895 гг. был ректором университета [3; 4; 5].

Большую практическую ценность для сотрудников музеев представляют соответствующие подразделы третьей главы: 3.1. «Научно-фондовая работа в музеях высших учебных заведений в условиях современности» (с. 194-216) и подраздел 3.2. «Актуализация историко-культурного и природного наследия музеев высших учебных заведений» (с. 216-233). Эти подразделы можно считать своеобразными методическими рекомендациями по организации научно-фондовой, научно-исследовательской и экспозиционной работы музеев.

Впервые в музееведении Н. А. Белоусова и Л. З. Боголепова предложили в научно-фондовой работе использовать достижения просопографии.

Во втором подразделе крупным планом показана деятельность и достижения в разработке компьютерной базы данных и описанию коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

Подраздел 3.2. «Место вузовских музеев и центров подготовки специалистов по музееведению в социокультурном пространстве региона» (с. 233-242) знакомит читателей с особенностями учебного процесса в вузах региона, где готовятся будущие специалисты-музеееды.

Иллюстративный материал, в частности фотографии экспозиций дают представление о способах и методах организации музейного пространства.

Полагаем, что название «Литература» (с. 252-275) не совсем удачно, т.к. этот структурный элемент книги включает не только собственно опубликованные источники, но и архивные и интернет-ресурсы. Целесообразно было бы его назвать «Источники и литература».

Но, это замечание ни в коей мере не снижает впечатления от предложенного учеными исследования.

Таким образом, монография Н. А. Белоусовой и Л. З. Боголеповой впервые показывает роль музейной педагогики в деятельности музеев Сибири, раскрывает малоизвестные и неизвестные страницы истории музеев высших учебных заведений.

Книга может быть с успехом использована и как своеобразное учебное пособие не только при чтении спецкурсов по музееведению и памятниковедению, но и по истории науки и истории педагогики.

Примечания

1. Белоусова Н. А. Музеи в системе высшего образования Западной Сибири : автореф. дис. ...канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2009. 20 с.

2. Боголепова Л. З. Фондово-исследовательская деятельность музеев истории высших учебных заведений юга Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2011. 21с.

3. Готра О. Б. Науково-педагогічна й громадська діяльність М. Ф. Кащенко (1855-1935 рр.) : автореф. дис. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 2007. 21 с.

4. Погребняк С., Писанець Є., Маніло В. Зоологічний музей ім. М. Щербака: минуле та сучасне // Світогляд. 2010. № 4. С. 36 – 45.

5. Романець О. В. М. Ф. Кащенко – вчений, педагог, організатор науки (1855-1935) : автореф. дис. ...канд. іст. наук: 07.00.07. Київ, 2003. 19 с.

References

1. Belousova N. A. Muzei v sisteme vysshego obrazovaniya Zapadnoj Sibiri [Museums in the higher education system of Western Siberia]: avtoref. dis. ...kand. kul'turologii: 24.00.03. Кемерово, 2009. 20 p. [In Russ.].

2. Bogolepova L. Z. Fondovo-issledovatel'skaya deyatel'nost' muzeev istorii vysshikh uchebnykh zavedenij yuga Zapadnoj Sibiri [Fund and research activity of the historical museums of higher educational institutions of the South of Western Siberia]: avtoref. dis. ...kand. kul'turologii: 24.00.03. Кемерово, 2011. 21 p. [In Russ.].

3. Gotra O. B. Naukovo-pedagogichna i громадська діяльність М. Ф. Кащенко (1855-1935) [Scientific-pedagogical and public activity of M.F. Kashchenko]: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk: 07.00.01. Kyiv, 2007. 21 p. [In Ukrainian].

4. Pogrebnyak S., Pisanets' E., Manilo B. Зоологічний музей ім. М. Щербака: минуле та сучасне [Zoological museum by M. M. Shcherbak: past and present]// Svitoglyad. 2010. № 4. Pp. 36-45. [In Ukrainian].

5. Romanets' O.V. M. F. Kashchenko – vchenyi, pedagog, organizator nauky (1855-1935) [M.F. Kashchenko – scholar, pedagogue, science organizer]: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk: 07.00.01. Kyiv, 2003. 19 c. [In Ukrainian].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Амгаланова Мария Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

2. Антонова Юлия Евгеньевна, хранитель фонда музея БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ).

3. Банзаракцаева Елена Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

4. Батурин Сергей Александрович, кандидат исторических наук, главный хранитель музейных предметов музея БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ).

5. Бураев Алексей Игнатьевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

6. Гао Цзясинь, аспирант 3 года обучения направления подготовки 46.06.01 «Исторические науки и археология» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

7. Гомбожапов Арсалан Гармазидиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (г. Новосибирск)

8. Гу Имин, магистрант 2 курса направления подготовки «Изыскания искусства» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

9. Д.Одсурэн, докторант Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор)

10. Дикий Ярослав Витальевич, аспирант 3 года обучения направления подготовки 46.06.01 «Исторические науки и археология» Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

11. Езова Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

12. Кепин Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела музеологии и научно-технической информации Национального научно-природоведческого музея НАН Украины (г. Киев).

13. Курас Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)

14. Перова Елена Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, и.о. ректора ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

15. Плеханова Анна Максимовна, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

16. Санжиева Елена Гармажаповна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

17. Сартакова Анна Владимировна, аспирант 2 года обучения направления подготовки 51.06.01 «Культурология» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

18. Семенов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

19. Тришин Валерий Александрович, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра «АПРИКТ» ФГБОУ ВО МГИК (г. Москва)

20. Харитонов Михаил Александрович, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия - Председатель Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив (г. Улан-Удэ)

21. Цыремпилова Ирина Семеновна, доктор исторических наук, доцент, и.о. проректора по научной работе ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. Amgalanova Mariya Viktorovna, PhD in Cultural studies, associate professor of the department of cultural studies and art history, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

2. Antonova Yuliya Evgenyevna, museum fund keeper, Buryat scientific center of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude city).

3. Banzaraktsaeva Yelena Vasilyevna, PhD in History, associate professor of the department of history and philosophy, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

4. Baturin Sergey Alexandrovich, PhD in History, chief keeper of the museum objects, Buryat scientific center of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude city).

5. Buraev Alexey Ignatyevich, PhD in History, associate professor, researcher of the department of history and culture of Central Asia, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian academy of sciences (Ulan-Ude city).

6. Gao Tsyasin, a 3-rd year post-graduate, specialization 46.06.01 «Historical sciences and archaeology», FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

7. Gombozhapov Arsalan Garmazadievich, PhD in History, senior researcher, Institute of Philology, Siberian branch of the Russian Academy of sciences (Novosibirsk city)

8. Gu Imin, 2nd-year Magistrate, specialization «Fine arts», FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

9. D. Odsuren, doctoral candidate, Mongolian state university (Ulaanbaatar city, Mongolia)

10. Dikiy Yaroslav Vitalyevich, a 3-rd-year post-graduate, specialization 46.06.01 «Historical sciences and archaeology», Center of Oriental manuscripts and xylographs, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian academy of sciences (Ulan-Ude).

11. Ezova Svetlana Andreevna, PhD in Pedagogy, professor of the department of library information resources, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

12. Kepin Dmitriy Vladimirovich, PhD in History, junior researcher of the department of museology and scientific-technical information, National Museum of Natural History, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine).

13. Kuras Leonid Vladimirovich, D. Sc. in History, Professor, Senior Researcher, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian academy of sciences (Ulan-Ude city).

14. Perova Yelena Yuryevna, PhD in Economy, associate professor, acting rector, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

15. Plekhanova Anna Maximovna, D. Sc. in History, associate professor, deputy director in charge of scientific work, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian academy of sciences (Ulan-Ude city).

16. Sanzhieva Yelena Garmazhapovna, PhD in History, associate professor of the department of cultural studies and art history, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

17. Sartakova Anna Vladimirovna, 2-nd-year post-graduate, specialization 51.06.01 «Cultural studies», FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

18. Semenov Yevgeniy Vladimirovich, PhD in History, associate professor of the department of museology and heritage, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

19. Trishin Valeriy Alexandrovich, leading researcher of the Scientific-educational center «APRIKT», FSBEI HE MSIC (Moscow city).

20. Kharitonov Mikhail Alexandrovich, PhD in History, deputy chief of the Head Administration and Government of the Republic of Buryatia, Chairperson of the Committee on ethnic relations and civil initiatives development (Ulan-Ude city).

21. Tsyrempilova Irina Semeynovna, D. Sc. in History, associate professor, acting vice-rector in charge of scientific work, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).